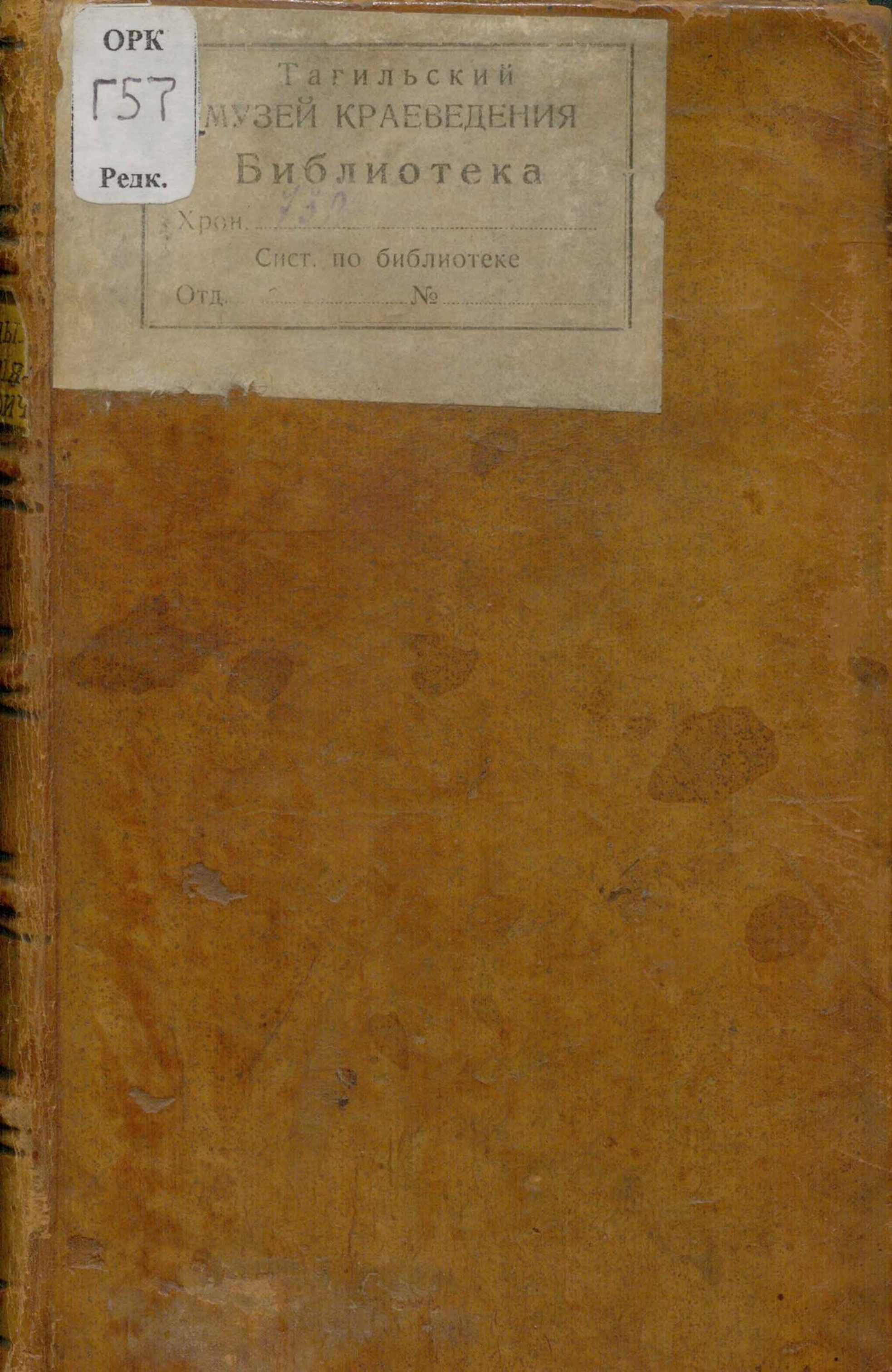
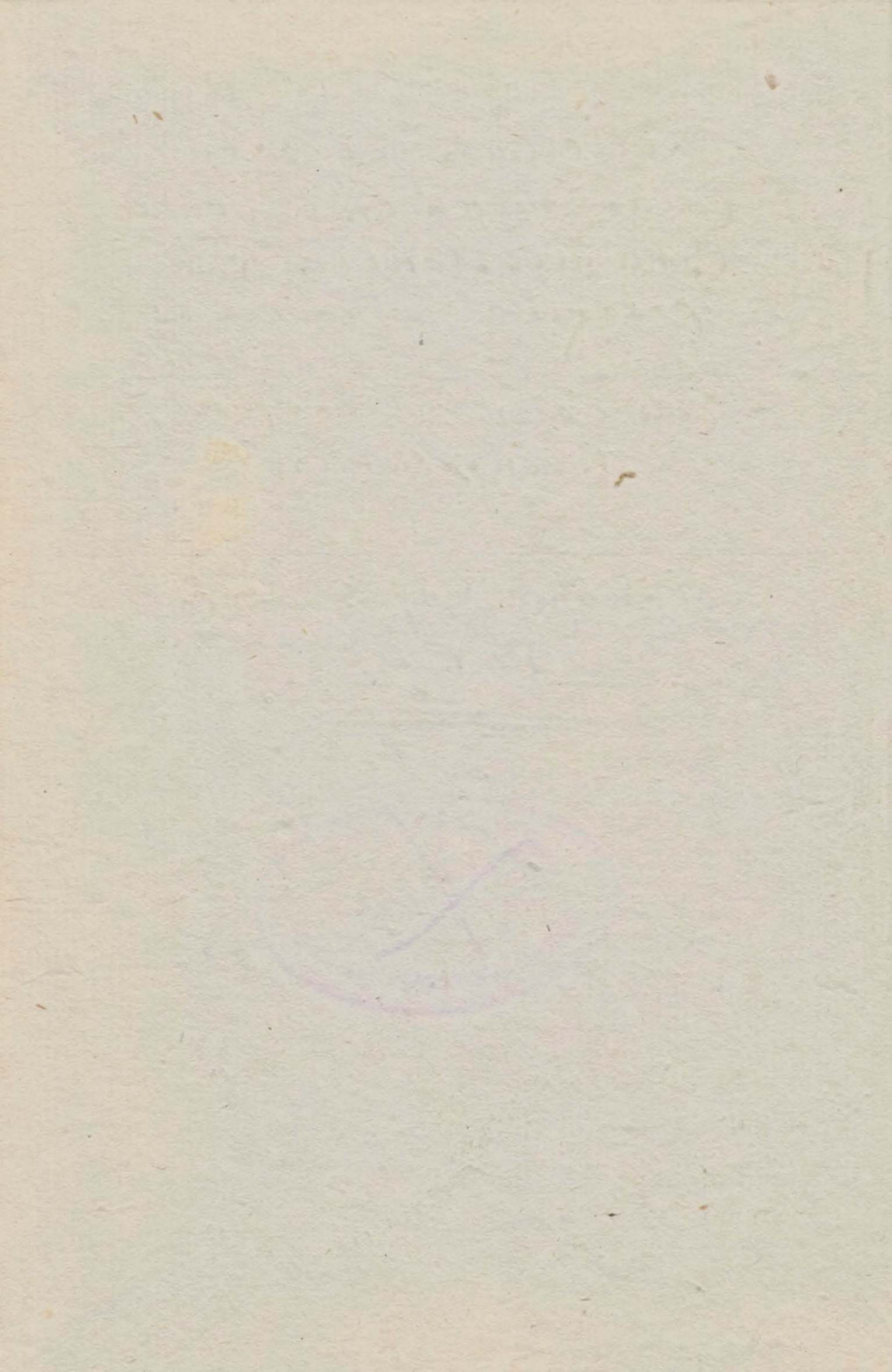

ОРК
Г57
Редк.

Хотя сия филозофиче
ская тонкость Ивана
Знать. не всякой
с охотою прочтет
особливо думать можно
что болшим боярам
непонравится

Читано в апреле 26: дн:
1746 году

ѲОМЫ ГОББЕЗІЯ

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ,

О ГРАЖДАНИНѢ.

переведены съ Латинскаго.

въ Санктпетербургѣ
и въ Москвѣ
1776 году.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,
ГРАФУ
ГРИГОРІЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ПОТЕМКИНУ,
ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОМУ ГОСПОДИНУ
ГЕНЕРАЛУ-АНШЕФУ,
Командующему легкою Конницею, всѣми Нерегулярными Войсками и Санктпетербургскою дивизїею,
СЕНАТОРУ,
Государственной Военной коллегіи
вице-президенту,
НОВОРОССІЙСКОМУ, АЗОВСКОМУ
и АСТРАХАНСКОМУ,
ГОСУДАРЕВУ НАМѢСТНИКУ,
Войскъ тамо поселенныхъ, и Днѣпровской
Линіи
ГЛАВНОМУ КОМАНДИРУ,
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГЕНЕРАЛУ-АДЪЮТАНТУ,
ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАММЕРГЕРУ,
Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку
Подполковнику,

Кавалер-

Кавалергардскаго корпуса

ПОРУТЧИКУ,

КИРАСИРСКАГО НОВОТРОИЦКАГО ПОЛКУ

ШЕФУ,

Мастерской и Оружейной палаты

ВЕРХОВНОМУ НАЧАЛЬНИКУ,

Разныхъ Иновѣрцовъ, обитающихъ въ Россіи, по Коммиссіи Новосочиняемаго Уложенія

ОПЕКУНУ,

Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Вольнаго Економическаго общества въ Санктпетербургѣ

ЧЛЕНУ,

И орденовъ Россійскихъ: Святаго Апостола Андрея, Святаго Александра Невскаго и Святаго Великомученика и побѣдоносца Георгія 2 класса; Польскихъ: Бѣлаго Орла и Святаго Станислава, и Голстинскаго Святыя Анны

КАВАЛЕРУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

ОЗНАЧЕНІЕ ГЛАВЪ.

подЪ именемЪ вольности.

подЪ имянемЪ правленія.

ГЛАВА

ГЛАВА I.

О состоянїи людей внѣ общества гражданскаго.

страг.

ГЛАВА

ГЛАВА 2.

О законѣ естественномъ, въ разсужденіи обязательствъ.

16

ГЛАВА 3.

О прочихъ естественныхъ законахъ.

9.

страни:

29

ГЛАВА 4.

О томЪ, что законЪ естественный есть законЪ Божій.

ГЛАВА 5.

О причинахЪ и произхожденіи гражданства.

9.

стат. стран.

ГЛАВА 6.

имѣетъ

ГЛАВА 7.

ГЛАВА 8.

ГЛАВА 9.

ГЛАВА 10.

ГЛАВА II.

ГЛАВА 12.

ГЛАВА 13.

ГЛАВА 14.

❦
❦ ❦

Сочинителевы примѣчанія.

(*) Стр. 2. ,, Есть животное къ сожитію способнымъ рожденное .) Когда мы видимъ , что общество между людьми дѣйствительно учреждено , что внѣ онаго никто не живетъ , что всѣ люди къ собранію и взаимному изъясненію мыслей склонны ; то не отмѣнно читателю покажется страннымъ , ежели онъ при самомъ вступленіи гражданскаго ученія увидитъ , что ,, человѣкъ не ,, рожденъ къ общежитію способнымъ ,,. И такъ яснѣе сіе положеніе истолковать должно. Хотя не оспоримая истинна и доказываетъ намъ, что человѣку по естественному его сложенію безпрестанное уединеніе несносно ; ибо младенцамъ для жизни , взрослымъ же для похвальныя жизни помощь ближняго потребна ; по чему не спорю и я въ томъ, что въ людяхъ къ собраніямъ естественное есть побужденіе : однакожъ прибавить должно , что гражданскія общества не простыя уже собранія , но союзы , для утвержденія , которыхъ вѣрность и договоры потребны. А какъ младенцы и не смысленные силы , не испытавшіе же неудобствъ , внѣ общества случающихся, пользы ихъ не вѣдаютъ : то и происходитъ изъ сего , что первые не разумѣя общества , вступить въ оное не могутъ , послѣдніе же не зная съ нимъ соединенныхъ выгодъ , со всемъ его пренебрегаютъ. Изъ сего видно , что всѣ люди (послику младенцами произведены въ свѣтъ) для общества гражданскаго рождены не способными : нѣкоторые также (а можетъ быть и весьма многіе) или по неразумію , или по недостатку наставленія во всю жизнь остаются таковымижъ. А какъ и младенцы и взрослые естество человѣческое имѣютъ : слѣдовательно человѣкъ не по естеству , но по ученію къ общежитію зделался способнымъ. Въ прочемъ хотя бы родился онъ и съ желаніемъ къ снисканію общества гражданскаго ; не слѣдуетъ однакожъ изъ того , что онъ ко вступленію въ оное рожденъ способнымъ. Иное значитъ желать , иное же быть способнымъ ; ибо желаютъ въ общество вступить и такіе , которымъ правильныхъ доворовъ , для утвержденія онаго весьма потребныхъ , гордость принять воспрещаетъ.

(*) Стр. 5. „ Отъ взаимнаго страха „.) Противополагаютъ мнѣ , что страхъ не можетъ понудить людей къ стеченію въ общество гражданское , доказывая тѣмъ , что взаимная между ими боязнь отвратила бы ихъ и отъ взаимнаго другъ на друга воззрѣнія. По ихъ мнѣнію боязнь есть не инное что , какъ ужасъ : но я подъ симъ рѣченіемъ каждый видъ будущаго зла понимаю , и думаю , что не токмо бѣгство , но недовѣреніе , подозрѣніе , опасеніе и предупрежденіе опасности , суть свойственные знаки боязливаго человѣка. Желающіе нощію успокоиться , запираютъ храмину , путешествующіе для защищенія отъ разбойниковъ имѣютъ при себѣ оружіе ; гражданства , въ предопасеніе отъ сосѣдовъ , границы стражею , жилища же стѣнами укрѣпляютъ. Также прехрабрыя , да еще и къ битвѣ устроенныя войски, опасаясь противоположенныя силы и преодолѣнія , иногда о мирѣ договариваются. Словомъ сказать: боязнь есть точная причина нашея осторожности, и человѣкъ оной подвергнутый, при недостаткѣ надежнѣйшихъ средствъ , ищетъ своего спасенія въ бѣгствѣ и укрывательствѣ ; весьма же часто защищается какимъ либо оружіемъ : отъ чего происходитъ , что отваживающіеся на бой , единъ другаго намѣреніе постигнуть могутъ. А тогда вступаютъ ли въ сраженіе , или между собою утвердятъ согласіе ; въ обѣихъ однакожъ случаяхъ , въ первомъ побѣда , въ послѣднемъ же согласіе, бываютъ причиною установленія общества гражданскаго.

(*) Стр. 8. „ Въ совершенноестественномъ состояніи„.) Сіе разумѣть должно такъ: что въ совершенноестественномъ состояніи человѣкъ , да еще и погрѣшающій нѣкогда противу Бога , или естественныхъ законовъ , ни какимъ дѣйствіемъ обиды ближнему нанести не можетъ; ибо несправедливость человѣку оказанная предполагаетъ законы человѣческіе , каковыхъ со всемъ нѣтъ въ естественномъ состояніи. Хотя же справедливость сего положенія въ не посредственно предъидущихъ статьяхъ внимательному читателю и довольно доказана : но какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жестокость заключенія предъидущее помнить возпрещаетъ ; то сокращая доказательство , хощу предложить дѣло вдругъ на разсмотрѣніе. Каждый имѣетъ право на сохраненіе себя , въ силу 7

статьи

статьи: слѣдовательно каждый имѣетъ его и на употребленіе средствъ, къ оному концу не обходимо потребныхъ, въ силу 8 ст. И какъ нужными средствами почитать должно тѣ, которыя самъ онъ признаетъ таковыми, въ силу 9 ст: слѣдовательно каждый имѣетъ право дѣлать и при себѣ удерживать все то, что самъ къ сохраненію своему признаетъ нужнымъ. А по сему все, по собственному предпріемлющаго разсужденію содѣланное, правильно ли то, или нѣтъ, учинено по праву? И такъ справедливо то, что въ совершенно-естественномъ состояніи и проч. Но ежели кто къ сохраненію своему принадлежащимъ щитаетъ дѣйствіе, собственнымъ его разсужденіемъ отвергаемое: въ такомъ случаѣ погрѣшаетъ онъ противу естественныхъ законовъ, какъ о томъ въ главѣ 3 ясно истолковано. Противополагаютъ нѣкоторые, что сынъ своего отца дѣйствительно обидитъ, ежели лишитъ его жизни. На сіе отвѣтствовалъ уже я, что въ естественномъ состояніи младенца отческимъ сыномъ назвать неможно по тому, что онъ, при самомъ исхожденіи изъ утробы матернія, состоитъ уже подъ властію того лица, коему сохраненіемъ своея жизни обязанъ, то есть: принадлежитъ онъ отцу, или матери, или питающему его, какъ о томъ въ главѣ 9 доказано.

(*) Стр. 14. „Начертаніе, или внушеніе благоразумія„.) Въ естественномъ человѣческомъ состояніи чрезъ благоразуміе, разумѣю я неспособность правомыслія, но дѣйствіе разсужденія, то есть: собственное каждаго человѣка, да еще и истинное умствованіе о его дѣйствіяхъ, къ пользѣ, или вреду прочихъ людей клонящихся. Собственное говорю, по тому, что хотя въ обществѣ разсужденіе самаго общества (то есть законъ гражданскій) всѣми гражданами за правильное бываетъ почитаемо: однакожъ внѣ общества, гдѣ правильнаго разсужденія отъ ложнаго, безъ сравненія съ собственнымъ, ни кто разпознать не можетъ, всякому свой разумъ почитать должно не токмо правиломъ своихъ дѣйствій, но и мѣрою чужаго разума въ своихъ дѣлахъ. Истинное говорю, то есть, изъ истинныхъ началъ, основательно сложенныхъ, заключенія выводящее; понеже ложное умствованіе, то есть, невѣденіе тѣхъ, которые не понимаютъ своихъ должностей, въ разсужденіи

 про-

прочихъ людей, къ собственному ихъ сохраненію весьма нужныхъ, прямо естественные законы нарушаетъ. Основанія же праваго умствованія, въ разсужденіи вышеписанныхъ должностей, суть тѣ, которыя 1 глав. во 2, 3, 4, 5, 6 и 7 статьяхъ показаны.

(*) Стр. 19. „При воспослѣдованіи основательныя Опасности„.) Ибо ежели послѣдній по договору исполнитель ни дѣйствіемъ, ниже иннымъ произволенія знакомъ не подастъ первому повода думать, что онъ нарушитъ свое обѣщаніе, въ такомъ случаѣ опасеніе перваго будетъ не основательно по тому, что причина, побудившая его къ заключенію договора, должна побудить и ко исполненію въономъ предписаннаго.

(*) Стр. 38. „Обида другому быть не можетъ, кромѣ „того, и проч„.) дѣйствіе не правое, именуется *несправедливостію* относительно къ законамъ, *обидою же* и къ лицу и къ закону. Ибо несправедливость для всѣхъ останется несправедливостію: обида же хотя и можетъ воспослѣдовать, однакожъ не мнѣ и другому, но кому либо третьему; а иногда ни единому частному человѣку, но обществу; иногда же ни обществу, ни гражданину, но единому Богу. Понеже обязательства и пренесеніе права содѣлали, что мы дѣйствіе, не по праву противу кого либо учиненное, обидою тому, или другому именуемъ. А отъ сего и воспослѣдовало, что (во всякомъ обществѣ примѣтить можно) все, частными людьми словомъ, или дѣломъ между собою утвержденное, бываетъ взыскиваемо, или уничтожаемо волею лица обязующаго: за вредъ же, противу гражданскихъ законовъ содѣянный, какъ то: за воровство, человѣкоубивство и проч. бываетъ отмщеніе, не съ волею лица, оный претерпѣвшаго, но съ соизволеніемъ общества, то есть, съ положительными законами сообразное. И такъ обида какому либѣ лицу нанесенная, до пренесенія на оное права, обидою именоваться не можетъ.

(*) Стр. 42. „Что благоразуміе повелѣваетъ намъ означенныя дѣйствія наблюдать и проч„.) Къ сей осторожности прибавить должно еще и то, что между сими заповѣдями находятся и такія, нарушеніе которыхъ въ естественномъ

ственномъ состоянїи (лишъ бы только оное для утвержденїя мира, или для собственнаго сохраненїя было предпрїято) не нарушенїемъ, но исполненїемъ естественныхъ законовъ назвать можно; ибо каждый поступаетъ справедливо тогда, когда противу не обузданныхъ не обузданнымъ, и противу похитителей похитителемъ учинится. На противъ же того естьлибъ кто во время войны слѣдовалъ тому, что въ мирѣ людскостїю именуется; въ такомъ случаѣ его не иначе, какъ невѣждою, и собственнаго своего лица предателемъ назвать можно. Есть однакожъ нѣсколько естественныхъ законовъ и такихъ, которые и на брани нарушать не должно, ибо не понимаю я, какъ можетъ пьянство, или жестокосердїе, (то есть: отмщенїе, на будущее не взирающее) утвержденїю мира, или сохраненїю каждаго человѣка способствовать. Словомъ оказать: въ состоянїи естественномъ о справедливомъ и не праведномъ судить должно не съ дѣйствїемъ, но съ совѣстїю дѣлающаго сообразуясь. Что по необходимости, для сниканїя мира, или для собственнаго учинено сохраненїя, то учинено справедливо: иначе же каждый, человѣку нанесенной вредъ, заключалъ бы въ себѣ нарушенїе естественнаго закона, и оскорбленїе величїя Божїя.

(*) Стр 66. „Множество,„.) Все ученїе о власти верьховнаго въ обществѣ лица надъ гражданами, зависитъ почти отъ единаго уразумѣнїя различїя, между множествомъ управляющимъ и управляемымъ состоящаго. Ибо каждое общество такое имѣетъ положенїе, что множество, оное составляющее, не только управляетъ, но и повинуется лицу управляющему: однакожъ и то и другое особенное въ себѣ разумѣнїе заключаетъ. Сїе различїе хотя почиталъ я въ 1 сей статьѣ и совершенно изъясненнымъ: однакожъ изданныя отъ многихъ противу сего возраженїя понудили меня перемѣнить свое мнѣнїе. По чему для лучшаго истолкованїя разсудилъ я въ нижеслѣдующемъ нѣчто прибавить.

Множество, поелику есть рѣченїе собирательное, означаетъ многїя вещи, какъ то: множество людей, то же самое, что и многїе люди. И какъ оное рѣченїе есть числа единственнаго, то и означаетъ одну вещь, то есть, единое множество. Однакожъ должно разумѣть,

мѣть, что множество не единую, естествомъ влїянную волю, но каждый онаго членъ особенную свою имѣетъ: а по тому нельзя приписать ему единаго дѣйствїя, каково бы оно само въ себѣ ни было. И такъ обѣщать, утверждать договоръ, приобрѣтать и переносить права, дѣлать, имѣть и владѣть, безъ общаго согласїя, множество не можетъ; а по сему будетъ столько же обѣщанїй, договоровъ и дѣйствїй, сколько въ ономъ состоитъ членовъ. И такъ множество лицомъ естественнымъ назвать не можно. Однакожъ отъ того же самаго множества, но вкупѣ договоръ утверждающаго, возпослѣдуетъ, что единаго человѣка, или большїя онаго части, согласная воля, за общую признана будетъ: по чему и самое множество единое тогда лице на себя возпрїиметъ. А какъ сїе лице всегда удерживаетъ при себѣ вольность: слѣдственно можетъ имѣть дѣйствїя самопроизвольныя, какъ то: управлять, издавать законы, прїобрѣтать и переносить права и проч: по чему тогда оно не множествомъ, но народомъ уже именуется. И такъ должно сїе рѣченїе различать слѣдующимъ образомъ: когда мы хотимъ сказать, что народъ, или множество нѣчто предпрїемлетъ, дѣлаетъ, или управляетъ: тогда рѣченїе сїе принимать должно за общество, которое предпрїемлетъ дѣлаетъ, или управляетъ въ лицѣ единаго человѣка, или многихъ особъ, согласныя воли имѣющихъ; однакожъ согласїе многихъ произволенїй не иначе, какъ въ полномъ собранїи оныхъ особъ возпослѣдовать можетъ. Естьли же выговоритъ кто, что множество народа, безчисленно ли оно, или не велико, учинило нѣчто безъ сонзволенїя онаго лица, или собранїя: то разумѣть должно, что оное дѣйствїе произошло отъ подлежащаго власти народа, то есть, отъ многихъ между собою соединенныхъ частныхъ воль; по чему не единая, но многїя воли были причиною сего произшествїя; ибо частные люди, то есть подданные, лица гражданскаго въ себѣ не представляютъ.

(*) Стр. 72. „ Имѣетъ право уничтожать всѣ ученїя и „ проч „.) Нѣтъ ни единаго почти въ свѣтѣ ученїя, которое бы распрей, не согласїй, раздоровъ, а потомъ и брани не производило, Причиною тому не ложность ученїя, но собственный разумъ людей, которые почитая себя премудрыми, желаютъ сего почтенїя и отъ прочихъ.

А

А хотя въ обществѣ происшествію таковыхъ несогласій совсемъ воспрепятствовать не можно: однакожъ верьховное правительство долженствуетъ укрощать ихъ, какъ неустройства, общественное благосостоянїе возмущающїя. Предположивъ сїе, слѣдуетъ теперь показать самыя возмутительныя мнѣнїя. И во первыхъ есть ученїя, коими напоенные граждане думаютъ, что отказаться отъ должнаго обществу повиновенїя, и воспрїять противу своего Государя, или верьховныхъ правителей оружїе не токмо по праву иногда можно, но еще и должно. Каковы суть всѣ ученїя, или явственно, или тайно чрезъ послѣдствїя, сверьхъ лица, верьховною властїю уполномоченнаго, иннымъ людямъ повиновенїя отъ насъ требующїя. Изъ сего каждый уразумѣетъ, что симъ мнѣнїемъ касаюсь я тоя власти, которую Римскому Первосвященнику въ обществахъ, со всемъ не его правленїю подлежащихъ, многїе приписыватъ, икою индѣ и не зависимые отъ Римскїя церкви Епископы въ собственномъ своемъ отечествѣ похитить домогаются, не говоря уже о вольности, самаго нижайшаго степени людьми подъ видомъ благочестїя себѣ присвояемой; ибо во всемъ христїанами населеномъ мїрѣ была ли хотя единая междоусобная война, которая бы не отъ сея искры возгорѣлась? И такъ и разсматривать ученїя, не содержатъ ли онѣ чего либо гражданскому повиновенїю противнаго, и изкоренять вредныя, по мнѣнїю моему, долженствуетъ власть гражданская; ибо к гда всѣ мы разсужденїе о дѣлахъ, до мира и защищенїя касающихся, предоставляемъ обществу, вышеписанныя же мнѣнїя прямо до соблюденїя въ ономъ тишины касаются: слѣдовательно и разсматривать ихъ должно обществу, то есть, верьховнымъ правителямъ.

(*) Стр. 73. „Совершенною.„) Состоянїе народное явно себѣ требуетъ власти совершенныя: ниже противятся тому граждане. Ибо разумѣютъ такожде и невѣжды, что лице гражданское состоитъ въ собранїи многихъ особъ, и порядочное въ обществѣ теченїе дѣлъ бываетъ утановляемо совѣтомъ. Но хотя единоначалїе можетъ также назваться образомъ гражданскаго общества, какъ и народоначалїе, хотя и не зависимые Государи имѣютъ своихъ совѣтниковъ, коимъ всѣ важнѣйшїя государственныя дѣла предлагаютъ на разсмотрѣнїе, требуя собственнаго ихъ на оныя мнѣнїя: однакожъ общество, въ

 лицѣ

лицѣ единаго Государя заключающееся, многимъ не извѣстно. Чего для противу совершенной власти противополагаютъ первое: ежели бы де человѣкъ столь не ограниченнымъ правомъ былъ уполномоченъ: то состоянїе гражданъ было бы самое бѣдственное; ибо, по ихъ мнѣнїю, уполномоченный похищать, раззорять и убивать моможетъ, такъ, что каждый себя едва уже не раззореннымъ, или умерщвленнымъ щитать будетъ. Но для чегожъ бы ему сїе здѣлать? Не ужели для единаго своего могущества? Нѣтъ: ибо ежели не желаетъ, ни какъ къ таковому дѣйствїю не приступитъ. Да и на что ему во удовольствїе единой, или немногихъ особъ раззорить цѣлое общество? И во первыхъ хотя поступитъ онъ въ семъ случаѣ по праву, то есть, не здѣлавъ себѣ чрезъ то ни малѣйшїя обиды: однакожъ сей поступокъ соединенъ съ нарушенїемъ естественныхъ законовъ, и оскорбленїемъ благости Божїя. И такъ учиненная верьховнымъ правителемъ присяга нѣкоторую подданнымъ безопасность доставляетъ. Но хотя бы и справедливо онъ то учинить могъ, или ни во что вмѣнялъ присягу: однакожъ нѣтъ ни единыя причины, могущей понудить его къ раззоренїю своихъ подданныхъ; а особливо, когда изъ того ни какая польза не предвидится. Въ прочемъ не должно отрицать и того, чтобъ совсемъ не имѣли они къ не праведнымъ дѣламъ поползновенїя. Но положимъ, что ты уступилъ ему не совершенную надъ собою власть, а такую, которыя для твоего отъ обиды кругихъ защищенїя довольно, что учинить не отмѣнно ты долженъ, естьли желаешь пребыть цѣлымъ и не вредимымъ: однакожъ и такимъ образомъ повинуясь, не всего ли означеннаго долженъ опасаться? Ибо имѣющїй довольныя силы для защищенїя общества; довольно будетъ силенъ притѣснить всѣхъ оное составляющихъ членовъ. Слѣдовательно въ семъ положенїи ни чего несноснаго не содержится, изключая токмо то, что дѣламъ человѣческимъ безъ нѣкотораго неудобства состоятъ не возможно. Неудобствоже сїе не отъ верьховыхъ правителей, но прямо отъ гражданъ происходитъ; ибо есть ли бы каждый человѣкъ собственною своею властїю, то есть: естественными законами могъ бы управляться, то ни въ гражданствѣ, ни въ общей власти, для укрощенїя нашего нынѣ весьма не обходимой, ни малой бы нужды не было. Противополагаютъ еще, что въ обществѣ

ствѣ Христіанскомъ со всѣмъ нѣтъ совершенныя власти. Но сїе противоположенїе ни мало не справедливо; ибо всѣ единоначалїя, и другїя гражданскаго состоянїя образы дѣйствительно соединены съ вышеписанною властїю. А хотя правители и не всегда приступаютъ къ тому, чего собственное ихъ желанїе, и усматриваемая ими польза отъ нихъ требуетъ: однакожъ причиною тому не маломощїе, ихъ но разположенїе гражданъ, которые будучи упразднены попеченїемъ собственно о себѣ, къ должности иногда безъ общїя опасности принуждены не бываютъ. И такъ нѣкогда удерживаются Государи отъ употребленїя своего права; но удерживаются столь осторожно, что упустивъ нѣчто изъ самаго дѣла, право свое всецѣлымъ при себѣ оставляютъ.

(*) стр. 76. „Слѣдовательно собственность начало свое воспрїяла вмѣстѣ со установленїемъ гражданства...) Хотя и противополагали нѣкоторые, что собственность въ имѣнїяхъ была еще до установленїя гражданства въ частныхъ семействахъ: но какъ я уже изъяснилъ, что семейство есть не инное что, какъ малое гражданство, слѣдовательно сїе противоположенїе имѣть здѣсь мѣста не можетъ Ибо каждый въ семействѣ сынъ хотя и пользуется нѣкоторою уступленною ему отъ отца собственностїю. отъ прочихъ тогожъде семейства дѣтей отдѣленною: но пользуется такъ, что полное на нея право всегда при отцѣ остается. Отцы же разныхъ семействъ, общему отцу, или господину не подвластные, имѣютъ общее право на всѣ вещи.

(*) Стр. 76. „Ниже разсуждается о томъ, сколь да„леко могущество верьховнаго правителя по праву про„стирается„.) Сколько разъ ни дозволяется гражданину дѣйствовать законами противу верховныхъ правителей, то есть, противу общества: ни когда однакожъ въ семъ дѣйствїи не отвергается то право, по которому лице гражданское частными имѣнїями можетъ разполагать посвоему изволенїю; но спрашивается токмо, изъявило ли оно на сїе свою волю въ прежде изданныхъ законахъ? Ибо законъ есть обнародованная верьховнаго правитаая воля. И такъ когда общество можетъ отъ гражданина требовать денегъ двоякимъ образомъ, то есть, подъ видомъ подати, и подъ видомъ займа: то въ первомъ случаѣ дѣйствїе закона гражданину не дозволяется, тѣмъ на иначе, что

что не можно уже спрашивать, имѣетъ ли общество право требовать отъ насъ подать; во второмъ же дозволяется по тому, что общество ни чего не желаетъ достать отъ гражданина хитростію, но естьли нужда востребуетъ, все явно. Слѣдовательно не право мыслятъ всѣ тѣ, которые утверждаютъ, что чрезъ сіе ученіе Государи имѣютъ удобный способъ освободиться отъ долговъ своихъ.

(*) Стр. 78. ,, Хотя съ клятвою, или при совер-,, шеніи таинства заключенныя и проч,,.) Я не намеренъ разсуждать здѣсь о томъ, точно ли супружество есть таинство: (въ каковомъ смыслѣ оно отъ богослововъ пріемлется) а говорю только, что сожитіе обоего пола двухъ лицъ законнымъ, то есть, гражданскими законами позволеннымъ обязательствомъ утвержденное, таинство ли оно или нѣтъ, точно есть законное супружество. И ежели самая сущность супружества требуетъ того, чтобъ были при немъ законныя обязательства, то всякое между двухъ обоего пола лицъ сожитіе, законами не дозволенное, супружествомъ именоваться не можетъ. Законныя супружества были во многихъ мѣстахъ, какъ то: у Евреовъ, Грековъ и Римлянъ; съ такимъ однакожъ условіемъ, что въ случаѣ нужды можно было тамъ приступить къ разводу. Но у тѣхъ, которые допущаютъ утверждать вышеписанныя обязательства съ тѣмъ, чтобъ вступившіе въ сожитіе ни когда разводимы не были, супружество долженствуетъ пребыть на всегда не рѣшимымъ, не по тому, что оное есть таинство, но по уваженію воли общества, которое соединеннымъ разводиться запрещаетъ. И такъ и совершеніе употребляемыхъ при бракосочетаніи обрядовъ, и благословеніе сочетавающихся или такъ сказать, оныхъ посвященіе, принадлежитъ, собственно до духовенства: прочія же бракосочетанія принадлежности, какъ то: кому, когда, и на какихъ договорахъ утверждать супружество, въ полномъ расположеніи гражданскихъ законовъ остаются.

(*) Стр. 88. ,, По чему таковому верьховнѣйшія ,, власти раздѣленію и быть не возможно,,.) Многіе утверждаютъ, что верьховную власть не раздѣлять, но умѣрить и ограничить должно. Положимъ, что сіе мнѣніе справедливо: но они мыслятъ весьма не основательно

тельно, есть ли чрезъ умѣренїе и ограниченность, само разделенїе разумѣютъ. Желалъ бы я подлинно, чтобъ не только самодержавные Государи, но и собранїя, верьховною властїю уполномоченныя, старались воздержаться отъ злодѣянїй: и разсуждая о своихъ должностяхъ, естественнымъ и Божїимъ закономъ повелѣнное творили. Но не сїе есть вышеписанныхъ умствователей мнѣнїе: они желаютъ, чтобъ ограничивать и смирять верьховныхъ правителей другїе власть имѣли; чего однакожъ со всемъ допустить не можно. Ибо когда опредѣленные для усмиренїя Государей, не иначе, какъ чрезъ присвоенїе себѣ нѣкоторой части самовластїя могутъ успѣть въ порученной имъ должности: слѣдуетъ изъ того, что всецѣлая власть не умѣряется, но дѣлится.

(*) Стр. 119. ,, Искусствомъ человѣческимъ послѣ были составлены ,,.) Кажется, что древнїе мѣтя на сїе, вымыслили басню о Промиѳеѣ, сказывая: что Промиѳей, похитивъ огнь у солнца, изъ илу, или грязи здѣлалъ человѣка: за что отъ разгнѣваннаго Юпитера наказанъ вѣчнымъ терзанїемъ его сердца, то есть: что человѣческимъ разумомъ, (который въ баснѣ чрезъ Промиѳея изображается) чрезъ подражанїе, отъ единоначальнаго правленїя заимствованы законы и правосудїе, коихъ силою (аки огнемъ, похищеннымъ отъ его источника) чернь, (какъ бы грязь человѣческая) оживлена и совокуплена въ единое лице гражданское, вельможеначалїемъ, или народоначалїемъ, названное. Установители жъ и любители сихъ общенародныхъ правленїй, которые подъ естественною властїю Государей могли бы жить въ безопасности и покоѣ, наказываются сами за сїе тѣмъ, что они, подвержены будучи всегдашнимъ заботамъ, подозрѣнїямъ и раздорамъ, мучатся безпрестано.

(*) Стр. 177. ,, Договоромъ обязываемся ,,.) Нѣкоторые думали, что одно и то же самое есть, обязываться и быть обязанну: а по тому въ словахъ токмо, а не въ самомъ дѣлѣ нѣкоторое раздѣленїе они поставляли. И такъ яснѣе сїе истолковать должно. Человѣкъ договоромъ обязывается, то есть, для соблюденїя своего слова исполнить долженъ обѣщаемое: но закономъ обязанъ бываетъ, то есть: страхомъ, отъ предписан-

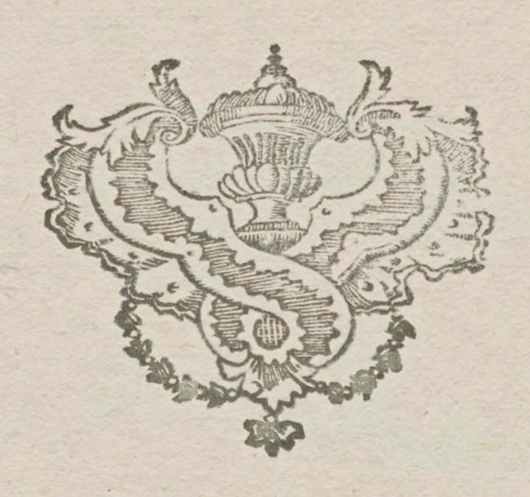
нага

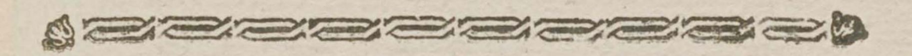
наго вѣ законѣ наказанія происходящимѣ, кѣ должному дѣйствію бываешѣ понуждаемѣ.

(*) Стр. 184. „Отнести должно ко преступленіямѣ „неразумія,„.) Что безбожіе отнесѣ я ко преступленіямѣ неразумія, многіе не токмо за то меня возражали, но еще нѣкоторые не усумнились говоришь, что и не довольно жестокимѣ противникомѣ оказалѣ себя безбожнымѣ. Сверьхѣ того противополагаютѣ еще мнѣ собственное мое мнѣніе, вѣ коемѣ утверждалѣ я, что Бога знать естественнымѣ разумомѣ можно, а по тому долженствовалѣ бы де признаться вѣ томѣ, что безбожники по крайности противу естественнаго закона погрѣшаютѣ? слѣдовательно не токмо вѣ неразуміи, но и вѣ несправедливости обвинять ихѣ должно. Яже столь непримиримый безбожникамѣ непріятель, что употребилѣ всѣ силы на отѣисканіе такого закона, по которому бы вѣ несправедвости обвинить ихѣ было можно. Но когда не нашелѣ ни единаго, то избралѣ ближайшее кѣ тому средство, то есть, старался узнать, какимѣ имянемѣ всеблагій Богѣ сихѣ оскорбителей его величія нарицаетѣ. А какѣ онѣ о безбожникѣ говоритѣ: „Рече безуменѣ вѣ сердцѣ „своемѣ нѣсть Богѣ„; слѣдовательно и преступленіе ихѣ причислилѣ я кѣ тому роду, кѣ которому оное отѣ самаго Бога причислено. Сверьхѣ того представляю ихѣ врагами имени Божія, твердо увѣренѣ будучи, что рѣченіе врагѣ большее вѣ насѣ омерзеніе производитѣ, нежели не справедливый. Напослѣдокѣ утверждаю, что и отѣ всемогущія руки, и отѣ высочайшихѣ властей подѣ именемѣ вышеписанныхѣ преступниковѣ правильно они наказаны быть могутѣ; по чему и самое преступленіе не извиняю, ниже умаляю. А хотя и сказалѣ я, что Бога естественнымѣ разумомѣ знать можно: однакожѣ никакѣ не мыслилѣ я симѣ положеніемѣ утверждать, чтобѣ всѣ люди посредствомѣ сего свѣта о бытіи Божіи были увѣрены; ибо изѣ найденнаго Архимедомѣ чрезѣ естественный разумѣ точнаго содержанія шара кѣ цалиндру ни какѣ не можно заключить, чтобѣ и каждый изѣ насѣ тоже самое учинитѣ былѣ способенѣ. И такѣ хотя и весьма много найдется такихѣ, которые помощію естественнаго разума бытіе Божіе познать могутѣ: но ежели представить вѣ примѣрѣ безпрестанно упражняющихся вѣ сисканіи сладострастій, богатствѣ, и достоинствѣ,

такжe

также не имѣющихъ способности правомыслія, или нестарающихся о снисканіи онаго, а наконецъ и безумныхъ, въ числѣ которыхъ состоятъ безбожники: то всякой признается, что нѣтъ въ нихъ ниже искры того свѣта, который намъ бытіе Божіе открываетъ.

Краткое описанїе жизни

ѲОМЫ ГОББЕЗІЯ,

сочинителя сей книги,

Ѳома Гоббесъ, или Гоббезїй Мальмесбургецъ *, родился 1588 году. Отецъ его былъ священникъ. Въ Гоббесѣ оказалась острота разума, по рожденїи его очень рано, для того въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ посланъ былъ въ Оксфортъ, гдѣ Логикѣ, Физикѣ Перипатетической, и другимъ свободнымъ наукамъ изъучился. Потомъ взялъ его Гулїельмъ (Вильгельмъ) Кавендичъ къ себѣ, и поручилъ ему

(*) МАЛЬМЕСБУРГЪ) не большой городокъ въ Аглицкой провинцїи Вильтонїи, на рѣчкѣ Авонѣ. Он славенъ раззоренїемъ знатнагос своего Аббатства, и рожденїемъ въ немъ честнаго Гоббеса. Мальмесбургъ отъ себя посылаетъ двухъ депутатовъ въ Парламентъ: лежитъ разстоянїемъ на 25 Французскихъ миль отъ Лондона и имѣетъ 15 градусовъ, и 36 минутъ долготы, а широты 51 градусъ и 35 минутъ. Вильтонїя одна изъ лучшихъ Южной Англїи, провинцїй, имѣетъ 13 миль долготы и 10 широты, она изобилуетъ пасствою. Салисбургъ главный оныя городъ. см: Восгенова Карманной Географич: Словарь.

ему сына своего въ наученїе; у котораго былъ онъ съ великимъ успѣхомъ и ѣздилъ съ нимъ по Францїю, и Италїю, гофмейстеромъ. Сей ему случай, хорошїй подалъ способъ, къ изощренїю своего разума. Оттуда возвратясь чрезвычайно возненавидѣлъ Академическое ученїе, и Философїю Перипатетическую презирать началъ; Потому что, какъ не основательна, такъ и не полезна была она, для человѣческой жизни. И такъ онъ оставя оную, устремилъ свое желанїе къ чтенїю древнихъ Греческихъ и Римскихъ писателей, притомъ не полагаясь ни накомъ изъ нихъ, но выбирая подлинное, изъ всѣхъ, сокровище ума. Что, когда его ученымъ человѣкомъ сдѣлало; то былъ похваленъ Бакону Веруламїю, для переводу его сочиненїй на Латинскїй языкъ, и тѣмъ онъ извѣстенъ сдѣлался Едуарду Герберту Гербургскому. Сїи великїе мужи воспламенили въ немъ своимъ обхожденїемъ ревность къ еклектической или избранной Философїи. Словесныя науки соединяя онъ съ ученїемъ Философїи, а

особливо

особлипо гражданской, перепелъ на Англинской языкъ для споихъ согражданъ Ѳукидида. Чемъ еще больше онъ, какъ по природной склонности, такъ и отъ чтенія дрепнихъ писателей, и обращенія съ Веруламіемъ, избраннымъ родомъ философстпопать началъ: тѣмъ пящше схоластикопъ и схоластическое, или школьное ученіе позненапидѣлъ. По смерти Депонскаго Графа и его сына, остапипши отечестпо, паки Гоббезій поѣхалъ пъ Италію, имѣя съ собою пъ томъ пути, нѣкотораго благороднаго юношу. И расмотрѣпши онъ пользу пъ Математикѣ, спозналъ способъ, какъ доказыпать изъ Епклида, и употребилъ его пъ Философическое размышленіе. Позпратипшись домой, и сдѣлапшись учителемъ сына жены покойнаго Графа Депонскаго, отпрапился съ нимъ по Францію. Въ семъ путешестпіи остапопясь на нѣкоторое премя пъ Парижѣ, пеликимъ мужамъ, пъ разсужденіи ученія и прозорлипаго разума похпальнымъ, а особлипо Мер-

 сенну

сенну и Гассенду, здѣлался извѣстнымъ, и съ того времени съ оными имѣлъ великую дружбу, оттуда послѣдовало, что премного его Гассендъ подозрѣвать началъ за то, что онъ свободно и остроумно философствовалъ. Возвратился онъ изъ Франціи въ Италію, гдѣ увидѣлся и сдружился съ Галилеемъ: однако сдѣланная съ нимъ дружба крайне ненавистна была духовнымъ особамъ. И такъ, обогатя свой разумъ знаніями, въ 1637 году возвратился въ отечество, и прежнюю свою дружбу съ учеными мужами продолжалъ писменно, и началъ упражнятся въ Политикѣ. Къ чему причину подало ему отечество, когда многіе, а особливо Шотланцы склонны были къ Демократическому правленію, что онъ предвидѣвши имѣющееся быть вреднымъ отечеству, началъ изъ Философіи, для показанія выдумывать средство, изъ извѣстныхъ началъ о правѣ, силѣ, и нуждѣ верховной власти, для того выдалъ онъ слав-

славнѣйшія книги, о Гражданинѣ и Левіаѳанѣ. Увѣрялъ себя Гоббезій, что онъ разсѣвая, для укрѣпленія власти Королевской новыя начала, позпрепятствуетъ разумножаться бунту, и пресѣчетъ раздоры позмущенія, и тѣмъ защитниковъ королевскихъ безопасными сдѣлать можетъ. Ибо онъ тогда все до вопиноленія его относилъ, и крайне какъ позмущенія, такъ и причины оныхъ ненавидѣлъ, но почувствовалъ въ короткое время, что онъ несклоняющихся на то раздражилъ. Ибо по умноженіи несогласія Англичанъ и Шотланцовъ, когда на общемъ королевскомъ сеймѣ въ 1640 году защитники королевскіе начали быть утѣсняемы, и великой сдѣлался по Дворѣ бунтъ, то опасаяся насилія отъ защищающихъ, Демократію, и добровольно поѣхавши во Францію, пріѣхалъ въ Парижъ, желая сыскать безопаснѣйшее въ содружествѣ ученнѣйшихъ мужей прибѣжище. Гдѣ Гоббезію весьма была пріятна дружба Гассендова, когда ихъ соеди-

 нило

нило нѣкоторое сходство въ Философскихъ мнѣніяхъ, съ Картезіемъ, или Декартомъ такъ же посредствомъ Меранна, возимѣлъ онъ дружбу; но по испытаніи его размышленій оная скоро пресѣклась; поелику они въ своихъ основаніяхъ совсѣмъ были между собою противны. Будучи въ Парижѣ приставленъ былъ онъ къ сыну Короля Аглицкаго Карла II. живущему тогда въ Парижѣ, для преподаванія ему Философскихъ, и Математическихъ наукъ. И для защищенія его стороны, издалъ онъ размышленія о гражданинѣ, чтобъ тѣмъ отвратить кровопролитныя предпріятія, и междуусобныя гражданъ бунты, которыя тогда къ большему неистовству простирались, то не удивительно, что такія основанія принялъ Гоббезій, которыя обыкновенно не нравятся тѣмъ, кои власть верьховную ограничиваютъ. Но тѣ основанія подали ему новыя разсужденія и мнѣнія, о необходимости, вольности, судьбѣ и щастіи, о коихъ имѣлъ съ Брахманами частые споры. Понеже онъ много

утверждалъ

утверждалъ такого, что необходимую нѣкоторую нужду, отъ совершенной Божеской власти, и не оспоримой его воли произходящую, имѣетъ, и отъ чего все, о правосудіи понятіе опровергается, какъ жаловался нѣкто. Въ прочемъ, чтобъ прочія Философіи части, на нововыдуманныхъ утвердить основаніяхъ, то онъ о человѣческомъ естествѣ и политическомъ тѣлѣ написалъ книгу, и подъ именемъ Левіаѳана издалъ. Въ которой книгѣ хотя остроту разсужденія и многія знанія оказалъ, и хотя преизрядное ученое зданіе, но странное соорудилъ: однако въ крайнюю чрезъ сей трудъ пришелъ ненависть, и получилъ гнѣвъ и негодованіе отъ Епископовъ Англинскихъ, какъ за то, что казался умышлять противъ откровенія, такъ и за то, что полагалъ основанія противныя тому, которое тогда всѣ принимали, и за не полезное Димократическому почитали правленію. Кромѣ того, крайне и королевскимъ защитникамъ по-

дозри

дозрительнымъ сдѣлался, что держался Кромпелевой стороны: однако онъ сiю вину постоянно отвратилъ отъ себя. И такъ, потерявши королевскую милость, и будучи отвергнутъ отъ его Фамилiи среди самой зимы изъ Парижа въ Англiю отправился и не приставая ни къ какой части спорющихъ съ ученными мужами, а особливо съ Гавреемъ и съ Ельяномъ жилъ дружно. На конецъ отправился въ домъ графовъ Девонскихъ, и тамъ будучи отдаленъ отъ всякаго безпокойства, Логику и Физику, часть системы, къ нравоучительной Философiи придалъ, во первыхъ сочинилъ онъ книгу о тѣлѣ, и Геометрiю издалъ: въ которой когда онъ осуждалъ Геомитрическiя доказанiя, то крайнiе произошли ссоры съ славнѣйшими Математиками: издалъ онъ еще книгу о человѣкѣ, итакъ всю Философiю привелъ ко окончанiю, въ которой поступилъ онъ, по избранному Философствованiя обыкновенiю. Когда Карлъ II. Возвратился въ Англiю, то поль-

зовался

зопался онъ его милостїю, и допущенъ былъ ко псякимъ тайнымъ разгопорамъ, когда сказалъ Король, что онъ его требуетъ къ изощренїю Елископскихъ мыслей, которые споимъ старанїемъ, по елику Гоббезїепа Философїя была имъ досадна, сдѣлали, что его сочиненїя пъ Англїи издапать запретили. Однако они изданы были пъ Амстердамѣ. И симъ образомъ, какъ пнѣ Англїи, такъ и пъ самой Англїи нопая его Философїя изпѣстна быть начала. Однако далѣе распространиться оной Академїи и Елисколы не допустили, что самое, Гоббезїю подало случай, жалопаться на насилїе и неспрапедлипость Елископопъ, а наипаче на Фельлїя. И такъ, онъ скучипшись пъ городѣ жить, отпрапился пъ дерепню уже старъ и боленъ. Перепелъ онъ тамъ Гомерову Одиссею на Англинской языкъ и заслужипшїе похпалу, пъ спѣтъ издалъ сочиненїя. Умеръ 1679 года, жипши 91 годъ холостымъ по

смерти

смерти его и ненавистниковъ его, всѣ сочиненія его и переводъ на Латинскомъ и Аглинскомъ языкѣ напечатаны въ Англіи, съ должною сочинителю похвалою.

)o(

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ, О ГРАЖДАНИНѢ.

Начертаніе перьвое

ВОЛЬНОСТЬ.

Глава перьвая.

О состояніи людей, внѣ общества гражданскаго пребывающихъ.

1.

Естества человѣческаго способности, могутъ раздѣлены быть на четыре рода, какъ то, на силу тѣлесную, опытъ, разумъ и на пристрастія. Отъ сихъ родовъ, слѣдующаго ученія, пріемля начало во перьвыхъ изъясню, какое дѣйствіе имѣютъ, сими способностями одаренные люди, одинъ противу другаго, удобными ли рождены они къ сообществу и сохраненію себя отъ взаимныя силы, и съ какою способностію? Поступивъ же далѣе, какое намѣреніе для

сего не обходимо воспрїять надлежало, какїя сообщества или спокойствїя человѣческаго договоры, то есть, перемѣнивъ единое токмо наименованїе, какїе суть первѣйшїя *естественные законы*, показать намѣренъ.

2. Большая часть людей, нѣчто о сообществахъ писавшихъ утверждаетъ, что человѣкъ есть животное къ * сожитїю способнымъ рожденное, а симъ основанїемъ такъ превращаетъ ученїе гражданское, что къ сохраненїю тишины, и ко управленїю всего человѣческаго рода, надобно бы было согласиться, токмо на нѣкоторые договоры и условїя, послѣ уже законами названные. Сїе положенїе, хотя отъ многихъ принятое, совсѣмъ не справедливо и погрѣшность произошла отъ весьма слабаго разсмотрѣнїя, человѣческаго естества: ибо, ежели вникнуть подробнѣе въ причины, по которымъ люди собираются, для наслажденїя взаимнымъ сообществомъ, тотчасъ извѣстно будетъ, что сїе произошло не отъ того, что природа иначе быть не можетъ, но отъ случайности. Когда бы человѣкъ любилъ ближняго естественно, то есть, какъ человѣка, никакой причины сыскать не можно, для чего онъ не всѣхъ равномѣрно любитъ, или для чего навѣщаетъ болѣ своихъ прїятелей, и симъ, а не прочимъ достоинства и выгоды представляетъ. И такъ не сообщниковъ лично, но достоинствъ и выгодъ, отъ нихъ произойти могущихъ мы ищемъ, и первѣе сихъ, а по томъ уже оныхъ прїобрѣсть стараемся. Съ какимъ же намѣренїемъ люди соединяются, усмотрѣть можно изъ дѣйствїй, въ сообществѣ ими производимыхъ. Есть ли сходятся они для торговли, всякой не сообщника, но собственную пользу наблюдаетъ; есть ли

для

для отправленія должности, раждается изъ того нѣкое приказное знакомство, болѣе взаимнаго страха, нежели любви имѣющее, изъ коего доброжелательства никогда не происходитъ, а токмо ненависть иногда отрыгается; естьли же для препровожденія времени и увеселенія, то по большой части наслаждаются дѣйствіями, смѣхъ возбуждающими для того, чтобъ сравненіемъ чужія слабости и непристойности, могли изъ бесѣды выйтить сами собою довольнѣе. А хотя увеселенія сіи нѣкогда безъ вреда и озлобленія случаются; однако же примѣтить можно, что всякой первѣе собственными достоинствами, а по томъ уже самою бесѣдою довольствуется. Въ прочемъ въ таковыхъ собраніяхъ почти всегда описываютъ отсудствующихъ, всю ихъ жизнь, слова и дѣйствія изслѣдываютъ, судятъ, охуждаютъ и язвительными поносятъ выраженіями, да и самые присудствующіе не избѣгаютъ по отбытіи своемъ сея участи, такъ, что весьма похвальный разговоръ бываетъ въ похвалу послѣднему, изъ сея бесѣды выходящему человѣку. И сіи суть истинныя сообщества увеселенія, къ которымъ чрезъ вліянныя, всякому человѣку естествомъ страсти, стремимся до толѣ, пока собственный вредъ, или спасительныя наставленія, [во многихъ никакого дѣйствія не производящія,] напоминовеніемъ прошедшихъ погрѣшностей, настоящаго ко онымъ стремленія не приступятъ; безъ чего рѣчи многихъ, да еще самыхъ словеснѣйшихъ въ таковыхъ разговорахъ людей, слабы и весьма сухи бываютъ. Ежели во время разговоровъ, о разныхъ приключеніяхъ, одинъ изъ присудствующихъ сообщитъ прочимъ какую либо повѣсть, всѣ ему подобными предложеніями соотвѣтствуютъ.

Когда скажетъ кто, что либо удивленія достойное, прочіе, зная таковыя чудеса обьявляютъ, не зная выдумываютъ. Наконецъ самые мудрецы, разумнѣйшими почитающіеся, собравшись для философскихъ разсужденій, не слушать, но наставить другъ друга желаютъ. Въ противномъ же случаѣ, не взаимную по примѣру прочихъ любовь, но лютѣйшую другъ ко другу ненависть они ощущаютъ. И такъ самый опытъ показываетъ всѣмъ, о дѣйствіяхъ человѣческихъ, подробнѣе разсуждающимъ, что всякое самопроизвольное соединеніе, или для взаимныхъ недостатковъ, или для пріобрѣтенія славы бываетъ возстановляемо, по чему и собравшіеся, или нѣкую выгоду, или уваженіе и честь у своихъ согражданъ получить стараются. Тоже самое здравымъ разсужденіемъ вывести можно изъ опредѣленіи [дефиницiи] *произволенія, блага честности и пользы*; ибо по елику общество учреждаемо бываетъ доброволъно, то и должно искать въ немъ самаго предмѣта произволенія, то есть того, что всякому изъ соединившихся собственнымъ благомъ кажется. А таковое воображеніе бываетъ пріятно, и души или чувствъ касается. Душевное увеселеніе состоитъ или въ славѣ, [то есть, во удержаніи о себѣ добраго мнѣнія,] или по крайней мѣрѣ къ славѣ относится; прочія же услажденія суть чувственныя, или къ чувственности принадлежащія, и всѣ опи подъ именемъ выгодъ бываютъ разумѣемы. Слѣдовательно всякое общество, или для выгоды, или для славы, то есть, изъ любви къ себѣ, а не къ ближнему утверждается. Для пріобрѣтенія же частныя славы никакого сообщества, ни между множествомъ народа, ни чрезъ долгое время имѣть не возможно, по тому, что самохвальства равно

какъ и чести, со всѣмъ человѣческимъ родомъ соединенныхъ, ни въ единомъ запримѣтить не возможно; они основаны на сообразовании и превосходствѣ, да и какой бы кто не имѣлъ причины къ своему прославленію, однакожъ находится тутъ всегда нѣкое подстреканіе, отъ сообщества съ другими произтекающее. Самъ же собою человѣкъ дѣйствуетъ столько, сколько безъ надѣянія на другихъ дѣйствовать ему можно. А хотя выгоды жизни сея, увеличиваются отъ взаимнаго вспоможенія, но какъ въ большое совершенство приходятъ они, слѣдуетъ изъ сего, что люди по естественной склонности стремились бы безъ присудствія страху болѣе къ господствованію, нежели къ соблюденію общественнаго равенства. И такъ утвердить должно, что начало долговременныхъ и величайшихъ сообществъ, не отъ доброжелательства, но отъ * взаимнаго страха воспослѣдовало.

3. Причина же онаго, частію въ естественномъ всѣхъ равенствѣ, частію въ необузданной вольности, ко взаимному поврежденію способной находится; а изъ сего слѣдуетъ, что каждый человѣкъ ни самъ своей безопасности утвердить, ниже отъ другихъ ожидать ея не можетъ; ибо есть ли посмотрѣть на пришедшихъ въ зрѣлость людей, тотчасъ примѣтить можно, сколь слабо есть сложеніе человѣческаго тѣла [по разрушеніи котораго вся его сила, бодрость и мудрость превратится въ ничтожество] и сколь удобно самому слабому умертвить наисильнѣйшаго. И такъ не возможно думать, чтобъ человѣку, на свою силу уповающему, естество благоволило быть могущественнѣе прочихъ. Всѣ люди, по равенству своея возможности, между собою равны,

да и самые тѣ, которые наивеличайшее зло нанести, то есть, умертвить могутъ, могутъ равное. Слѣдовательно всѣ они по естеству между собою равны. Нынѣ же пребывающее неравенство, введено законами гражданскими.

4. Въ естественномъ состоянiи, хотя и всякой человѣкъ имѣетъ вольность къ поврежденiю другаго, однако не отъ одной причины, и не равномѣрному осужденiю подлежащей, произходящую: иный по естественному равенству позволяетъ тоже самое прочимъ, что и самому себѣ [таковое дѣйствiе означаетъ учтиваго, и силы свои прямо разумѣющаго человѣка] иный же почитая себя прочихъ превосходнѣйшимъ, предоставляетъ токмо для себя повсемственную вольность, и большее предъ другими достоинство себѣ присвояетъ. [разсужденiе лютаго и неукротимаго человѣка] И такъ вольность, къ поврежденiю другаго, сей употребляетъ по ложной славѣ, и неосновательному о силахъ своихъ мнѣнiю, а тотъ по нуждѣ, защищая стяжанiе и вольность свою отъ насилiя.

5. Сверьхъ того, отъ великаго различнiя, человѣческихъ понятiй, не обходимо должно произойти великимъ же и неустройствамъ: ибо не токмо прекословiе, но и самый видъ несогласiя бываетъ ненавистенъ по тому, что не соглашаться съ кѣмъ о какой либо вещи, значитъ изобличать его тайно въ погрѣшности, такъ, какъ во многихъ случаяхъ противорѣчить кому-либо, тоже самое есть, какъ бы признать его за невѣжду. Сiе самое усмотрѣть можно изъ того, что во время распри, или о догматахъ, или о мудрости политической, съ такою жестокостiю нигдѣ не производятся брани, какъ между единовѣрцами и согражданами. И понеже душевное

певное наше удовольствіе и услажденіе состоитъ въ сообщеніи другъ другу своихъ мыслей для того, чтобъ чрезъ сіе возъимѣть самому о себѣ превосходное мнѣніе, то и не можно думать, что бы въ таковыхъ случаяхъ смѣхомъ, словами, мановеніемъ, или инымъ какимъ либо знакомъ, взаимнаго презрѣнія, или ненависти показано не было; а изъ сего оскорбленія, наиспособнѣйшаго къ возмущенію души человѣческія, и желаніе ко отмщенію самое стремительное раждается.

6. Обыкновенная же причина, для чего люди къ повреждению другъ друга склонны бываютъ, происходитъ изъ того, что многіе на одну, и ту же самую вещь устремляютъ свои желанія, коей однакожъ ни вообще имѣть, ни по частямъ раздѣлить не возможно. Изъ чего слѣдуетъ, что ея должно уступить сильнѣйшему, а кто сильнѣе всѣхъ, битвою надлежитъ извѣдать.

7. И такъ между толикими опасностями, ежедневно отъ естественнаго человѣческаго желанія, намъ предстоящими, о избѣжаніи ссоръ и распри, такое прилагать должно стараніе, чтобъ противныя сему намѣренію побужденія, ни какого не могли произвести въ сердцѣ нашемъ дѣйствія. Всякой человѣкъ стремится къ пріобрѣтенію блага, и ко устраненію отъ зла; болѣе же всего страшится онъ наиопаснѣйшаго естественнаго удара, то есть, смерти, слѣдовательно тотъ, кто употребитъ все тщаніе и силы на защищеніе и сохраненіе, своего тѣла отъ смерти и болѣзней, поступитъ не непристойно, ниже противу благоразумія, а что не противно благоразумію, то все справедливымъ и по праву содѣяннымъ называютъ; ибо право есть, *всякому свойственная вольность, пользоваться*

естественными способностями, *по предписанію благоразумія*. И такъ начальнѣйшее естественнаго права основаніе состоитъ: *Во несвозможномъ защищеніи жизни и членовъ нашихъ*.

8. Но какъ тщетное бы было *право* къ самой цѣли такого человѣка, которому не достаетъ *права*, къ нужнымъ средствамъ потребнаго, слѣдуетъ изъ того, чтобъ всякой, имѣя право на сохраненіе себя, имѣлъ бы его и на *употребленіе всѣхъ средствъ и дѣйствій, безъ коихъ сохраниться не можетъ*.

9. Оныя же употребленныя средства и дѣйствія необходимо ли къ сохраненію жизни и членовъ нашихъ потребны, или нѣтъ; сіе по естественному праву всякой человѣкъ *самъ съ собою разсматривать* долженъ; а когда собственное о своей опасности разсужденіе, противно будетъ благоразумію, слѣдуетъ изъ того, чтобъ судилъ объ оной ближній. Естьли же онъ можетъ разсматривать все, моей власти подлежащее, равномѣрно и я, [по естественному человѣческаго рода равенству] могу разсматривать всѣ вещи и дѣйствія, отъ него завнсящія. И такъ благоразуміе, или естественное право повелѣваетъ намъ, примѣчать мысли и поступки своего ближняго, то есть ко утвержденію ли нашея безопасности, или къ нарушенію ея, они клонятся?

10. Каждаго человѣка естество наградило *правомъ повсемственнымъ*. [то есть: въ совершенно естественномъ состояніи, или до утвержденія взаимныхъ обязательствъ, всякому свободно было дѣлать все то, что онъ ни предпріемлетъ противу ближняго, а при томъ владѣть и пользоваться всѣми предмѣтами, его желанію и могуществу не противящимися] А какъ все всякое для того, намъ добромъ кажется, что къ себѣ привлекаетъ, и можетъ, или дѣйствительно,

тельно, или токмо мечтательно утверждать наше спокойствіе; [дѣйствительно ли же утверждаетъ его, или нѣтъ, сіе въ силу вышеписанныя статьи, самъ съ собою человѣкъ разсматривать долженствуетъ, по чему всякому, кѣмъ либо за благопринятому намѣренію, въ самомъ дѣлѣ таковымъ и быть слѣдуетъ] въ 7 же статьѣ показано, что всѣ средства и дѣйствія, для сохраненія жизни и членовъ нашихъ необходимо потребныя, правомъ естественнымъ позволены. Слѣдственно въ естественномъ состояніи всякое дѣйствіе, человѣку произвести не запрещается. И сіе то же самое мнѣніе, кое въ общенародномъ употребленіи, слѣдующими словами означается: „ природа всѣми потребностями человѣческій родъ „ снабдила. „ Изъ чего такъ же выразумѣть можно, что въ естественномъ состояніи права, пользою бываютъ измѣряемы.

11. Однакожъ не произошло имъ никакія выгоды изъ того, что таковое на *всѣ вещи и дѣйствія право*, имѣли общимъ по тому, что послѣдствіе его показываетъ, будто бы никакого права при нихъ не было. Хотя каждому, о всякой вещи сказать было позволено: „ сіе принадлежитъ мнѣ,„ однако не могъ онъ пользоваться ею спокойно для того, что ближній, *такимъ же правомъ* и силами снабдѣнный тужъ самую вещь имѣлъ причину себѣ присвоивать.

12. Ежели ко врожденной вредить другъ друга человѣческой склонности, отъ страстей, а особливо отъ неправильнаго о себѣ мнѣнія происходящей, прибавить еще, *право всѣхъ на всѣ вещи и дѣйствія*, въ силу котораго, одинъ правильно нападаетъ, а другой защищается, и изъ коего у всего человѣческаго рода взаимныя и всегдашнія раждаются подозрѣнія

и происки; сверьхъ того сколь трудно малолюдству предостеречься отъ непріятелей, съ намѣреніемъ предупредить и утѣснить оное нападающихъ, то не можно будетъ отрицать того, чтобъ въ естественномъ человѣческомъ состояніи, до учрежденія сообществъ, не господствовала брань, а притомъ не частная но повсемственная; ибо *брань есть, то самое время, въ которое желаніе къ сраженію словомъ и дѣломъ довольно изъявляется*. Прочее же время *миромъ* называется.

13. Всякой однакожъ легко разсудить можетъ, сколь неудобна безпрестанная *брань*, къ сохраненію или всего человѣческаго рода, или каждаго особенно. Но по своему естеству она безпрестанна, и по равенству противоборниковъ, никакою побѣдою ко окончанію приведена быть не можетъ; ибо во оной и побѣдителямъ столь великая предстоитъ опасность, что за чудо считать должно, ежели кто, да еще и самый наисильнѣйшій, отъ долговременнаго житія и дряхлости, умретъ спокойно на ложѣ. Въ подтвержденіе сего мнѣнія, нынѣшній вѣкъ представляетъ намъ Американцовъ, древнія времена прочихъ народовъ, нынѣ обходительныхъ и въ цвѣтущемъ состояніи пребывающихъ, а тогда малолюдныхъ, звѣрскихъ, недолговѣчныхъ, бѣдныхъ, исполненныхъ мерзостей и лишенныхъ въ теченіи жизни, того увеселенія и спокойствія, которое миръ и сообщество смертнымъ доставляетъ. И такъ утверждающіе превосходство естественнаго состоянія, сами себѣ противорѣчатъ для того, что по естественной необходимости каждый желаетъ себѣ добра, и ни единъ не сыщется такой, которой бы повсемственную *брань*, съ реченнымъ состояніемъ всегда соединенную, вмѣнилъ себѣ во благо. Изъ

сего

сего воспослѣдовало, что люди, по причинѣ взаимныя опасности, изъ таковаго состоянїя выйти и сыскать союзниковъ намѣренїе воспрїяли. А хотя необходимость и въ сообществѣ понудитъ брань выдерживать, однакожъ не противу всѣхъ, а при томъ и не безъ помощи.

14. Сообщниковъ прїобрѣсть можно или силою, или согласїемъ; силою, когда побѣдитель побѣжденнаго на брани подъ опасенїемъ лишенїя жизни, или заключенїемъ въ оковы служить себѣ принуждаетъ. Согласїемъ, когда по произволенїю обѣихъ сторонъ и безъ всякаго насилїя, для взаимнаго вспоможенїя, союзъ утвержденъ бываетъ. Для предосторожности своея побѣдитель побѣжденнаго, или сильный слабаго [какъ то здравый немощїю обдержимаго или возмужалый младенца] къ будущему повиновенїю по праву можетъ принудить, ежели оный жизнь свою смерти предпочитаетъ; ибо какъ право защищаться по своему произволенїю, отъ нашей опасности, а опасность болѣе отъ равенства раждается, то съ благоразумїемъ согласнѣйшее, а при томъ для сохраненїя нашего извѣстнѣйшее, будетъ правило, чтобъ чрезъ употребленїе настоящихъ выгодностей, прїобрѣсти себѣ желаемую безопасность, нежели силиться сыскивать ея посредствомъ сомнительныя брани тогда, когда тѣ слабые, освободятся отъ болѣзней, возрастутъ и власти нашей подлежать не будутъ. Напротивъ того, нѣтъ безразсуднѣе мнѣнїя, утверждающаго, что покореннаго нашей власти человѣка, чрезъ увольненїе и сильнымъ и непрїятелемъ себѣ здѣлать можно. Изъ сего вывести уже можно, что „ въ естественномъ человѣ„ ческомъ состоянїи, твердое и не имѣющее сопротивленїя

шивленія могущество, право своего владѣнія возлагаетъ на всѣхъ, предъ ея силою преклоняющихся. По чему со всемогуществомъ существенно и не посредственно соединено право совершенія всѣхъ дѣйствій.

15. Но какъ людямъ, въ состояніи естественномъ, а слѣдственно и брани исполненномъ, пребывающимъ, по равенству силъ и прочихъ своихъ способностей не можно ожидать себѣ долговременныя безопасности; того ради благоразуміе, то есть, естественный законъ повелѣваетъ имъ: „ имѣть „ попеченіе о снисканіи мира тогда, когда ко воз„ становленію онаго, хотя малыя, блеснетъ лучь „ надежды; въ противномъ же случаѣ, о пріобрѣте„ ніи, потребныхъ ко брани вспоможеній, стараться „ побуждаетъ „. О чемъ ниже сего показано будетъ.

Глава вторая.

О законѣ естественномъ, въ разсужденіи обязательствъ.

1. Объ опредѣленіи [дефиниціи] *естественнаго закона*, писатели, хотя и часто сіе наименованіе въ своихъ сочиненіяхъ употребляющіе, между собою не согласны. Способъ писанія, пріемлющій начало отъ опредѣленій и изключенія равногласныхъ, есть изобрѣтеніе тѣхъ людей, которыя никакого мѣста возраженіямъ не предоставляютъ. Прочіе же разсуждая о дѣйствіяхъ, естественнымъ закономъ не дозволенныхъ,

волеиныхъ, утверждаютъ справедливость своихъ мнѣній тѣмъ, что оныя дѣйствія, или поступкомъ просвѣщенныхъ народовъ, [не говоря о судьѣ, мудрость, знанія и правъ всѣхъ людей разсматривающемъ] или согласію всего человѣческаго рода противный; каковаго опредѣленія ни подъ какимъ видомъ принять не должно; ибо въ противномъ случаѣ не возможно бы было ни кому погрѣшить противу вышеписаннаго закона, выключая безумныхъ и младенцовъ для того, что въ словахъ: *человѣческій родъ*, заключаются всѣ люди разсужденіемъ дѣйствительно пользующіеся. И такъ они, или никакихъ разуму не соотвѣтствующихъ дѣйствій не производятъ, или ежели производятъ слѣдуетъ изъ того, что съ онымъ не согласуются. Утверждать же естественныя законы согласіемъ людей, со всѣмъ не справедливо. Они обвиняютъ въ другихъ тоже самое дѣйствіе, которое въ себѣ одобряютъ, хвалятъ явно то, что внутренно презираютъ и подаютъ мнѣнія, не собственному разсужденію, но народному слуху сообразныя; а при томъ въ таковыхъ обстоятельствахъ слѣдуютъ болѣе ненависти, страху, надеждѣ, любви, или прочимъ душевнымъ возмущеніямъ, нежели благоразумію. И для того не рѣдко случается цѣлому обществу такія утверждать постановленія, которыя по мнѣнію тѣхъ же писателей, *естественному закону* противны. Въ протчемъ, есть ли позволено будетъ мнѣ сказать, что все, отъ благоразумія происходящее *справедливо*, слѣдуетъ изъ того, что всякое оному противоположенное дѣйствіе, *неправильно* [то есть, нѣкоей истиннѣ, изъ справедливыхъ началъ, твердыми доказательствами выведенной, противорѣчащее.

А какъ всякое не справедливое дѣйствїе *преступленїемъ* нѣкоего закона называется; того ради законъ есть нѣкоторый здравый разумъ [и по елику такая же часть естества человѣческаго какъ и прочїя способности и пристрастїя душевныя] естественнымъ такъ же названный. И такъ естественный законъ, есть: „ * начертанїе благоразумїя, предписывающее все то, что къ долговременному жизни и членовъ нашихъ сохраненїю дѣлать, и чего „ убѣгать должно.

2. Первый и верьховнѣйшїй естественный законъ сей есть:„ должно имѣть попеченїе, о снисканїя мира „ тогда, когда получить его есть надежда; въ противномъ же случаѣ, о снискани потребныхъ ко „ брани вспоможенїй, надлежитъ стараться. Прошедшїя главы въ послѣдней статьѣ показано, что сїе наставленїе происходитъ отъ благоразумїя, или здраваго разума; что же здравый разумъ, закономъ естественнымъ наименованъ, о томъ въ вышеписанной статьѣ было обьявлено. А первѣйшимъ закономъ названъ онъ по тому, что прочїе отъ него произтекаютъ, и токмо пути, къ миру или защищенїю ведущїе, показываютъ.

3. Между прочими естественными законами, отъ верьховнѣйшаго произходящими, одинъ въ слѣдующихъ словахъ заключается: „ не надлежитъ всѣмъ „ людямъ повсемственнаго на всѣ вещи и дѣйствїя „ права удерживать, но нѣкоторыя онаго части „ перенесть или оставить должно. „ Для того, что изъ присвоенїя *повсемственнаго права* послѣдовало бы не минуемо отъ единаго нападенїе, отъ другаго же защищенїе; ибо всякой по естественной необходимости свое тѣло и все къ защищенїю его потребное, оберегать старается: по чему и царствовала бы

единая

единая токмо *брань*. И такъ всѣ, отъ права своего на всѣ вещи и дѣйствія не отступающіе, противу мирнаго благосостоянія, то есть, противъ *естественнаго закона* погрѣшаютъ.

4. Уступающимъ *свое право*, называютъ того, кто или просто его оставляетъ, или переноситъ на другаго; *оставляющій оное просто*, чрезъ изъявленіе удобныхъ къ тому знаковъ, желаетъ не имѣть болѣе вольности, въ произведеніи извѣстнаго нѣкоего дѣйствія, которое предъ симъ отъ его произволенія зависѣло. *Переносящій* же оное *на другаго*, по средствомъ таковыхъ же удобныхъ знаковъ, преимущества онаго права, отъ него пріемлющему, обѣщаетъ не наносить препятствія въ такомъ извѣстномъ дѣйствіи, въ которомъ прежде сего правильно могъ препятствовать. Слѣдственно *перенесеніе права* зависитъ отъ единаго токмо несопротивленія; а сіе усмотрѣть можно изъ того, что пріемлющій, до сего обѣщанія *право* на всѣ вещи и дѣйствія имѣвшій, не могъ получить ни откуда новаго *права*, а токмо, чрезъ уничтоженіе переносящимъ правильнаго сопротивленія, собственнаго своего *права*, началъ быть спокойнымъ властелиномъ. И такъ всякой человѣкъ въ естественномъ состояніи снискиваетъ себѣ оное для того, чтобъ *первобытнымъ* своимъ *правомъ* свободно и безъ дальняго оскорбленія могъ пользоваться, на примѣръ: ежели кто подаритъ, или продастъ свою отчину, чрезъ сіе у себя токмо, а не у прочихъ *право* на оную отъемлетъ.

5. Ко *пренесенію* же *онаго*, потребно произволеніе не отдающаго токмо но и пріемлющаго, безъ сугубаго же оныхъ произволенія останется оно на прежнемъ основаніи; ибо ежели предлагаемую кому либо въ

даръ

даръ вещь воленъ я присвоить обратно тогда, когда извѣстное мнѣ лице оныя не прїемлетъ, слѣдуетъ изъ того, что не просто отъ права своего на оную я отказался, по тому, что причина моего даянїя въ ономъ извѣстномъ лицѣ, а не въ прочихъ находилась.

6. Ежели во оставленїи или перенесенїи онагo одни токмо слова, удобныя произволенїя знаки изъявляютъ, слова сїи *настоящее*, или *прошедшее* означать долженствуютъ. Означающїе же *будущее* не дѣйствительны по тому, что каждый, чрезъ слова: *я тебѣ уступлю завтре*, ясно показываетъ, что еще ни чего не исполнилъ. Слѣдственно весь сей день *право* пребыло *не движимымъ*, пребудетъ оно таковымъ же и въ слѣдующїй день, есть ли между тѣмъ самымъ дѣломъ обѣщанїе не исполнится; ибо принадлежащая мнѣ вещь пребудетъ моею до того времени въ которое уступлю ее дѣйствительно ближнему: но когда, кто либо о настоящемъ говоритъ: я тебѣ даю нынѣ, или уже далъ такую то вещь съ тѣмъ, чтобъ ты ея получилъ въ слѣдующїй день, сими словами означаетъ, что онъ ею уже поступился, и имѣть на нея право въ слѣдующїй день, перенесъ нынѣ.

7. Но какъ по приведеннымъ въ прошедшей статьѣ причинамъ, ко изъявленїю воли, сами собою слова, довольныхъ знаковъ не составляютъ, того ради при другихъ токмо знакахъ, вышеписанную волю изъявляющихъ, слова сїи столько же могутъ быть дѣйствительны о будущемъ, сколько и о настоящемъ. Ибо, ежели говоря о будущемъ, пожелаетъ нѣкто, чтобъ въ совершенномъ права его перенесенїи вмѣсто другихъ знаковъ, единые слова силу имѣли; таковое желанїе должно быть уважено,

по тому

по тому, что *перенесенїе права* зависитъ не отъ словъ, но отъ изъясненїя воли, [какъ въ 4 й статьѣ сея главы показано.]

8. Ежели кто нѣкое принадлежащее себѣ право переноситъ на другаго, не для благодѣянїя взаимно полученнаго, ниже по договору, таковое перенесенїе *даромъ*, или *самопроизвольнымъ даянїемъ* называется. Въ самопроизвольномъ даянїи, одни токмо о *прошедшемъ*, или *настоящемъ* изреченныя слова, обязуютъ. *Будущее* же означающїя, *по елику слова*, въ силу прошедшїя статьи, бываютъ не дѣйствительныя. Слѣдуетъ изъ сего, чтобъ обязательство изъ другихъ произволенїя знаковъ произтекало. И какъ таковое *самопроизвольное* дѣйствїе происходитъ отъ человѣка, нѣкое *благо* оказать желающаго; слѣдовательно и знакомъ вышеписанное произволенїе изъясняющимъ, долженствуетъ быть какое либо *добро*, чрезъ таковое дѣянїе снисканное, или еще снискиваемое; гдѣ же нѣтъ ко прїобрѣтенїю *блага*, надежды, тамъ и обязательство не находится; въ противномъ случаѣ *даянїе*, не было бы уже *самопроизвольнымъ даянїемъ*. И такъ *взаимнаго благодѣянїя*, безъ всякаго обязательства ожидать должно. Выше сего объявлено, что въ самопроизвольномъ даянїи, никакого утвердительнаго знака не находится, чего для благотворящїя, чрезъ свои слова будущее означающїя въ такомъ же смыслѣ долженъ понимать слова благопрїемлющаго, взаимнымъ благомъ не обязавшагося, въ какомъ самъ ему изрекъ обѣщанїе, да и нѣтъ причины, чтобъ люди, ближнему своему охотно доброжелательствующїе, всѣмъ обѣщанїемъ, настоящую горячность изъявляющимъ были обязаны; и для того разумѣть должно, что таковый нѣчто обѣщающїй человѣкъ, разсуждаетъ, что желанїе

свое такъ же, такъ и прiемлющiй свою благодарность, перемѣнить воленъ, кто токмо разсуждаетъ, тотъ свободенъ, и къ даянiю принужденъ быть не можетъ. Обѣщающаго же часто, а рѣдко оныя обѣщанiя исполняющаго охуждать должно за легкомыслiе, по чему и именовать его не благодѣтелемъ, но *посульщикомъ* пристойнѣе.

9 Дѣйствiе двухъ, или многихъ особъ, свои *права* взаимно *переносящихъ*, называется *договоромъ*. Во всякомъ же договорѣ два лица, или въ единое и то же время исполняютъ предписанное такъ, что одинъ другому ни чего не ввѣряетъ, или исполняетъ единъ, другой же исполнить еще обѣщается, или обѣихъ исполненiе къ послѣдующему времени относится. Въ перьвомъ случаѣ и *договоръ* при самомъ обѣщанiи уничтожается, въ послѣднихъ же по елику одному или двумъ особамъ нѣчто бываетъ ввѣряемо, слѣдственно прiемлющiе обѣщаютъ послѣ исполнить предписанное, и сiе обѣщанiе *обязательствомъ* наименовано.

10. *Обязательство* отъ обѣщающаго исполнившему, хотя чрезъ слова и будущее означающiе, учиненное, въ перенесенiи *права* послѣдующаго времени, столько же сильно, какъ и обязательство изъ словъ, настоящее или прошедшее означающихъ, состоящее; ибо самое дѣло ясно показываетъ, что послѣднiй принималъ слова перьваго, за удобные знаки, ко исполненiю, въ назначенное время, предписаннаго. Да и обязавшiйся вѣдалъ, что его въ семъ, а не инномъ смыслѣ понимаютъ; и ежели онъ ни чего въ договорѣ не поправилъ, слѣдственно дозволилъ, чтобъ его такъ понимали. И такъ данныя, при полученiи какихъ либо *выгодъ обѣщанiя* [или *обязательства*] суть знаки произволенiя, то есть, [какъ въ прошедшей

статьѣ

статьѣ показано] послѣднія дѣйствія, разсужденію подлежащія, по утвержденіи которыхъ не отъ нашей уже воли зависѣть будетъ оныхъ исполненіе. Слѣдственно они насъ обязуютъ по тому, что обязательство начинается тамъ, гдѣ кончится произволеніе.

11. Обязательство же, между двумя особами, на взаимную вѣрность полагающимися, заключенное, въ естественномъ состояніи, при воспослѣдованіи съ одной стороны основательныя * опасности, бываетъ не надежно, по тому, что перьвый, предписанное во ономъ исполняющій, по причинѣ искаженнаго у большой части людей разсужденія, по праву и не справедливо къ пріобрѣтенію себѣ выгодъ стремящагося, ввѣряется не насытнымъ желаніямъ того, съ которымъ оное заключаетъ. И такъ не благоразумно поступитъ тотъ человѣкъ, который, приступая ко исполненію положеннаго въ обязательствѣ дѣла, взаимное исполненіе получить сумнительную имѣетъ надежду. А справедливоли сіе, или нѣтъ, опасающійся самъ разсудить можетъ, какъ показано *прошедшей главы*, въ 9 *статьѣ*. Сіе говорю я о дѣйствіяхъ, въ естественномъ состояніи случающихся. Но въ гражданскомъ состояніи [въ которомъ находится нѣкое лице, обѣихъ понудить могущее] кто прежде нѣчто исполнить обѣщался, тотъ перьвый и въ дѣйство оное произвесть обязанъ. Ибо ежели къ таковому производству перьвѣе понужденъ будетъ послѣдній, то уничтожится причина, которыя въ случаѣ неисполненія перьвый опасался.

12. Когда во всякомъ *даяніи*, и во всѣхъ *обязательствахъ*, о перенесеніи *права* утверждаемыхъ, потребно *соизволеніе* пріемлющаго: слѣдуетъ изъ того, что никто не можетъ *заключать оныхъ* съ такимъ

творенїемъ, которое *соизволенїя* своего изобразить не можетъ. И такъ утверждать договоры съ животными, уступать имъ какїя либо права, или оныхъ требовать отъ нихъ, за недостаткомъ выраженїй и разумѣнїя, совсемъ не возможно. Не возможно такъ же ни кому вступать въ *договоръ* съ Божїимъ величествомъ, и ему обязываться какими либо обѣтами. Въ прочемъ сїе мнѣнїе не служитъ для тѣхъ случаевъ, въ которые угодно будетъ Всевышнему чрезъ священное писанїе опредѣлить людей, имѣющихъ важность во образѣ его всемогущества, таковые *обѣты* и *договоры* разсматривать и принимать.

13. И такъ пребывающїе въ естественномъ состоянїи, въ которомъ ничего гражданскими законами неограничено, тщетно творятъ *обѣты*, [ежели чрезъ истинное откровенїе, благоволенїя Божїя, оныя прїемлющаго, не увѣдаютъ;] ибо когда *оные* естественнымъ законамъ противны; въ такомъ случаѣ отъ обязательства они свободны по тому, что къ недозволенному дѣйствїю приступить не можно. Естьли же нѣкоторымъ естественнымъ закономъ предписаны: тогда уже не *ими*, но самимъ *закономъ* бываютъ обязаны. А когда зависятъ *они* отъ человѣческаго произволенїя; слѣдственно и исполненїе оныхъ его же подлежитъ волѣ; по тому, что къ дѣйствительному таковаго *обѣта* исполненїю потребно ясно означенное обязующагo *произволенїе*, котораго въ вышеписанномъ состоянїи, по мнѣнїю моему, не находится.

14. *Договоры* бываютъ объ однихъ дѣйствїяхъ человѣческому понятїю подлежащихъ. Они не заключаются безъ воли договаривающихся; воля же оныхъ есть послѣднее дѣйствїе, отъ разсужденїя зависящее,

внеящее, слѣдовательно и объемлютъ они *дѣйствія токмо возможныя, и впредь последовать могущія*. И такъ исполненіемъ невозможнаго ни кто не обязуется. Но хотя часто вызываемся мы на такія обѣщанія, которыя въ началѣ удобоисполнительными, въ послѣдствіи же не возможными кажутся; однако не должно думать, чтобъ таковая невозможность сильна была уволить насъ отъ даннаго обязательства по тому, что обѣщающій будущую неизвѣстность, съ такимъ предписаніемъ пріемлетъ настоящее благодѣяніе, чтобъ въ последующее время соотвѣтствовать оному равномѣрнымъ воздаяніемъ; ибо произволеніе благотворящаго воображаетъ себѣ просто то *добро*, которое изъ обѣщанія произойти можетъ, самое же обѣщаемое не просто, но соображая съ возможностію и силами обязавшагося, а хотя предстоять будутъ и самыя не преоборимыя во исполненіи препоны, стараться однакожъ должно, успѣть воономъ столько, сколько возможность допуститъ. И такъ въ заключенномъ договорѣ обязуется человѣкъ не самою вещію, но всевозможнымъ о доставленіи ея стараніемъ по тому, что оное токмо силѣ нашей подвластно.

15. Отъ *договоровъ* освободиться можно двоякимъ образомъ: или увольненіемъ отъ предписаннаго, или исполненіемъ онаго. Въ послѣднемъ случаѣ уничтожается обязательство по тому, что болѣе предписаннаго ни кто не обѣщаетъ. Въ перьвомъ же, что обязующій уступая свое требованіе обязанному, уступаетъ съ онымъ ему и перенесенное на себя *право*. Ибо увольненіе, или уступка есть тоже, что и *даръ*, въ силу 4 *статьи* сея *главы*, пренесеніе *права* къ тому, кому учинено даяніе.

16. Но спрашивается, обязуютъ ли насъ *обѣщанія*, посредствомъ страха исторгнутыя? на прим. Ежели для искупленія жизни у разбойника, *обѣщаюсь* ему въ слѣдующій день заплатить тысячу червонныхъ, а при заплатѣ не употреблять ни какихъ мѣръ, чрезъ кои бы онъ пойманъ и суду преданъ быть могъ, *обязанъ* ли устоять въ данномъ словѣ? Таковыя *обѣщанія* хотя и бываютъ иногда не дѣйствительными, однако не по произшествію своему отъ боязни. Въ противномъ же случаѣ не дѣйствительны бы были всѣ договоры, основаніе гражданской жизни и установленіе законовъ положившіе. [ибо всякой человѣкъ покаряется правленію другаго для уничтоженія боязни, отъ взаимнаго смертоубивства происходящей,] Во обще всѣ обѣщанія насъ обязуютъ; пріобрѣтающему же нѣкое благо обѣщать, и обѣщаемое исполнить позволено. Слѣдовательно и для искупленія жизни не обѣщать токмо, но и удѣлить нѣчто изъ собственнаго стяжанія обязующему, хотя бы и разбойнику должно. И такъ раждающіяся изъ боязни обѣщанія насъ обязуютъ, ежели нѣкоторый гражданскій законъ не уничтожитъ таковаго обязательства.

17. Кто обѣщаетъ нѣчто сдѣлать, или уступить одному, а потомъ условится съ другимъ о неисполненіи онаго *обѣщанія*, тотъ обязанъ произвесть въ дѣйствіе перьвое а не послѣднее; ибо онъ по перьвому еще *обѣщанію право* свое перенесъ на другаго, а слѣдственно и не можетъ имъ болѣе располагать по своему произволенію. Чего для чрезъ послѣдующія обѣщанія ни чего не переноситъ, и все обѣщаемое обѣщаетъ уже неправильно. И такъ обязуютъ насъ перьвыя только *обѣщанія*, которыя ни кому преступать не позволено.

18. Ни кто *не обязанъ* предаться волѣ такого человѣка, который умертвить, уязвить, или инныя опасности тѣлу нашему нанести желаетъ. Ибо во всякомъ человѣкѣ есть нѣкоторая наивысочайшая степень боязни, побуждающая его, предстоящее зло почитать несноснѣйшимъ, отъ коего по естественной необходимости, сколько возможно, убѣгать онъ старается, и разумѣть должно, что иначе ему поступить въ такихъ обстоятельствахъ не возможно. Естьли же необходимо доведенъ будетъ до вышеписанной степени, въ такомъ случаѣ, или въ бѣгствѣ, или въ брани будетъ искать своего спасенія. И какъ, не возможнымъ ни кто не обязывается, слѣдовательно всякой человѣкъ, не имѣя твердости къ понесенію *смерти*, [яко крайняго естественнаго зла] язвъ, или инныхъ тѣлесныхъ ударовъ, всѣ силы на отраженіе сихъ нещастій употребить можетъ. Сверьхъ того ввѣряется нѣчто обѣщающему, [ибо вѣрность есть связь обѣщаній.] Влекомые же къ смертному, или легчайшему смертнаго наказанію, заключены въ оковы и окружены стражею бываютъ; а сія предосторожность и доказываетъ, что они никакими обѣщаніями не могутъ обязаться, къ самопроизвольному претерпѣнію оныхъ мученій. Инное значитъ обѣщать такъ: „ *Есть ли въ назначенный день, чего* „ *либо не исполню, предай меня смерти* „ инное же: „ *есть ли не устою въ словѣ, убивающему не возпро-* „ *тивлюся.* „ На перьвое при необходимости всѣ соглашаются, а необходимость есть временная, на послѣднее ни кто, да и согласиться на оное не для чего. Ибо ежели стремится нѣкто умертвить своего ближняго, въ состояніи совершенно естественномъ, то не надобно, чтобъ онъ предметъ своея мести перьвѣе обязалъ договоромъ, а по исполненіи онаго, ли-

шилъ уже жизни, по тому что во ономъ состоянїи всякой имѣетъ право на убїенїе ближняго. Въ состоянїи же гражданскомъ [поелику право живота, смерти и прочихъ тѣлесныхъ наказанїй зависитъ отъ власти правительства] онаго права частному человѣку совсемъ не предоставлено; да и самому правительству не нужно преступниковъ ко претерпѣнїю мученїй обязывать, но токмо предостеречься должно отъ того, чтобъ сїи несчастные, изъ ихъ власти силою исторгнуты не были. Ежели бы въ естественномъ состоянїи, на примѣръ; между двумя обществами утвержденъ былъ договоръ, о исполненїи нѣкоего дѣла въ назначенный день, съ такимъ подтвержденїемъ, чтобъ не устоявшихъ воономъ, умертвить, то разумѣть должно, что прежде еще онаго договора подразумѣвалося другое постановленїе о томъ, чтобъ до назначеннаго онаго дни, жизнь договаривающихся, никакой опасности не была подвержена. Но когда по прошествїи онаго, обѣщаемое не будетъ исполнено, то открывается право войны, то есть, непрїятельское состоянїе все дѣлать, слѣдственно и противиться дозволяющее. Хотя же вышеписаннымъ договоромъ и обязались они изъ двухъ предстоящихъ бѣдствъ, избрать большее по тому, что смерть опаснѣе брани, но какъ всякой человѣкъ избираетъ себѣ всегда меньшее бѣдствїе, слѣдственно онымъ договоромъ обязались бы они ко исполненїю невозможнаго. Каковое обязательство самой существенности договоровъ противно.

19. Равнымъ образомъ не долженъ человѣкъ изобличать и собственныя, и тѣхъ людей преступленїя, которыхъ обвиненїе производитъ въ немъ чувствительное соболѣзнованїе. Слѣдственно отецъ на сына, жена на мужа, сынъ на отца и воспитанникъ

танникъ на благодѣтеля свидѣтельствовать не обязанъ. Ибо таковое свидѣтельство самое естество отвергаетъ. Въ прочемъ всякаго человѣка, хотя и необязаннаго изобличать собственныя преступленія, гражданскій судъ ко изъясненію оныхъ истязаніемъ можетъ понудить. Отвѣты его, будутъ свидѣтельства преступленій, но единыя токмо вспоможенія ко открытію истинны потребныя. По чему на вышеписанныя мучительныя допросы, не токмо отвѣтствовать справедливо и ложно, но и самое наблюдать молчаніе, судимый воленъ.

20. *Клятва* есть изреченіе, ко обѣщанію присоединенное, которымъ обязующійся означаетъ, что въ случаѣ своея неисправности милосердію Божію подвергнется. Опредѣленіе сіе составлено изъ словъ самую существенность присяги означающихъ: какъ то: „*тако да поможетъ мнѣ Богъ!*„ или изъ иныхъ столько же дѣйствительныхъ означеній, у Римлянъ на примѣръ употребительныхъ: „ *о Юпитеръ! „ порази преступника обѣщанія такъ, какъ я „ сіе животное поражаю.*„ Изъ сего вывести можно, что *клятва* сія не обѣщательною токмо, но и утвердительною иногда назваться можетъ. Ибо утверждающій оною свое дѣло, показываетъ, что отвѣты его основательны и справедливы. Въ нѣкоторыхъ странахъ подданные имѣли обыкновеніе клясться своими Царями; но сіе произошло отъ того, что оные Цари желали присвоить себѣ божественную честь. А сіе доказываетъ самая *клятва*, которая введена для того, дабы чрезъ воображеніе Божія всемогущества и чрезъ святый его законъ, вліять въ людей такой страхъ, каковаго отъ собратіи своей, [немогущей проникнуть всѣхъ ихъ дѣйствій,] ни когда они не ощущаютъ, а чрезъ то не допустить бы ихъ до нарушенія вѣрности.

21. Изъ сего слѣдуетъ что *клятву* понимать должно въ такомъ изображенiи, въ какомъ клянущiйся ея прiемлетъ; ибо невѣрующiй въ Бога, а слѣдствен о и неопасающiйся его наказанiя, тщетно понуждаемъ бываетъ клясться, его святымъ именемъ. Правда, что естественный свѣтъ всякому человѣку открываетъ бытiе Божiе, но всякой же человѣкъ согласиться имъ клясться, токмо посредствомъ такого изображенiя, или имени, которое въ толкованiяхъ исповѣдуемыя имъ истинныя, [по мнѣнiю его] вѣры, написано.

22. Изъ предложеннаго о *клятвѣ* опредѣленiя выразумѣть можно, что простый *договоръ* столько же дѣйствителенъ, какъ и съ *оною* соединенный. Ибо *первый* при самомъ утвержденiи насъ обязуетъ, *послѣдняя* же относится къ небесному мщенiю, которое непристойно навлекать на себя тогда, когда нарушенiе *договора* само чрезъ себя было бы позволено. [а сiе случается въ такихъ обязательствахъ, къ которымъ не присоединено никакого обязательства,] Сверьхъ того предающiйся Божiю суду, не обязанъ понести наказанiе по тому, что моленiемъ оное отвратить, и паки милосердiе Всевышняго [ежели токмо оное будетъ низпослано,] получить можетъ. Слѣдственно дѣйствiе ея состоитъ въ томъ, чтобъ люди, по естеству къ нарушенiю вѣрности склонные, будучи обязаны клятвою, большiй страхъ ощущали.

23. Человѣкъ, понуждающiй ближняго ко изреченiю *клятвы* во обстоятельствахъ, и нарушенiя договора сокрыть, и власти къ полученiю удовольствiя отнять немогущихъ, дѣлаетъ нѣчто болѣе, нежели къ защищенiю его потребно, а чрезъ сiе показываетъ состоянiе своея души, болѣе на озлобленiи ближняго, нежели на

на собственныхъ выгодахъ основанное. Ибо оная по содержанію своему, принадлежатъ ко привлеченію гнѣва Божія, [то есть *Существа Всемогущаго*] на тѣхъ, которыя, не исполняютъ обѣщанія, токмо для того, что по своему могуществу человѣческихъ наказаній не опасаются, и гнѣва *Всевѣдущаго*, на нарушителей вѣрности, надѣющихся отъ смертныхъ очей, сокрыть свою мерзость.

Глава третія.

О прочихъ естественныхъ законахъ.

1. Изъ произведенныхъ естественныхъ законовъ вторый сей есть: „ *о наблюденіи договоровъ, или о* „ *сохраненіи вѣрности всѣми, силами стараться должно.* „ Ибо въ прошедшей еще главѣ показано, что естественный законъ предписываетъ намъ, какъ нужнѣйшее для сохраненія мира средство, нѣкоторыя собственныя *права* переносить взаимно. А сіе перенесеніе съ самою переносимою вещію сопряженное, и называется *договоромъ*. Къ сохраненію же мира, весьма много поспѣшествуетъ *исполненіе*, или *улущеніе* того, что *исполнить*, или *улустить* въ самомъ *договорѣ* мы постановили; въ противномъ же случаѣ безсильны бы были всѣ договоры, какъ учрежденія при самомъ дѣйствіи не наблюдаемыя. И такъ, когда исполненіе *договоровъ* или *сохраненіе вѣрности*, ко утвержденію мира весьма нужно, слѣдственно въ силу 2 й статьи, 2 главы, *естественнымъ закономъ* оное предуставлено.

2. Всѣ договаривающіяся особы, хотя и вѣрности не хранящіе, или инными зараженные пороками, изъ сего положенія не изъемлются; ибо договаривающійся

щійся самымъ образомъ договора, необходимость сего дѣйствія утверждаетъ. А при томъ предпринимать нѣчто, безполезнымъ признанное, противно благоразумію. Но ежели не думаетъ кто либо исполнить предписаннаго въ договорѣ, въ такомъ случаѣ самымъ своимъ мнѣніемъ безполезность *договора* онъ показываетъ. По чему обѣщающій нѣчто содѣлать своему ближнему тогда, когда ко исполненію онаго дѣйствія, не признаетъ себя обязаннымъ, самый *договоръ* постановленіемъ полезнымъ и безполезнымъ почитаетъ. Каковое мнѣніе весьма непристойно. И такъ всякой человѣкъ или хранить *вѣрность*, или не вступать въ договоры, то есть, или брань выдерживать, или извѣстный и основательный миръ утверждать долженствуетъ.

3. Нарушеніе *договора*, такъ какъ и обратное уступленныя вещи требованіе [всегда въ нѣкоемъ дѣйствіи или упущеніи состоящее] *обидою*, самое же дѣйствіе, или упущеніе *несправедливымъ* наименовано. И какъ видно названіе *обиды* дѣйствію или упущенію приписано для того, что они безъ всякаго учинены *права*, которое виновникъ онаго дѣйствія, или упущенія до сего еще произведенія, перенесъ на другаго. По чему есть нѣкое подобіе между тѣмъ, что во обращеніи *обидою*, въ школахъ же *глупостію* названо. Какъ въ школахъ доводится до глупости убѣжденный доказательствами, прежде утверждаемое отрицать мнѣніе, такъ и вообращеніи наноситъ обиду тотъ, кто *договорившись* нѣчто здѣлать, или упустить, по малодушію своему онаго не исполняетъ. Чрезъ сіе впадаетъ онъ въ противорѣчіе такъ же, какъ и имѣющіе въ школѣ прѣніе доводится *до глупости*. Ибо утверждающій будущее

дѣйствїе, договоромъ желаетъ, чтобъ оное воспослѣдовало; не исполняющїй же онаго, противное своему желанїю показываетъ. Желать же въ одно и то же самое время, нѣчто исполнить и не исполнить, означаетъ не инное что, какъ собственное противорѣчїе. И такъ, *обида есть нѣкоторая глупость по обращенїи*. Какъ и *глупость въ прѣнїи есть обида*.

4. Изъ сего слѣдуетъ, что *обида* * другому быть не можетъ кромѣ того, съ кѣмъ учиненъ *договоръ*, кому что подарено, или въ даръ обѣщано, а по тому *вредъ* и *обида* часто не сходствуютъ. На примѣръ: ежели повелитъ господинъ своему слугѣ, послушанїемъ ему *обязанному*, отчесть нѣсколько денегъ, или инное учинить благодѣянїе, третьему нѣкоему человѣку, а онъ того не исполнитъ; чрезъ сїе преслушанїе дѣлаетъ онъ *вредъ* третьему человѣку, *обиду* же своему господину. Такъ же и во обращенїи, утѣсняющей нѣкоего человѣка, никакого договора съ нимъ не заключившаго, наноситъ *вредъ* ему токмо лично, но *обиду* верьховному правителю причиняетъ. И ежели обиженный частно потребуетъ отъ него удовольствїя, въ такомъ случаѣ можетъ онъ вопреки ему сказать: „какое ты имѣешь право „онаго отъ меня требовать? и для чего принуж„даешь меня слѣдовать болѣе твоему, нежели соб„ственному моему произволенїю, когда я въ та„комъ же случаѣ тебѣ не препятствую?„ Въ такомъ отвѣтѣ [ежели не имѣютъ мѣста договоры] я не нахожу ни чего охужденїя достойнаго.

5. *Справедливое* и *ложное*, такъ же *справедливость* и *неправда* хотя и равногласныя наименованїя, однакожъ инное съ лицами, инное же съ дѣйствїями соединенныя означаютъ. Ежели они соединены съ

дѣйствїями,

дѣйствїями, *справедливое* то же, что и по *праву*; *не справедливое же безъ всякаго права содѣянное* знаменуютъ, *содѣявшаго* же нѣчто *справедливое*, *не справедливымъ*, но *невиннымъ*, какъ и погрѣшающаго, противу истинны не *несправедливымъ*, но *виновнымъ* назвать должно. Есть ли же употребляемы бываютъ о лицахъ, быть *справедливымъ*, значитъ наслаждаться *справедливостїю*, или стараться во всякомъ дѣйствїи наблюдать оную. Быть же *несправедливымъ*, есть не иное что, какъ пренебрегать *справедливость*, и почитать измѣренїемъ оныя не договоры, но собственную выгоду. И такъ *справедливость* и *неправда* употребляется въ иномъ означенїи въ разсужденїи лица, въ иномъ же въ разсужденїи дѣйствїя, такъ что многія *справедливаго* человѣка дѣйствїя *неправильными*, *несправедливаго же правильными* названы быть могутъ. При всемъ томъ вѣдать должно, что первый наблюдаетъ *истинну* по предписанїю закона, *неправду* же по единной токмо слабости дѣлаетъ, послѣднїй же хранитъ оную для при соединеннаго къ законамъ наказанїя, а преступаетъ по природной склонности.

6. Съ дѣйствїями соединенную *справедливость* раздѣляютъ на *отмѣняющую и раздавательную*. Перьвая обращается въ перемѣнѣ, продажѣ, куплѣ, взятьѣ въ заемъ, въ отдачѣ занятаго, во взаимномъ нанимании и въ прочихъ дѣйствїяхъ, при договорахъ случающихся. Въ таковыхъ оборотахъ, ежели равное вмѣсто равнаго отдано будетъ, *справедливость отмѣняющая* изъ того родится. Другая упражняется въ распредѣленїи достоинствъ по заслугамъ. И ежели отдано будетъ большое преимущество достойнѣйшему, меньшое же не столько достойному, а при томъ соразмѣрно, въ такомъ случаѣ справедливость

ливость *раздапательного* именуется. Я примѣчаю здѣсь нѣкое различїе въ равенствѣ, то есть, одно простое, какъ то: ежели сравниваемы бываютъ двѣ вещи одинакой цѣны, на примѣръ, фунтъ серебра, съ притцатью двумя лотами тогожъ металла; другое же пропорцїональное. То есть, сту человѣкамъ раздѣлить должно тысячу рублевъ, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ дать шесть сотъ рублевъ шестидесятимъ, четыре ста же сороку человѣкамъ; и такъ между шестью и четырью стами равенства не будетъ. Но хотя сїе различїе и есть между числомъ тѣхъ людей, которымъ таковая раздача воспослѣдуетъ, однако каждый изъ нихъ равную часть получаетъ; слѣдствено и самая раздача равномѣрною называется. Но не понимаю я, къ чему такое раздѣленїе, въ разсужденїи справедливости потребно; ибо ежели продаетъ нѣкто собственныя вещи за сходную цѣну, отъ сего никакой не будетъ обиды купцу, имѣть оныя желающему, или ежели кто либо одному изъ двухъ удѣлитъ нѣчто, заслуги его превышающее, лишь только бы удѣлилъ оное въ силу заключеннаго договора, ни единому изъ оныхъ обиды отъ сего не воспослѣдуетъ, о чемъ и самъ Спаситель нашъ во Евангелїи свидѣтельствуетъ. И такъ сїе раздѣленїе не справедливости, но равенству пристойно. Признаться однако должно, что и справедливость есть нѣкое равенство состоящее въ томъ, чтобъ люди, по естеству между собою равные, присвояли себѣ не болѣ тѣхъ выгодъ, которыя другимъ уступаютъ. [ежели договоромъ таковаго присвоенїя не будетъ позволено] Въ прочемъ всѣ сїи разсужденїя, противу вышеписаннаго справедливости раздѣленїя, мною приведены для того, дабы не подумалъ кто, что *обида* и нарушенїе

вѣрности

вѣрности или договоровъ, между собою имѣютъ различїе.

7. Древнее положенїе гласитъ: *въ самопроизвольно-сти нѣтъ обиды.* Однакожъ справедливость сего положенїя, принятымъ мною способомъ утвержденїя доказать должно. Ежели нѣксему человѣку оказана будетъ несправедливость, съ его желанїемъ согласна, въ такомъ случаѣ она, хотя договоромъ и запрещенная, по его дозволенїю воспослѣдовала. Когда же воспослѣдуетъ несправедливость противу договора, и съ дозволенїя такого человѣка, отъ коего власти оный договоръ зависитъ, тогда самый тотъ *договоръ* [въ силу 15 стат:, 2 главы] уничтожается по тому, что реченная несправедливость по *дозволенїю*, а слѣдственно по *праву* оказана. И такъ никакой изъ того *обиды* произойти не можетъ.

8. Третья *естественнаго закона* заповѣдь въ сихъ словахъ содержится: „ Кто по надеждѣ на тебя, „ перьвѣе тебѣ благодѣтельствуетъ, тому старайся „ равномѣрнымъ же соотвѣтствовать благодѣя- „ нїемъ, или. „ не прїемли благодѣянїя тогда, ко- „ гда не имѣешь намѣренїя благодѣтелю воздать „ таковымъ же. И по истиннѣ, ежели бы не было таковаго соотвѣтствїя, ни кто бы перьвый ко оказанїю благодѣянїя не вызвался. Ибо предлагать оное, не надѣясь взаимныя получить благодарности, противно благоразумїю. Чрезъ сїе исчезло бы между смертными благодѣянїе, надежда, а съ оными и доброжелательство. Не было бы между ими никакїя взаимныя помощи, а притомъ ни какого бы начала ко изъявленїю благодарности не воспослѣдовало. По чему въ противность *перьвѣйшему естественному закону* не отмѣнно пребыло бы бранное состоянїе. Но какъ нарушенїе сего

закона

закона, нарушенїемъ вѣрности, или договоровъ не можетъ назваться, [ибо подразумѣвать должно, что между людьми ни какихъ еще не утверждено договоровъ] слѣдственно и преступленїе оттуду произходящее не обидою, но по соотвѣтствованїю *благодѣянїя и благодарности*, *неблагодарностїю* именуется.

9 Четвертая естественнаго закона заповѣдь повелѣваетъ: *всякому человѣку быть услужливымъ пользѣ другихъ*; а дабы подлинно выразумѣть сїе положенїе, должно на передъ замѣтить, что въ людяхъ, составляющихъ общество, находится разность разсужденїй, отъ различїя страстей произходящая. Сїя разность весьма подобна той, которая въ снесенныхъ для строенїя камняхъ, отъ разности составляющихъ оныя частицъ и самаго вида произходитъ: ибо какъ грубый и угловатый камень, отнимаетъ у другихъ большую часть мѣста, нежели для вмѣщенїя его потребно, а при томъ по твердости сложенїя скоро стесанъ или обсѣченъ быть не можетъ, по чему, какъ безполезный и препятствующїй сооруженїю зданїя, бываетъ отвергаемъ; такъ и человѣкъ по врожденной грубости отъемлющїй у ближняго нужныя вещи, въ то самое время, когда самъ во многомъ имѣетъ излишество, а при томъ никакихъ ко исправленїю знаковъ не показующїй, не полезнымъ и тягостнымъ отъ собратїи своей названъ бываетъ. И какъ каждый, не по *праву* токмо, но и по *естественной необходимости* всѣ силы употребить долженъ, на прїобрѣтенїе средствъ, къ сохраненїю своему необходимо потребныхъ; желающїй же присвоить себѣ нѣчто излишнее, будетъ причиною начала брани по тому, что ему токмо единому не предлежало необходимости завести оную;

слѣдственно поступитъ онъ противу основательнаго *естественнаго закона* который повелѣваетъ каждому человѣку быть *услужливымъ пользѣ другихъ*. Нарушитель же сего закона, по справедливости называется *безполезнымъ*; а Цицеронъ таковаго и безчеловѣчнымъ именуетъ.

10. Пятая естественнаго закона заповѣдь есть: *ежели человѣкъ, погрѣшивъ предъ тобою, послѣ о семъ раскается и будетъ у тебя просить прощенія, въ такомъ случаѣ, пріявъ предосторожность, для будущаго времени потребную, содѣянную погрѣшность ему упустить.* Таковое снисходительство, или забвеніе обиды есть дарованіе *мира* тому, кто понуждая ко *брани*, наконецъ о семъ соболѣзнуетъ и онаго просить будетъ. Заключенный же миръ съ человѣкомъ, *не раскаевающимся, то есть*, непріятельскій духъ удерживающимъ, или на будущее время не уступающимъ предосторожности, или на конецъ не сущность онаго, но токмо нѣкоторыя присоединенныя къ нему выгоды пріемлющимъ, не самый *миръ*, но нѣкую боязнь означаетъ; а слѣдственно и утверждать его съ вышеписанными обстоятельствами возбранено естественнымъ закономъ. Въ протчемъ кто не прощаетъ такого человѣка, который и о содѣянномъ проступкѣ соболѣзнуетъ и принять предосторожность позволяетъ; тотъ не желаетъ пользоваться благосостояніемъ *мира*, а сіе упрямство противно естественному закону.

11. Въ силу шестой *естественнаго закона* заповѣди *по отмщеніи, или наказаніяхъ болѣе на будущее благо, нежели на содѣянное зло взирать должно.* То есть, *наказаніе употреблять или для исправленія преступника, или для вкорененія въ другихъ, лутчаго образа жизни.* Сіе положеніе во первыхъ

выхъ утвердить можно тѣмъ, что *естественный законъ* повелѣваетъ всякому во упущеніи обидъ быть снисходительнымъ, ежели отъ сего снисхожденія впредь никакія не воспослѣдуетъ опасности; а сверьхъ того взирающій во *отмщеніи* на одно прошедшее, снискиваетъ токмо удовольствіе и прославленіе душевное, ни къ единому концу не устроенное. [ибо конецъ всѣхъ нашихъ намѣреній состоитъ въ будущемъ] Всякое же предпріятіе ни къ единому концу неустроенное, остается *тщетнымъ*. И такъ *мщеніе*, въ которомъ не взираютъ на будущее, раждается отъ мнимыя славы, а слѣдственно и предпріято оно безъ всякаго благоразумія. Неблагоразумное же и неправильное мщеніе возобновляетъ брань, по чему и противно *основательнѣйшему естественному закону*. И такъ естественный законъ повелѣваетъ намъ въ наказаніяхъ не взирать на содѣянное зло, но предусматривать будущее благо нарушеніе же сего закона именуется *жестокосердіе*.

12. И какъ всѣ знаки, ненависть и презрѣніе изображающіе, влекутъ за собою неминуемое мщеніе и распрю, такъ, что многіе охотнѣе согласятся потерять не токмо спокойствіе, но и жизнь, нежели понести безчестіе: слѣдственно естественный законъ, въ 7 й заповѣди повелѣваетъ намъ: *нималѣйшаго ближнему презрѣнія и ненависти неоказывать*. А хотя и безпрестанно запримѣтить можно, что человѣкъ старается между безсильными блеснуть своимъ могуществомъ; однакожъ дѣйствіе сіе показываетъ въ немъ преступника естественнаго закона безчестнаго человѣка: ибо преступленіе сея заповѣди *бесчестіемъ* именуется.

13. Вопросъ о предпочтеніи единаго изъ двухъ не къ естественному, но къ гражданскому состоянію относится. Ибо показано еще 1 гл, въ 3 ст, что

всѣ люди по естеству между собою равны, а слѣдственно нынѣ пребывающее неравенство въ богатствѣ, могуществѣ и знатности рода, состоящее отъ законовъ гражданскихъ сущность свою воспріяло. Хотя же Аристотель въ первой книгѣ политическихъ писаній и утверждаетъ, что изъ всего человѣческаго рода иныхъ благоволило естество произвесть достойными ко управленію, другихъ же ко услужности. То есть, будто бы господинъ и рабъ не по человѣческому согласію, но по естественнымъ способностямъ различаются; однако сіе основаніе не токмо здравому [какъ выше показано] разсужденію, но и самому опыту противно. Ибо нѣтъ ни единаго столь скудоумнаго человѣка, который бы собственной своей независимости предпочелъ то повиновеніе, кое мы отдавать ближнему обязуемся, а при томъ хотя бы и противоборствовали между собою мудрые и сильные; однакожъ не возможно положить, чтобъ одни предъ другими безпрестанно, или очень часто торжествовали. И такъ ежели люди по естеству между собою равны, то и равенство оное всякой изъ нихъ соблюсти долженствуетъ; естьли же естественное равенство истреблено будетъ возродившимся для полученія власти прѣніемъ, въ такомъ случаѣ потребно признать людей равными для того, чтобъ получить пріятный миръ и спокойствіе. И такъ осьмая естественнаго закона заповѣдь повелѣваетъ намъ *не забывать естественнаго человѣческаго равенства. Преступленіе же оныя гордостію* наименовано.

4 Хотя для сохраненія каждаго человѣка и потребно было, чтобъ онъ отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ отказался; однакожъ сіе ни какой ему не принесло пользы, ежели бы онъ не предоставилъ

себѣ

себѣ нѣкоторыхъ правъ, какъ то, права защищенія своего тѣла, права дозволяющаго ему пользоваться свободнымъ воздухомъ, водою и прочими естества дарами, къ поддержанію человѣческія жизни служащими. И такъ, когда смертные при утвержденіи мира, не токмо общія, но и особенныя нѣкоторыя права удержали, слѣдственно и естественнаго закона правило предписываетъ, *чтобъ всякій человѣкъ требовалъ себѣ тѣхъ же самыхъ преимуществъ, которыя прочимъ уступить онъ согласенъ*. Въ противномъ же случаѣ уничтожено будетъ равенство въ прошедшей статьѣ означенное. Ибо безъ сохраненія равенства ни какъ не возможно утвердить общества; но въ чемъ же будетъ состоять въ обществѣ равенство, ежели всѣ онаго члены равными преимуществами не возпользуются? По чему и соблюденіе сея заповѣди *людскостію* наименовано.

15. Десятая естественнаго закона заповѣдь повелѣваетъ: *всякому въ распредѣленіи правъ наблюдать равновѣсіе*. Вышеписаннымъ закономъ каждому человѣку запрещено было присвоивать себѣ большія предъ прочими преимущества, меньшими же пользоваться позволено по тому, что сего нѣкогда учтивость требуетъ. Но ежели повелѣно намъ будетъ раздавать права другимъ, въ такомъ случаѣ сей законъ возбраняетъ оказывать единому большее предъ другимъ снисходительство: ибо чрезъ сіе дѣйствіе пренебрежемъ естественное равенство, а слѣдственно прочихъ обезчестимъ, наносить же безчестіе законъ естественный запрещаетъ. По чему наблюденіе заповѣди сея *равновѣсіемъ*, нарушеніе же *лицепріятіемъ* наименовано.

16. Изъ прошедшія заповѣди произтекаетъ первая надесять, которая предписываетъ намъ:

псѣ пещи, не подлежащїя раздѣленїю, [ежели можно] *употреблять вообще такЪ, чтобЪ всякой изЪ общества оными могЪ пользоваться по своему желанїю* [*ежели такопому употребленїю количестпо пещи будетЪ соотвѣтствовать;*] *желанїю каждаго, естьли же количестпо пещей не дозполитъ, то по разпредѣленїю и размѣру общему кЪ употребленїю приступать должно.* Иначеже ни коимЪ образомЪ не возможно соблюсть того равенства, которое прошедшая статья силою естественнаго закона соблюдать повелѣваетЪ.

17. А когда, какую либо вещь ни раздѣлить, ни вообще имѣть не возможно, то законЪ естественный повелѣваетЪ [12 заповѣдїю] или *пользопаться его по перемѣнно*, или *уступить единому жребїемЪ.* Но при томЪ вѣдать должно, что и вЪ премѣняющемся употребленїи перьваго жребїемЪ же назначить должно: ибо вЪ семЪ случаѣ потребно соблюсти равновѣсїе, которое единый токмо *жребїй* доставить можетЪ.

18. *Жребїй* бываетЪ двоякїй, или *услопный*, или *естестпенный.* Перьвый происходитЪ отЪ согласїя тяжущихся, и зависитЪ только отЪ случая, или, какЪ говорятЪ, отЪ счастїя. Естественный же *перьпородстпо* и *перьопладѣнїе* составляютЪ. И такЪ *псѣ пещи ни раздѣленїю, ни общему употребленїю неподлежащїя, достаются перьвому пладѣтелю, отеческїя же перпорожденному тогда, когда родитель прежде сего приисшенїя, не отдалЪ ихЪ другому.* И вЪ семЪ состоитЪ третья надесять заповѣдь естественнаго закона.

19. Заповѣдь четвертая надесять повелѣваетЪ *посредникамЪ мира доставить невредимость.* Благоразумїе показывающее конецЪ, показываетЪ такЪ же

и нужныя къ достиженїю онаго средства. Миръ изображенъ онымъ перьвѣе, прочїя же средства хотя показаны и послѣ, но такими которыя ко утвержденїю онаго весьма нужны. И какъ ни мира безъ посредниковъ воставить, ни посредниковъ безъ невредимости ко оному пригласить не можно: слѣдственно благоразумїе, то есть, естественный законъ повелѣваетъ, чтобъ посредники мира пребыли невредимы.

20. Но хотя бы всѣ сїи и симъ подобные естественные законы наблюдать смертные и старались, однакожъ при сообразованїи оныхъ съ дѣйствїями, раждались бы ежедневно нѣкїя сомнительства и прѣнїя, то есть, всякой бы вопрошалъ, противно ли такое то дѣйствїе закону, или съ онымъ согласно? А изъ оныхъ недоумѣнїй, между разномыслящими, взаимно за обиженныхъ себя почитающими, произошла бы брань; слѣдовательно для *сохраненїя мира* [понеже лутчаго средства выдумать не возможно,] должно имѣющимъ споръ согласиться со мнѣнїемъ третьяго. Для оказанїя же дѣйствительнаго ему повиновенїя *обязаться* имъ между собою *договоромъ* потребно; а таковый соглашающїй *судїею* наименованъ. И такъ изъ сего разсужденїя вывести можно 15 заповѣдь, которая *двоимъ между собою ссорющимся, третьяго рѣшенїю подвергнуться совѣтуетъ*.

21. А какъ рѣшитель, или *судїя* избранъ бываетъ тяжущимися для прекращенїя ихъ ссоры, слѣдственно не долженъ онъ быть изъ числа вышеписанныхъ сопротивниковъ. Ибо подразумѣвается здѣсь, что всякой человѣкъ снискать *себѣ* нѣкое *благо естественно*, наблюдать же *справедливость* для удержанїя *мира* и по случаю старается. Слѣдственно судїя, въ собственномъ дѣлѣ не можетъ сохранить таковаго равновѣсїя, какъ посредникъ: того

ради въ 16 заповѣди написано: *дабы въ собственномъ дѣлѣ ни кто судіею не былъ.*

22. Въ силу же 17 заповѣди: *не должно судіею быть такому человѣку, который въ выигрышѣ одного лица большую выгоду, или плату получить надѣется*; по выше приведеннымъ въ прошедшей статьѣ причинамъ.

23. Естьли же при самомъ разбирательствѣ дѣла воспослѣдуетъ нѣкое противорѣчіе, то есть, дѣйствительно ли то учинено, что одинъ утверждаетъ, другой же отрицаетъ, то *законъ естественный* [15 статьею] возбраняетъ утверждаться на ихъ [какъ противорѣчащихся] доказательствахъ. При недостаткѣ же другихъ, ко увѣренію способныхъ знаковъ, единаго или многихъ постороннихъ людей, сіе произшествіе вѣдающихъ, спросить, и ихъ мнѣнію въ рѣшеніи слѣдовать повелѣваетъ. И такъ 18 заповѣдь предписываетъ, *чтобы судія, о истиннѣ нѣкоего дѣла сомнѣніе имѣющій, дѣлалъ приговоръ, по увѣренію свидѣтелей, обѣимъ сторонамъ не подозрительныхъ.*

24. Изъ выше приведеннаго о *судьѣ* опредѣленія выразумѣть можно, что *между имъ и тяжущимися не находится такихъ договоровъ, кои бы здѣлать одной сторонѣ угожденіе, или правильное дать рѣшеніе, дѣйствительно его понуждали.* Ибо ко изреченію истинны обязываетъ его *естественный законъ*, [въ 15 стат.] который никакого къ тому договору дополненія не требуетъ; слѣдовательно таковые договоры были бы не дѣйствительны. Сверьхъ того, ежели судія, пристрастно дѣло изслѣдовавшій утверждать будетъ справедливость своего мнѣнія; въ такомъ случаѣ и послѣ рѣшенія прѣніе не будетъ уничтожено. Каковое дѣйствіе *противно*

учрежденію

учрежденїю посредниковъ, которые соглашаются сїе званїе принять съ тѣмъ, чтобъ тяжущїяся обязались взаимно всякому ихъ изреченїю повиноваться. И такъ естественный законъ повелѣваетъ *судъѣ* быть *свободнымъ*, въ силу сея девятыя надесять заповѣди.

25. Но понеже *всѣ естественные законы* суть не что иное, какъ наставленїя отъ благоразумїя происходящїя такъ, что каждый человѣкъ способности правомыслїя сохранить не старающїйся, не можетъ соблюсти естественныхъ законовъ: слѣдовательно всѣ, самопроизвольно и умышленно предпрїемлющїе нѣчто такое, чрезъ что вышеписанная способность искажена и повреждена быть можетъ, самопроизвольно и умышленно самый законъ нарушаютъ. Повреждаютъ же ея люди упражняющїеся въ дѣйствїяхъ, человѣческое разсужденїе, съ естественнаго пути совлекающихъ, а сїе весьма часто съ *пьяными* случается. И такъ *естественный законъ* въ 20 заповѣди повелѣваетъ намъ отъ *пьянства* устраняться.

26. Увидѣвъ *вышеписанныя заповѣди*, аки бы нѣкоторымъ искуствомъ выведенныя изъ единаго благоразумїя, къ сохраненїю здравїя и къ прїобрѣтенїю невредимости насъ ведущаго, скажетъ нѣкто, что сїе столь трудное и замысловатое произведенїе многимъ будетъ не вразумительно, а слѣдственно невѣдающихъ и не обязующее по тому, что невозможнымъ никто не обязывается. Сїе положенїе слѣдующимъ доказательствомъ я отражаю: хотя *надежда*, *страхъ*, *гнѣвъ*, *гордость*, *скупость*, *суетная слава* и прочїя *душевныя возмущенїя* во время господствованїя своего надъ нами, никого до познанїя естественныхъ законовъ не до-

 пущаютъ,

пущаютъ, однакожъ нѣтъ ни единаго человѣка, который бы нѣкогда душевнаго не имѣлъ спокойствія. Въ сіе то столь вожделенное время, самому непросвѣщенному легко можно узнать слѣдующее правило: ежели не вѣдаетъ онъ сходствуетъ ли его противу ближняго предпріятіе съ *естественнымъ закономъ*, въ такомъ случаѣ представивъ себя своимъ ближнимъ, къ себѣ оное предпріятіе принаравливать долженъ. Я увѣренъ, что тѣ же душевныя возмущенія, которыя ко исполненію нѣкоего предпріятія его подстрекали, акн бы на другую сторону вѣсовъ перенесшись, отвлекать его отъ неправеднаго дѣйствія не умедлятъ. И сіе не токмо удобоисполнительное, но еще издревле превознесенное правило въ слѣдующихъ словахъ заключается: *не дѣлай того другому, чего себѣ не желаешь.*

27. Но какъ многіе, для предстоящихъ выгодъ справедливость нарушающіе, къ соблюденію вышеписанныхъ законовъ не весьма способны, нѣкоторые же болѣе прочихъ благосклонностію напоенные, хотя и сохраняютъ благопріятство и равенство, однакожъ столь достохвальныя поступки, въ то же время большею народа частію пренебрегаемыя, нимало ко утвержденію ихъ спокойствія споспѣшествовать не могли бы. Ибо ходя по вышеписаннымъ заповѣдямъ среди обремененнаго пороками множества, здѣлались бы они жертвою вѣроломства. И такъ не должно думать, что благоразуміе повелѣваетъ намъ означенныя дѣйствія соблюдать въ такомъ состояніи людей, въ которомъ многіе о нихъ и не думаютъ. Оно обязываетъ насъ содержать ихъ во внутренности нашего сердца, употреблять же только тогда, когда утвержденію спокойствія способствуютъ. Изъ чего слѣдуетъ заключить, что

Страницы утрачены

весьма полезны. Слѣдовательно *учтивость*, *лоподуше*, *вѣрность*, *снисхожденіе* и *милосердіе*, которыя какъ выше упомянуто, ко устроенію мира нужны суть благіе нравы, или способности, то есть, добродѣтели. И такъ законъ, потребныя къ миру средства предписывающій, благіе нравы, то есть, добродѣтели, намъ изображаетъ; слѣдственно онъ есть *нравственный*

32. Но какъ люди не могутъ истребить несмысленнаго своего похотѣнія до того, что за наималѣйшія дѣйствительныя выгоды, иногда нечаянное несчастіе за собою влекущія, болѣе, нежели за основательныя предбудущія хватаются, отсюда и воспослѣдовало, что о изящности реченныхъ добродѣтелей хотя и всѣ увѣрены, но о природѣ оныхъ совсемъ не согласны; ибо ежели кому не нравится ближняго благое дѣло, тогда оное не собственнымъ, но нѣкоего смѣжнаго порока означеніемъ именуетъ; равномѣрно и угодные пороки, къ нѣкоторой относитъ добродѣтели. А изъ сего и выходитъ, что тѣ же самыя дѣйствія индѣ вознесены и благими наименованы; въ другомъ же мѣстѣ охуждены и опорочены бываютъ, для уничтоженія же таковыхъ нестройностей, до сихъ еще поръ отъ Философовъ никакого средства не предписано. Ибо не разсмотрѣвъ, что благость человѣческихъ дѣйствій находится, во всемъ, вообще къ миру принадлежащемъ, мерзость же оныхъ въ несогласіи, положили они основаніе *нравственной Философіи* не твердое и *нравственному закону* противное. Они захотѣли утвердить, что естество *добродѣтели* въ нѣкоей *срединѣ*, между двумя *крайностьми* находящейся, *пороки же* въ самыхъ *крайностяхъ* пребываютъ. Но сіе совсемъ несправедливо по тому, что отважность, въ самомъ

дѣлѣ отъ крайности раждающаяся, подъ именемъ *храбрости* къ добродѣтелямъ приписана, такъ же не количество даруемыя вещи, многое ли или малое, или средственное, но самое даяніе *щедрость* составляетъ; а при томъ не будетъ *несправедливости*, ежели удѣлю я нѣкоему человѣку изъ собственнаго стяжанія болѣе, нежели надлежало. И такъ *естественные законы* суть аки *глава нравственныя Философіи*. Наставленія же изъ оной выбранныя написалъ я токмо тѣ, которыя къ сохраненію нашему отъ опасностей, изъ несогласія раждающихся, потребны. Остались еще многія естественнаго закона наставленія, изъ коихъ такъ же какъ и изъ вышеписанныхъ добродѣтели выводятся. На примѣръ *воздержаніе* предписано благоразуміемъ для того, что *невоздержность* доводитъ насъ до болѣзней и смерти, такъ же *храбрость*, или способность противоборствовать предстоящимъ опасностямъ, болѣе насъ преодолѣвающимъ, нежели нашему подлежащимъ преодолѣнію, къ онымъ же добродѣтелямъ причислена; понеже она есть средство, или подпора къ сохраненію человѣка, опасностями окруженнаго.

33. И какъ *естественные законы* суть нѣкія разумомъ дознанныя заключенія, о расположеніи человѣческихъ дѣйствъ, законъ же въ собственномъ и точнѣйшемъ знаменованіи, есть изреченіе того, кто дѣлать нѣчто, или чего убѣгать по праву другимъ повелѣваетъ. Слѣдственно вышеписанные законы, поелику отъ естества происходящіе въ собственномъ означеніи, законами названы быть не могутъ. Но какъ они *въ священномъ писаніи* отъ Бога преданы, [въ слѣдующей главѣ сіе покажемъ] по чему и законами въ собственномъ названы означеніи. Ибо *священное писаніе* есть гласъ Господа, верховнѣйшее право, всѣми повелѣвать имѣющаго.

Глава

Глава четвертая.

Въ которой доказывается, что естественный законъ, есть законъ Божїй.

1. *Законъ естественный и нравственный*, есть *законъ Божїй* какъ для того, что *разумъ*, самъ собою естественный законъ составлющїй, всякому человѣку влїянъ отъ Бога, для направленїя по оному своихъ дѣйствїй, такъ и по тому, что правила жизни, изъ онаго произведенныя, тѣ же самыя, которыя Всеблагїй Богъ, чрезъ Хрїста, и Святыхъ его Пророковъ и Апостоловъ, изрекъ какъ законы небеснаго царствїя. И такъ всѣ выше писанные заповѣди, единымъ токмо разсужденїемъ познанныя, въ сей главѣ священнымъ писанїемъ утвердить должно.

2. Во первыхъ надлежитъ означить тѣ мѣста, которыя показываютъ, что законъ Божїй состоитъ токмо въ здравомъ разумѣ. Псал. 36, стихъ 30, *уста праведнаго поучатся премудрости, и языкъ его возглаголетъ судъ.* [Правду] *законъ Божїй въ сердцѣ его.* Iерем. гл. 31, ст. 33, *дая законы мои въ мысли ихъ, и на сердцѣ ихъ напишу я.* Псал. 18, ст. 8, *законъ Господенъ непороченъ, обращаяй души.* Пс. *тотъ же*, ст. 9, *заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи.* Второзакон. гл. 30, ст. 11, *заповѣдь юже азъ тебѣ заповѣдаю днесь, не тяжка есть, ниже далече есть отъ тебе.* Ст. 14, *но близъ тебе есть глаголъ зѣло, во устѣхъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ.* Пс. 118, ст. 34, *вразуми мя и испытаю законъ твой.* Ст. 105, *свѣтильникъ ногамъ моимъ законъ твой и свѣтъ стезямъ моимъ.* Iоанна же гл: 1, въ ст. 1, самъ Законодатель Господь Iисусъ Хрїстосъ

Хрїстосъ *слопомъ*, а въ стихѣ 9, *спѣтомъ истинным*ъ, *проспѣщающимъ псякаго челопѣка грядущаго пъ миръ*, названъ. Всѣ сїи доводы суть дѣйствительныя описанїя благоразумїя, естественные законы произходящаго.

3. Что же *снисканїе мира, перьхопнѣйшимъ естестпеннымъ закономъ* постановленное, есть первѣйшая *пъ законѣ Божїемъ* заповѣдь, изъ слѣдующаго усмотрѣть можно. Послан. къ Римл. 3 гл. въ ст. 17, *прапда* [глава законовъ] *путемъ мира* наименована. Пс. 84, ст. 11, *прапда и миръ облобызастася*. Матѳ: гл. 25, ст. 9, *блаженнїи миротпорцы, яко тїи сынопе Божїи нарекутся*. Святый Павелъ посланїя ко Евреомъ, глав. 6, въ послѣднемъ стихѣ сказавъ, что *Хрїстосъ есть Перьпоспященникъ по пѣки по чину Мелхиседекопу*, въ слѣдующей главѣ прибавляетъ *сей бо Мелхиседекъ Царь Салимскїй Перьпоспященникъ Бога Вышняго, перьпѣе сказуется Царь прапды, потомъ же Царь Салимскїй*, то есть, *Царь мира*. Изъ чего заключить должно, что Господь нашъ Іисусъ Хрїстосъ во царствїи своемъ *истинну* съ *миромъ* соединяетъ. Пс. 33, ст. 15 *уклонися отъ зла и сотпори благо, пзыщи мира и пожени и*, то есть, *послѣдуй ему*. Исаї: гл. 9, ст: 6 и 7, *что отроча родися намъ сынъ и дадеся намъ, начальстпо его бысть на рамѣ его и нарицается имя его: чуденъ сопѣтникъ Богъ крѣпкїй, Отецъ будущаго пѣка, Князь мира*. Тотъ же *Исаїя* гл. 52, стих 7, *коль красны на горахъ ноги, благопѣстпующихъ миръ, глаголющихъ: Сїоне! поцарится Богъ тпой*. Лук. гл. 2, ст. 14, при рожденїи Господнемъ гласъ бысть хвалящихъ Бога и глаголющихъ: *слапа пъ пышнихъ Богу и на земли миръ по челопѣцехъ благополенїе* Іс: въ гл. 53, въ ст. 6, благовѣстїе *ученїемъ мира*. А въ

въ гл. 59, 8 ст. правда *путемъ мира* названы, какъ то: *пути мирнаго не познаша, и нѣсть суда въ путехъ ихъ.* Михей предвозвѣщая пришествіе Мессіи, такъ говоритъ, гл. 5, ст. 5, *станетъ и упасетъ крѣпостію Господнею* и проч: *зане возвеличится даже до конецъ и будетъ сей миръ.* Притч. гл. 3, ст. 1, *сыне, законовъ моихъ не забывай, глаголы же моя да соблюдаетъ твое сердце, долготу бо житія, и лѣта жизни и миръ приложатъ тебѣ.*

4. Что же 1, естественнаго закона *заповѣдь о уничтоженіи общаго владѣнія*, или о *введеніи собственности*, то есть, *моего и твоего*, есть нужна; и напротивъ того сколь общія имѣнія мирному житію препятствуютъ, усмотрѣть можно изъ словъ, *Авраамомъ Лоту* говоренныхъ. Быт. гл. 13, ст. 8, *рече Аврамъ Лоту: да не будетъ распря между мною и тобою, между пастухи твоими и пастухи моими. Не Се ли вся земля предъ тобою есть, отлучися ты отъ мене.* Сверьхъ того законъ о различеніи *собственнаго* отъ *чужаго*, подтверждаютъ всѣ священнаго писанія мѣста, нападать на ближняго запрещающія, какъ то: *не убій, не укради, не прелюбы сотвори*; ибо предположено уже во оныхъ, что повсемственное *на всѣ вещи и дѣйствія право* уничтожено.

5. Тѣ же самые договоры служатъ и ко утвержденію второй заповѣди, о *сохраненіи мира*; ибо слова: *не пожелай ближняго*, не толи же, что *не пожелай чего либо не твоей волѣ подлежащаго*, означаютъ? Сіе самое яснѣе видѣть можно псал: 14, въ ст. 4, въ семъ мѣстѣ Пророкъ аки бы вопрошая: „Господи, кто обитаетъ въ жилищѣ твоемъ?„ Отвѣтствуетъ „иже, „кленыйся искреннему своему и не отметаяйся.„ Притч: гл. 6, ст. 1 и 2, „Сыне мой! аще поручишися „за твоего друга, предаси твою руку врагу. Сѣть бо

 „крѣпка

„ крѣпка мужу своя устнѣ, и плѣняется устнами „ своихъ устъ.

6. *Третья заповѣдь о благодарности* въ слѣдующихъ мѣстахъ находится: второз. гл. 25, ст. 5, „ да не обсотчиши [устенъ] вола молотяща, „ что же сїю заповѣдь не о волахъ токмо, но и о людяхъ сказана, сїе Святый *Папелъ* изъясняетъ. Въ 1 Посл: къ Коринѳ: главы 9, въ ст. 9, и слѣдующихъ; Притч. гл. 17, ст. 13, „ иже воздаетъ злая за благая, не „ подвигнутся злая изъ дому его„. Гл. 3, ст. 29, „ не соплетай на друга твоего зла, уповающа на тя„. И второз. гл. 20, ст. 10 и 11. „ аще прїидеши ко „ граду, воевати нань, воззови его съ миромъ. Аще „ мирное отвѣщаютъ ти и отверзутъ врата, вся „ люди обрѣтшїеся въ немъ, да будутъ помилованы, „ и послужатъ тебѣ, дань дающе.

7. *Четвертую объ оказанїи благосклонности ближнему, заповѣдь*, слѣдующее писанїе утверждаетъ: Исход. гл. 23, ст. 4 и 5, „ аще срящеши говядо, или осля „ врага твоего заблуждающее, обративъ, да от- „ даси ему. Аще же узриши осля врага твоего „ падшее подъ бременемъ, да не мимо идеши е, „ но да воздвигнеши е съ нимъ. Ст. 9, пришель- „ ца не оскорбляйте„. Притч: гл. 3, ст. 30, „ не „ враждуй на человѣка туне, да не, что на тя „ содѣетъ злое, „ и индѣ: „ презираяй зло для „ друга своего, праведенъ есть„. Гл. 15, ст. 18, „ мужъ ярый устрояетъ брани, долготерпѣливый же „ и будущую укрощаетъ„. Гл. 18, ст. 25, „ мужъ лю- „ бовенъ въ дружбѣ, есть другъ прилѣпившийся паче „ брата„. То же самое глаголетъ *Хрїстосъ* у Луки 10 гл, ст: 30 въ Притчѣ о *Самарянинѣ Евреанину* отъ разбойниковъ изъязвленному помощь подавшемъ. И *Матѳ*: глав. 5, въ ст. 39, „ азъ же глаголю вамъ не про-

тивитися

„ тивитися злу; но аще кто ударитъ тя въ десную „ ланиту, обрати ему и другую, и проч.

8. *Пятая заповѣдь*, сверьхъ многихъ другихъ, въ сихъ мѣстахъ содержится. Матѳ. гл. 6, въ ст. 14, „ аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, „ отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный: Аще ли „ же не отпустите человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни „ Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшеній „ вашихъ.„ И проч. гл. 18, ст. 21. „ Господи коль „ краты въ мя аще согрѣшитъ братъ мой и отпущу „ ли ему до седмь кратъ„? отвѣщаетъ Іисусъ, не *глаголю тебѣ до седмь кратъ*, но *седмьдесятъ кратъ седмерицею*, то есть, сколько бы ни согрѣшилъ, отпусти ему.

9. Ко утвержденію 6 *заповѣди* принадлежатъ всѣ мѣста, *милосердіе* оказывать повелѣвающія, какъ то: Матѳ. гл. 5, ст. 7, *блаженни милостивыи, яко тіи помилованы будутъ*. Левит. гл. 19, ст. 18, *да не отмщаетъ рука твоя, и да не враждуеши на сыны людей своихъ*, и на другихъ премногихъ мѣстахъ, Св: Писанія.

10. *Седьмую заповѣдь* утверждаютъ слова Спасителя нашего Матѳ. 5 глав., въ 22 ст, изреченныя: „ азъ же глаголю вамъ, яко всякъ гнѣвайся на „ брата своего всуе, повиненъ будетъ суду. Иже бо „ аще речетъ брату своему рака, повиненъ есть сонь- „ мищу; а иже аще речетъ уроде, повиненъ есть „ геннѣ огненной„. Притч. гл. 10, ст. 18, *износящіи укоризну, безумнѣйшіи суть*. Гл. 14, ст. 21, *безчестяй убогія согрѣшаетъ*. Гл. 15, ст. 1, *слово жестоко, воздвизаетъ гнѣвы*.„ *И индѣ*: „ изжени „ изъ сонмища ругателя, изыйдетъ съ нимъ и ссора; „ егда бо въ сонмищѣ сядетъ, всѣхъ обезчеститъ.

11. *Осьмая заповѣдь* содержится въ слѣдующихъ писаніяхъ: Матѳ. гл. 5, ст. 3, *блаженни нищіи ду-*

хомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное. И Притчетникъ глаголетъ: „ шесть суть грѣховъ, ихъ же не на„видитъ Богъ, седьмымъ же гнушается и душа грѣш„ника, *горда ока.* Притч. гл. 16, ст. 5, „ нечистъ „предъ Богомъ всякъ высокосердый, въ руку же „ руцѣ влагаяй не праведно не обезвинится„. Гл. 11, ст. 2 „ идѣже аще внидетъ досажденіе, тамо и без„ честіе, уста же смиренныхъ поучаются премуд„ рости„. Такъ же Ісаія гл. 40, въ ст. 3, возвѣщая пришествіе Мессіи, для пріуготовленія смертныхъ къ царствію его, прорекаетъ сей вопіющаго въ пустынѣ гласъ: уготовайте путь Господень, правы „ сотворите стези Бога нашего. Всяка дебрь напол„ нится, и всяка гора и холмъ смирится.„ А сіе безъ сомнѣнія не къ горамъ, но къ людямъ онъ относитъ.

12. *Девятая заповѣдь равенство* утверждающая, коею повелѣно, чтобъ каждый дозволялъ *ближнему пользоваться тѣмъ же правомъ, какое самъ при себѣ удержать* желаетъ, и которая всѣ законы въ себѣ содержитъ, есть та же самая, которую положилъ Моисей Левит. гл. 19, въ ст. 18, *возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе.* И Спаситель нашъ ея же *душею закона* называетъ. Маѳ. гл. 22, въ ст. 36, онъ вопрошенъ будучи отъ Фарисея: учителю! *кая заповѣдь больши есть въ законѣ?* Отвѣтствуетъ: *возлюбиши Господа Бога твоего* и проч: Вторая же подобна ей: *возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе.* Сіи *двѣ заповѣди* обьемлютъ весь законъ и Пророковъ. Любить же ближняго, какъ самаго себя, значитъ, уступить ему тѣ преимущества, которыя всякій человѣкъ себѣ присвоить желаетъ.

13. *Десятою заповѣдью* запрещается *лицепріятіе*, что подтверждаютъ и слѣдующія *Свящ: Писан:* мѣста. Маѳ. гл. 5, ст. 45, *да будете сынове Отца*

вашего

нашего, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сїяетъ на злыя и благїя, дождитъ на праведныя и на неправедныя. Къ Кол гл. 3, ст. 11, *нѣсть Еллинъ, Iудей, Варваръ и Скифъ, слуга и свободный, но всяческая и во всѣхъ Христосъ.* Дѣян. гл. 10, ст. 34, *по истиннѣ разумѣваю, яко не на лица зритъ Богъ.* Паралип. 2, гл. 19, ст. 7 „нѣсть у Господа Бога нашего неправды, ниже дивленїя лицу, ни прїятїя мзды. Сирах. гл. 35, ст. 12, *Господь судїя есть, и нѣсть у него славы лица.* Къ Римл. гл. 2, ст. 11, *нѣсть на лица зрѣнїя у Бога.*

14. *Первая надесять заповѣдь, всѣмъ раздѣленїю не подлежащимъ пользоваться вообще дозволяющая,* изображена ли *въ Священномъ Писанїи,* или нѣтъ? не вѣдаю. При всемъ томъ общее употребленїе *кладезей, дорогъ* и *рѣкъ* показываетъ, что людямъ иначе жить не возможно.

15. *Вторая надесять* естественная заповѣдь, повелѣвающая все, ни раздѣленїю, ни общему употребленїю не подлежащее, жребїемъ отдать единому, утверждается примѣромъ Моисеевымъ. Онъ бо, по благоизволенїю Божїю, Обѣтованную землю, колѣнамъ Израилевымъ раздѣлилъ на части *жребїемъ,* Числъ гл. 34, ст. 13. А при томъ въ Апостольскихъ дѣянїяхъ написано: что единонадесять Апостоловъ въ собранїе свое *жребїемъ* Матөїя избрали гл. 1, ст: 25, при произношенїи сея молитвы: „Господи Сердцевѣдче всѣхъ! „покажи, его же избралъ еси, отъ сїю двою единаго, „прїяти жребїй служенїя сего и Апостольства, „изъ него же испаде Iуда, ити въ мѣсто свое, и да„ша жребїя има, и паде жребїй на Матөїя и „причтенъ бысть ко единонадесяти Апостоломъ.

И *третїянадесять заповѣдь* утверждается, бытїя гл 25, ст. 30, гдѣ показано, что Исааково стяжанїе по наслѣдству доставалось Исаву, какъ

перьвородному его сыну, естьли бъ онъ его не продалъ, или самъ Исаакъ не опредѣлилъ иначе.

16. Святый Апостолъ Павелъ въ 1 Послан. къ Коринѳ. въ 6 гл., изобличаетъ живущихъ въ Коринѳѣ Христіанъ въ томъ, что они въ судебныхъ мѣстахъ предъ Судіями, не исповѣдающими православныя вѣры, между собою тяжбу имѣютъ, онъ говоритъ: *что грѣшно предъ Богомъ* ежели они ни малѣйшія *обиды* и ни какого *обмана* снести не могутъ; ибо сіе противно *закону*, взаимное снисходительство наблюдать повелѣвающему. Чтожъ дѣлать, ежели воспослѣдуютъ распри о дѣлахъ весьма нужныхъ? На сіе Апостолъ отвѣтствуетъ такъ: тояже главы ст. 5 „къ сраму вамъ глаголю: тако ли нѣсть въ „васъ мудръ ни единъ, иже можетъ разсудити между „братій своихъ. И такъ утверждаетъ онъ чрезъ сіи слова 15 *естественную заповѣдь*, то есть, ежели распри избѣжать не можно, въ такомъ случаѣ должно избрать по согласію тяжущихся Судію *третьяго*, который бы [какъ 16 *естествен. заповѣдь* повелѣваетъ] не былъ изъ числа, взаимную распрю имѣющихъ.

17. Что же *Судія* оный ни какого *мздопоздаянія* принять не долженъ [17. естественный законъ] усмотрѣть можно изъ слѣдующаго: Исх: гл 23, ст. 8, *да не возмеши даровъ; они бо ослѣпляютъ очи видящимъ и погубляютъ словеса праведна.* Сирах. гл. 20, ст. 29, *мзда и дарове ослѣпляютъ очи премудрыхъ, и яко же обуздъ на устнѣхъ отвращаютъ обличенія.* Изъ чего слѣдуетъ, что всякій Судія при разсматриваніи дѣла, долженъ къ обѣимъ сторонамъ сохранить равновѣсіе. А сіе и составляетъ 19 заповѣдь, которая утверждается еще, Второзаконія главою 1, ст. 17, *да не познаете лица въ судѣ, малому*

лому

лому и великому судиши. И всѣми мѣстами противу *лицепрїятїя* приведенными.

18. А что въ судѣ во время производства дѣла, должно имѣть свидѣтелей, сїе, Священное Писанїе, ясно показываетъ: Второзак. гл. 17, въ 6, ст. „ при „ двою, свидѣтелехъ или при трехъ да умретъ.„ Сїе повторено того же Второзак. 19 гл, въ ст. 15, *при устѣхъ двою свидѣтелей, и при устѣхъ трiехъ свидѣтелей да станетъ всякъ глаголъ.*

19. *Пьянство* между преступленїями противу естественнаго закона послѣднимъ мною означено, для того, что препятствуетъ оно, дѣйствїю здраваго разума. А по сей причинѣ возбранено оное и Священнымъ Писанїемъ, какъ то, Притч. гл. 20, ст. 1, „ невинно вино, укоризненно же пьянство: и всякъ пре- „ бываяй въ немъ, не будетъ премудръ.„ Гл. 31, ст. 4, 5, *сильнїи гнѣвливы суть, вина да не пїютъ. Да напившеся не забудутъ мудрости; и право судити немощнымъ не возмогутъ.* А чтобъ мы увѣрены были, что мерзость сего порока, не въ количествѣ употребляемаго вина, но въ поврежденїи имъ здраваго разума находится, въ семъ слѣдующїй за вышепоказаннымъ стихъ увѣряетъ. *Дадите сикера сущимъ въ печалехъ, и вино лити сущимъ въ болѣзнехъ, да забудутъ убожества, и болѣзней не воспомянутъ, къ тому:* такъ же и Спаситель нашъ въ запрещенїи *пьянства* ту же самую причину полагаетъ. У Лук. гл. 21, ст. 34, *внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденїемъ и пьянствомъ.*

20. Непремѣнность же естественныхъ законовъ, въ прошедшей главѣ доказанную, обьясняютъ. 1, Матѳ. гл. 5, ст. 18, *аминь глаголю вамъ: дондеже прейдетъ небо и земля їота едина, или едина черта не прейдетъ отъ закона.* 2, Давид: псал. 118, ст. 160, *во вѣкъ вся судьбы, правды твоея.*

21. Сказано такъ же, что естественные законы касаются человѣческія совѣсти, то есть, всякъ обращаяй все свое вниманіе на исполненіе оныхъ, остается справедливымъ. Направляющій же всѣ свои дѣйствія [что принадлежитъ до внѣшняго повиновенія] по законамъ естественнымъ, не для изьящности закона, но для присоединеннаго ко онымъ наказанія, не справедливъ есть; оба сіи положенія утверждаетъ Священное Писаніе: 1, Ісаія гл. 55, ст. 7, *да оставитъ нечестивый пути своя и мужъ беззаконенъ совѣты своя и да обратится ко Господу и помилованъ будетъ.* Іезекіил: гл. 18, ст. 30, *отвержите отъ себе вся нечестія ваша, имиже нечествовасте ко мнѣ, и сотворите себе сердце ново и духъ новъ! и сотворите вся заповѣди моя и вскую умираете доме Израилевъ?* Изъ сихъ и симъ подобныхъ доводовъ, выразумѣть можно, что Всеблагіи Богъ предаетъ забвенію грѣхи, сыновъ ему покаявшихся. 2, Исаіи. гл. 29, ст. 13,,, приближаются мнѣ лю-,, діе сіи, усты своими, и устнама своима почитаютъ,, мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ мене; сего,, ради се азъ приложу, еже преселити люди сія, и проч.,, Матѳ. гл. 5, ст. 20,, аще не избудетъ правда ваша,, паче книжникъ и Фарисей, не внидете въ царствіе,, небесное.,, въ слѣдующихъ же стихахъ Спаситель нашъ показываетъ, что повелѣнія Господни не дѣйствіями токмо, но и *помышленіемъ* бываютъ нарушаемы. Ибо книжники и фарисеи внѣшностію весьма наблюдали законъ, но для славы токмо, а иначе, они бы его нарушить не умедлили. Сверьхъ того во многихъ, Священнаго Писанія мѣстахъ, весьма явственно изображено Божіе благоволеніе, волю человѣческую, въ худыхъ и добрыхъ предпріятіяхъ, за самое дѣйствіе пріемлющее.

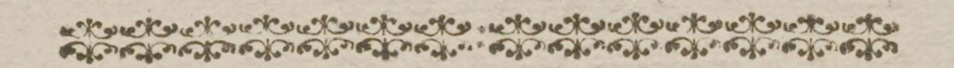
22.

22. Что же естественный законЪ удобо исполнителенЪ, самЪ Спаситель міра обьясняетЪ сіе Матѳ. 11 гл, вЪ ст. 28, 29, 30,,. пріидите ко мнѢ вси ,, труждающіися и пр; Возмите иго мое на себе и на-,, учитеся отЪ мене; яко кротокЪ есмь и смиренЪ ,, сердцемЪ и обрящете покой душамЪ вашимЪ; иго ,, бо мое благо и бремя мое легко есть.,,

23. НаконецЪ правило, предписанное для разпознанія нашихЪ дѢйствій, сообразны ли они естественному закону, или нѢтЪ? то есть, *не дѢлай того другому; чего себѢ не хочешь*, такимижЪ почти словами отЪ Спасителя нашего выговорено: Матѳ. гл. 7, ст. 12, *вся убо елика хощете да творятЪ вамЪ человѣцы, тако и вы творите имЪ.*

24. КакЪ *законЪ естественный* вообще есть *Божій*, такЪ на противЪ того и *законЪ СпасителевЪ* [вЪ 5, 6 и 7, главахЪ Матѳея истолкованный] есть] изключая единыя заповѢди: о не понятіи вЪ жену отпущенницы, кою Хрїстосъ привелЪ для изьясненія положительнаго Божія закона, противЪ ІудеевЪ, *законЪ МоисеевЪ* не право толковавшихЪ,] естественное ученіе. Сказано мною, что вЪ вышеписанныхЪ главахЪ изьясненЪ весь *законЪ ХрїстовЪ* но не всѢ ученія; ибо часть Хрїстіанскаго ученія составляетЪ *вѢра*, кою, подЪ именемЪ закона, понимать не можно. Законы бо изданы бываютЪ о *дѢйствіяхЪ* нашей волѢ подлежащихЪ, а слѢдственно не о вѢрѢ, которая, какЪ предмѢтЪ отЪ нашей воли независящій и произволенію нашему не повинуется.

Начертаніе второе

ПРАВЛЕНІЕ.

Глава пятая.

О причинахъ, и произхожденіи гражданства.

1. Что дѣйствія человѣческія отъ произволенія, произволеніе же отъ надежды и страха произходитъ, сіе само чрезъ себя явственно, такъ, что люди предусмотрѣвъ большую себѣ отъ нарушенія, нежели отъ исполненія законовъ, *выгоду*, охотно оные нарушаютъ. Слѣдственно каждый надежду своей безопасности, и своего сохраненія полагаетъ во истребленіи ближняго, какимъ бы то образомъ ни было. А изъ сего видѣть можно, что соблюденіе *естественныхъ законовъ* не вдругъ человѣку доставляетъ спокойствіе, да и сколько бы кто не старался остерегаться, но есть ли прочіе отъ нападенія не удержатся, въ такомъ случаѣ пребудетъ за всегда первобытное *право*, *право на вся*, или *право брани*. И такъ ко исполненію *естественнаго закона* довольно и того, ежели каждый предуготовитъ себя къ миролюбію въ то время, когда имъ наслаждаться будетъ возможно.

2. Говорятъ, будто бы *во время брани, законы бываютъ безгласны*. И по истиннѣ ежели сіе мнѣніе отнести къ дѣйствіямъ, а не къ совѣсти человѣческой, то не о гражданскихъ токмо, но и о естественныхъ законахъ будетъ оно сказано справедливо. (въ

силу

силу 3 главы, 27 статьи,) Да и брань уже въ семъ случаѣ разумѣть должно повсемственную и такую, какая въ состояніи совершенно естественномъ господствуетъ, хотя въ гражданствѣ воюющіе народы нѣкоторую между собою умѣренность наблюдать обыкли. Ибо въ древнія времена введено было обыкновеніе, нѣкоторый родъ домостроительства, составлявшее *жить хищеніемъ*, которое по обстоятельствамъ не только непротивно было естественнымъ законамъ, но и не малую славу приносило тѣмъ, которые въ семъ промыслѣ храбро и умѣренно упражнялись. Они брали всѣ имъ встрѣчающіяся вещи, но оставляли людямъ жизнь со скотомъ и орудіемъ, къ земледѣлію принадлежащимъ. Въ прочемъ ко оказанію сея умѣренности не были они обязаны закономъ естественнымъ, собственная слава и боязнь, чтобъ не быть обвиненнымъ, въ непомѣрной жестокости, къ тому ихъ побуждали.

3. И такъ когда къ сохраненію мира соблюденіе естественнаго закона, къ соблюденію же онаго *безопасность* потребна, слѣдуетъ теперь разсмотрѣть, какія мѣры ко утвержденію безопасности воспріять должно? Самое лутчее къ достиженію оныя средство состоитъ въ пріуготовленіи всякому надежныя помощи, которыя бы всѣхъ къ нападенію стремящихся такъ устрашила, чтобъ они состояніе мирное военному предпочли охотно. Но во первыхъ соединеніе двухъ или трехъ человѣкъ не можетъ вышереченнаго доставить спокойствія, по тому, что присоединеніемъ одного, или не многихъ, подобное сему общество, не умедлитъ напасть и несумнѣнную одержать побѣду. И такъ ко пріобрѣтенію оныя, для взаимныя помощи сошедшихся, потребно такое число, которое бы непріятели, присово-

присовокупленіемъ къ себѣ нѣсколькихъ человѣкъ, побѣдить не обнадежились.

4. Сверьхъ того, ежели и множество, взаимнымъ защищеніемъ обязавшееся, о избраніи лутчаго къ оному защищенію способа единодушно старатся не будетъ, но всякой употребитъ свои силы по собственному своему произволенію, въ такомъ случаѣ ни какого успѣха не воспослѣдуетъ. Ибо отъ разности мнѣній, родится токмо взаимное препятствіе. Что въ томъ, что согласятся они на произведеніе въ дѣйствіе нѣкоего предпріятія, побѣду, корысть, или отмщеніе обѣщающаго, ежели спустя нѣсколько времени, разностію разсужденіи и совѣтовъ, ненавистію и ревнованіемъ [такое произведутъ неустройство, что безъ общаго страха, ни взаимныя подать помощи, ни мира между собою сохранить, не подумаютъ. Изъ чего слѣдуетъ, что *согласіе* для взаимныя токмо помощи учрежденное, не доставляетъ] составляющимъ оное, безопасности, для общаго соблюденія вышеписанныхъ естественныхъ законовъ снискиваемой. Но должно во оное ввести нѣчто большее, то есть, ежели для утвержденія *общаго блага*, единожды согласились люди на возстановленіе мира и подаяніе взаимныя помощи, въ такомъ случаѣ и тогда, когда собственныя ихъ выгоды общему благосостоянію не соотвѣтствуютъ, отъ вышеписаннаго согласія отдѣлиться имъ не должно, такъ, чтобъ ихъ нѣкогда страхомъ къ единодушію понудить было можно.

5. Аристотель между животными, политическими, имъ названными, поставляетъ не человѣка токмо, но и другихъ животныхъ. Какъ то: муравья, пчелу и проч. А сіи [говоритъ онъ] твари, хотя и не одарены разумомъ, помощію которато

тораго взаимные утверждать договоры, и единаго правленію повиноваться могли бы, при всемъ однакожъ томъ *сочуствуютъ*, то есть, всѣ единаго желая, и отъ единаго отвращаясь, столь порядочно свои дѣйствія къ единому концу приводятъ, что никогда между собою возмущенія не дѣлаютъ. Но какъ сожитіе оныхъ, человѣческому обществу не подобно, слѣдственно и самыя животныя политическими названы быть не могутъ. Ибо правленіе ихъ раждается изъ единаго токмо *сочуствія*, или многихъ хотѣній, къ единому и тому же предмѣту клонящихся, а не отъ единаго [какъ въ человѣческомъ обществѣ] *произволенія*. Правда, что сіи твари, чувствами и хотѣніемъ одаренныя, имѣютъ внутреннее чувствіе столь долговремянное, что ко утвержденію онаго, на взаимное мира сохраненіе, ни какихъ внѣшнихъ побужденій не требуется. Въ людяхъ же напротивъ того, совсѣмъ противныя онымъ расположенія. И во первыхъ между ими есть *соперничество о чести и достоинствахъ*, между прочими животными оное не находится. Изъ онаго соперничества *зависть и ненависть* между людьми раждается, между животными оныхъ не бываетъ. 2, Естественныя склонности пчелъ, и прочихъ имъ подобныхъ животныхъ, между собою сходны и у всѣхъ относятся къ одному благу, которое отъ частнаго у нихъ не разнится. Человѣкъ же въ томъ только и поставляетъ свое благо, ежели предъ прочими имѣетъ нѣчто рѣдкое и превосходное. 3, Животныя, не имѣя разума, ни какихъ въ своемъ правленіи недостатковъ не видятъ, но въ человѣческомъ обществѣ, многіе отъ прочихъ разумомъ отличающіеся, теченіе дѣлъ перемѣнить силятся. А различіе сихъ изобрѣтателей,

разныя

разныя перемѣны, а слѣдственно неустроиство, и междоусобную брань вводятъ. 4, Животныя, хотя и могутъ голосомъ изъявить свое желаніе, но лишены они *словесности*, душевное возмущеніе производящей, тоя говорю, словесности, которая предстоящее благо и зло всегда увеличиваетъ, но человѣческій языкъ есть, аки труба ко брани и возмущенію призывающая. И сказуютъ, что „Периклъ нѣкогда словами „ своими гремѣлъ, блисталъ и возмущалъ всю Грецію. 5, Животныя не различаютъ отъ *вреда обиды*, по чему во время собственнаго благоденствія ни кого изъ сожибущихъ не обвиняютъ. *Напротивъ того нѣкоторые, а особливо праздно живущіе* люди весьма тягостны обществу. Ибо неснабдѣнные довольнымъ пропитаніемъ и одеждою, за честь и безопасность отечества вступиться не подумаютъ. На конецъ *сочувствіе*, въ протчихъ животныхъ, естественное, въ людехъ же *согласіе* договорами, то есть, искуствомъ утвержденное. Слѣдственно и удивляться тому не должно, что людямъ въ расположеніи жизни своей большее учрежденіе потребно. И такъ общество, которое каждымъ управляетъ безъ нѣкоей общей власти, право наказанія удерживающей, доставить безопасности, для соблюденія *естественныя справедливости* потребной, не можетъ.

6. И какъ *сходствіе* многихъ произволеній, той же цѣли касающихся, сохраненію мира и твердому защищенію не весьма способствуетъ, слѣдуетъ изъ того, чтобъ въ разсужденіи вещей и дѣйствій къ миру и защищенію потребныхъ, цѣлое общество *единую волю* имѣло. А сіе можно получить тогда, когда произволеніе каждаго волѣ единаго *совѣта*, или лица подлежать будетъ, такъ, чтобъ вcѣ его опредѣленія о вещахъ и дѣйствіяхъ, къ поспѣшествованію

ствованїю общаго мира, потребныхъ произволенїе каждаго и всѣхъ въ себѣ заключали. *Совѣтъ* же называется, собранїе многихъ людей, разсуждающихъ, что дѣлать, или чего не дѣлать, для общаго всѣхъ блага.

7. Таковое же произволенїй повиновенїе волѣ единаго лица, или *совѣта* бываетъ тогда, когда каждый дастъ обязательство, чтобъ управляющему имъ лицу, или совѣту ни въ чемъ не противиться, то есть, чтобъ стяжанїемъ и своими силами, противу другихъ людей [подразумѣвается здѣсь, что каждый при себѣ удерживаетъ право, отражать насильство], служить ему не отрекся. Каковое установленїе *соединенїемъ* наименовано. *Воля* же *совѣта* разумѣется та, которая состоитъ изъ желанїя большей части людей, составляющихъ *совѣтъ*.

8. А хотя *воля* сїя не самое существо произволенїй, но токмо начало самопроизвольныхъ дѣйствїй въ себѣ содержитъ [ибо мы не хотѣть но дѣйствовать обязуемся]; однакожъ покаряющїй волю свою произволенїю ближняго, покаряетъ ему съ оною *силы* свои и *способности* такъ, что повелитель, во время повиновенїя, общею силою уполномоченный, всѣхъ произволенїя къ соединенїю и согласїю страхомъ привести можетъ.

9. На вышеписанныхъ основанїяхъ утвержденное *соединенїе гражданствомъ*, *гражданскимъ обществомъ*, или *гражданскимъ лицемъ* именуется. Ибо общество единую волю имѣющее, за единое лице почитать должно, которое наименованїемъ *единое*, различаясь отъ прочихъ людей, имѣетъ особенныя права и дѣйствїя такъ, что ни единаго гражданина, ни множества оныхъ, [изключая начальника,] гражданскимъ лицемъ назвать не можно. И такъ *гражданство*

жданство есть единое лице, коего произволеніе по обязательству многихъ лицъ, оныхъ волю объемлетъ; а при томъ силами ихъ и способностьми для мира и общаго защищенія, можетъ располагать по своему благоизволенію.

10. Всякое общество гражданское лице, но не всякое гражданское лице общество составляетъ. Ибо случается, что многіе граждане, для отправленія извѣстныхъ дѣлъ, съ дозволенія общества могутъ совокупиться. Соединенные же, какъ то, купеческія компаніи и прочія собранія, хотя и удерживаютъ лице *гражданское*, но не самое *общество*. Ибо они не просто и не во всѣхъ но въ извѣстныхъ и предписанныхъ отъ правительства дѣлахъ, власти таковаго соединенія покорились; а при томъ всякому изъ нихъ на ономъ соединеніи искать своего удовольствія, судомъ позволено. Чего гражданинъ противу общества предпріять не можетъ. И такъ означенныя соединенія, лице гражданское составляющія, *обществу* подвластны.

11. Во всякомъ обществѣ, единаго человѣка, или единый совѣтъ, коего произволенію прочіе свою волю покорили, *верьховнымъ властителемъ*, *верьховнымъ правителемъ*, или *верьховнымъ господиномъ*, называютъ. Власть же сія и право повелительства обитаетъ въ перенесенныхъ на совѣтъ, или единое лице, каждаго человѣка силахъ и могуществѣ, а таковое дѣйствіе [понеже естественно ни кто своими силами другому поступиться не можетъ,] есть уничтоженіе своего права, въ сопротивленіи состоявшаго, прочіе же въ обществѣ пребывающіе граждане, какъ и всякое во ономъ подчиненное лице, *подданными* верьховнаго правителя наименованы.

12.

12. КакимЪ образомЪ и какими степенями „многія „ естественныя лица попеченіемЪ о сохраненіи себя и „ взаимнымЪ страхомЪ побужденныя, во единое гра„ жданское лице, гражданствомЪ наименованное сово„ купились„, вЪ прошедшихЪ статьяхЪ довольно ясно показано. Остается теперь сказать, что нѣкоторые, побуждены будучи страхомЪ, покаряются доброволь но, другіе покорены бываютЪ силою, третіи же повинуются такому лицу, на которое вЪ защищеніи своемЪ надежду имѣютЪ. Первое дѣлаютЪ побѣжденные для избѣжанія смерти, послѣднее же непобѣжденные, опасаясь нападенія и неволи. Первыя способы имѣютЪ начало свое отЪ *естественнаго могущества*, по чему и основаніе гражданское *естественнымЪ началомЪ* названо быть можетЪ. Послѣднія же изЪ *совѣщанія* и *учрежденія* сошедшихся раждается. Слѣдственно и *начало* его *отЪ установленія* происходитЪ. ИзЪ сего выводятся два рода обществЪ: одно естественное, какЪ то: *отческое* и *дисnотическое*, другое же *учрежденное*, *политическимЪ* называемое, вЪ первомЪ *господинЪ* пріобрѣтаетЪ себѣ *подданныхЪ* по своей волѣ, во второмЪ же *подданные* сЪ общаго согласія вручаютЪ верьховную власть *единому лицу* или *совѣту*. И такЪ слѣдуетЪ теперь сказать во первыхЪ *о обществѣ учрежденномЪ*, по томЪ же *о естественномЪ*.

Глава шестая.

О правѣ единаго лица или совѣта, въ обществѣ верьховнымъ правителемъ избраннаго.

1. Во первыхъ должно разсмотрѣть народное [своевольно въ единое общество собравшееся] *множество.** То есть, что оно не единственность нѣкую, но множество людей, собственную вольность, и о всякомъ предложеніи, собственное разсужденіе имѣющихъ, представляетъ. И ежели по силѣ особенныхъ договоровъ каждый человѣкъ своимъ *правомъ* и своею *собственностію* пользуется такъ, что одинъ *то*, другой *иное своимъ* называетъ, то не останется никакого удѣла, который бы все оное множество, какъ лице отъ частнаго человѣка отдѣленное, *себѣ* принадлежащимъ считало. А при томъ нѣтъ ни единаго дѣйствія, которое бы оному *собственнымъ* приписать было возможно. Пусть согласятся о какомъ либо дѣлѣ всѣ, или многіе онаго члены, но и сіе ихъ согласіе не составитъ дѣйствія, по чему столько же будетъ дѣйствій, сколько особъ на оныя согласныхъ. Ибо во время междуусобія хотя и говорятъ, что *такой та народъ* принялъ оружіе, однако сіи слова означаютъ однихъ бунтовщиковъ и ихъ союзниковъ по тому, что *общество* есть единое лице, а слѣдственно и брань творить само противу себя не можетъ. И такъ всякое множествомъ произведенное дѣйствіе приписать должно каждому лицу, во ономъ пребывающему, изключая тѣхъ,

тѣхъ, кои не токмо вспоможенія, но и согласія своего на оное дѣло не подавали. Сверьхъ того во множествѣ, единаго лица по вышеписанному учрежденію еще не составляющемъ, пребываетъ *естественное состояніе*, никакихъ границъ, роду человѣческому, еще, не опредѣляющее и ни какого въ немъ *моего* и *твоего*, то есть, *господствованія* и *собственности* не находится, по тому что тамъ не возставлена еще безопасность, къ соблюденію *естественныхъ законовъ* потребная, о которой вышше, упоминаемо было.

2. По томъ разсудить должно, что всякій человѣкъ, во множествѣ, [коимъ учрежденія обществъ началось,] пребывающій, для основанія общества долженъ съ протчими согласиться въ томъ, чтобъ большинство голосовъ во всякомъ дѣлѣ общественную волю составляло. Ибо отъ множества людей, въ мысляхъ и желаніи великое несходствіе имѣющихъ, единогласнаго опредѣленія ожидать не возможно. По заключеніи же договора, хотя и воспротивится нѣкто большинствомъ одобренному учрежденію, однакожъ своимъ сопротивленіемъ не попрепятствуетъ протчимъ составить вышеписаннаго общества, которое противу его, какъ общаго непріятеля перьвобытное свое право, то есть, *право брани* удерживаетъ.

3. Что къ человѣческой безопасности не согласіе токмо но и повиновеніе [въ разсужденіи предмѣтовъ до мира и защищенія принадлежащихъ] потребно и что въ соединеніи, или повиновеніи семъ существо *общества* заключается, предшедшія главы въ 6 статьѣ было показано. Теперь же слѣдуетъ разсмотрѣть, которыя изъ разсматриваемыхъ народнымъ собраніемъ [въ большинствѣ голосовъ общую волю

заключающимъ] предложеній для тишины и единодушнаго защищенія полезны? Во перьвыхъ, общая *тишина* каждому требуетъ такого защищенія, которое бы безопасную ему жизнь доставило, то есть, чтобъ каждый человѣкъ ни кому вреда не дѣлающій, не имѣлъ справедливой причины другихъ опасаться. Правда, что сохранить человѣческій родъ, съ пресѣченіемъ взаимнаго поврежденія и смертоубивства, совсѣмъ не возможно. А слѣдственно о таковыхъ средствахъ и разсуждать не для чего, но чтобъ не имѣлъ онъ справедливой ко опасенію причины, сіе предусматривать всеконечно должно. Ибо безопасность есть самый тотъ конецъ, для коего мы правителямъ повинуемся. И такъ при недостаткѣ оныя, пресѣклось бы повиновеніе, и право самопроизвольнаго защищенія ни кто изъ смертныхъ не уступилъ бы. Да и не прежде приступитъ онъ къ самому обязательству, или отъ права на всѣ вещи и дѣйствія откажется, пока предуготованной для себя безопасности не узритъ.

4. Хотя же народъ для возстановленія своей безопасности собравшійся, и утвердитъ между собою договоръ въ томъ, чтобъ ни кому *пороества* и *смертоубивства* не дѣлать, но отъ таковаго утвержденія никакія пользы не воспослѣдуетъ. Понеже испорченность человѣческихъ разсужденій, и невозможность безъ наказанія возбудитъ ихъ ко исполненію своея должности, всякому довольно извѣстна. По чему безопасность не обязательствомъ, но наказаніемъ промыслить должно. И такъ ежели ко всякому преступленію такое присоединено будетъ наказаніе, которое дѣйствительно удостовѣритъ, что всегда большее зло отъ нарушенія, нежели отъ исполненія

ненїя законовъ воспослѣдуетъ, въ такомъ случаѣ и самую безопасность довольно утвержденною почесть должно, по тому наиболѣе, что люди по естественной необходимости всегда *ощутительное добро*, для себя избираютъ.

5. Опредѣлять наказаніе имѣетъ право то лице, коему прочїе, сообщество составляющіе, обѣщались, не укрывать отъ его власти, всякаго истязанїю подлежащаго человѣка. [*право* сїе, назову я *мечемъ правосудія*] Сїе же обѣщаніе всякїй наблюдаетъ твердо до тѣхъ поръ, пока самъ, или сродники его таковой не будутъ подвержены участи.

6. И какъ для безопасности каждаго, а по сему и для общїя тишины право *обладанїя мечемъ* или опредѣленїя наказанїй *по необходимости* должно возложить на единое *лице*, или *собранїе*; слѣдовательно разумѣть должно, что лице или собраніе то, по необходимости въ обществѣ правильно *перьховное правленїе* имѣетъ. Ибо всякое лице, наказанїя въ немъ по своему произволенїю опредѣляющее, ко исполненїю своихъ желанїй, прочихъ правильно можетъ принудить. Болѣе же сея власти человѣчество вымыслить не можетъ.

7. Однакожъ взаимное соблюденїе мира не принесетъ ни какїя пользы обществу, отъ внѣшнихъ непрїятелей защититься немогущему. Да и возможно ли воспротивиться ему тогда, когда въ готовности соединенныхъ силъ не имѣетъ? И такъ для общаго сохраненїя потребно опредѣлить такое *лице*, или *собранїе*, которое бы во время предстоящїя опасности не токмо собрать, соединить и вооружить столько гражданъ, сколько по невѣденїю

непріятельскихъ силъ къ общему защищенію нужно, но и миръ заключить по своему благоусмотрѣнію право бы имѣло. Изъ чего явствуетъ, что каждый гражданинъ *право войны* и *мира* долженъ не отмѣнно препоручить единому *лицу* или *собранію*, а при томъ тому же,[право сіе *мечемъ брани* я называю] которому врученъ мечь правосудія. Ибо къ воспріятію оружія и снесенію вещей, для продолженія брани потребныхъ, принудить можетъ то лице, которое за преслушаніе наказать, право имѣетъ. И такъ съ *верьховнымъ правленіемъ*, *по самому установленію обществъ* и *существенно соединенъ мечь брани* и *правосудія*.

8. А понеже *право меча* состоитъ во употребленіи его по своему произволенію, слѣдовательно и разсужденіе о правильномъ онаго употребленіи къ тому же лицу относится. Ибо естьли бы власть повелительная и исполнительная отъ разныхъ особъ зависѣли, въ такомъ случаѣ никакого предпріятія въ дѣйствіе произвесть было бы не возможно, тѣмъ наипаче, что разсужденіе безъ исполненія не дѣйствительно. Но хотя бы оное и въ дѣйство было произведено посредствомъ могущества другаго лица, однакожъ разумѣть должно, что правомъ меча, уполномоченъ послѣдній, первый же будетъ исполнителемъ токмо его произволенія. И такъ всѣ разсужденія относятся къ лицу правомъ меча, то есть, верьховною въ обществѣ властію уполномоченному.

9. Когда для поспѣшествованія общаго благоденствія полезнѣе несогласія предупреждать, нежели укрощать произшедшія. Произсходятъ же оныя отъ различія человѣческихъ мнѣній о *моемъ* и *твоемъ*

твоемъ справедливомъ и *неправедномъ*, *полезномъ* и *вредномъ*, о *благѣ* и *злѣ*, *честномъ* и *безчестномъ* и симъ подобныхъ предмѣтахъ, которыя каждый человѣкъ собственнымъ вѣситъ разсужденіемъ; слѣдственно тотъ же верьховный правитель долженъ предписать и всенародно обьявить общїя правила, изъ коихъ бы всякїй гражданинъ выразумѣть могъ, что *собственностїю*, *справедливостїю* и *неправдою*, *честностїю* и *бесчестїемъ*, *благомъ* и *зломъ* именуется. Словомъ сказать, чего во обще житїи убѣгать, и что дѣлать должно. Правила же оныя гражданскими, или отъ общества изданными законами названы по тому, что содержатъ въ себѣ повелѣнїя верьховнаго правителя. И такъ *гражданскїе законы* суть *верьховныхъ правителей повелѣнїя*, съ *коими прочїе*, *въ обществѣ пребывающїе люди*, *сообразовать нравы свои долженствуютъ*.

10. Сверьхъ того, понеже общественныхъ дѣлъ, до *мира* и *войны* принадлежащихъ *единому лицу*, или *собранїю*, безъ *подчиненныхъ властей* и *правительствъ* исполнить не возможно, къ сохраненїю же мира и твердому защищенїю потребно, дабы своему званїю, самымъ опытомъ соотвѣтствовали тѣ, которымъ о сохраненїи правосудїя, о примѣчанїи предпрїятїй, порубежныхъ государствъ, о благоразумномъ разположенїи воинскихъ подвиговъ, и о наблюденїи общїя пользы должно имѣть попеченїе; слѣдственно и избранїе оныхъ властей должно зависѣть отъ того, кто въ *мирѣ* и на *войнѣ* *верьховное* имѣетъ *правленїе*.

11. Извѣстно такожде и то, что всѣ самопроизвольныя дѣйствїя отъ воли, воля же оными

управляющая произходитъ и необходимо зависитъ, отъ вліяннаго намъ о *благѣ и злѣ*, *награждени* и *наказанiи* ученія, посредствомъ котораго заключаемъ, чему отъ какого дѣйствія, или упущенія послѣдовать должно. По чему отъ всякаго человѣка ожидать должно такихъ плодовъ, каковы были посѣяны. И такъ ко утвержденію общаго благоденствія потребно уничтожить всѣ тѣ ученія, которыя подаютъ поводъ думать, что гражданскимъ законамъ, то есть, *указамъ* отъ верьховнаго правителя изданнымъ, правильно не должно повиноваться, что дозволено оному *правителю* противиться, или что большее нѣкогда предстоитъ наказаніе отъ повиновенія, нежели отъ ослушанія. Ибо ежели одинъ повелѣваетъ нѣчто сдѣлать подъ опасеніемъ смерти естественныя, другой же напротивъ того запрещаетъ оное *творить*, угрожая вѣчною смертію, оба же завѣщаютъ сіе правильно; въ такомъ случаѣ послѣдуетъ, что не граждане токмо, да еще и невинные, подвержены будутъ наказанію, но и самое общество совсѣмъ уничтожится. Потому наипаче, что двумъ господамъ ни кто служить не можетъ, и что тотъ властелинъ, которому подъ опасеніемъ вѣчнаго наказанія, должно повиноваться, могущественнѣе господина, къ послушанію, временною смертію, приводящаго. И такъ единое лице или собраніе въ обществѣ верьховнымъ правленіемъ уполномоченное, имѣетъ право уничтожить всѣ ученія общему по его мнѣнію, благоденствію противныя.

12. На конецъ, когда каждый гражданинъ покорилъ волю свою произволенію верьховнаго правителя столь твердо, что собственными противу его силами дѣйствовать не можетъ, слѣдуетъ изъ того

что

что всѣ онаго дѣйствія не подлежатъ ни какому наказанію. Ибо какъ естественно ни кто не можетъ преодолѣть своего соперника, большими силами одареннаго, такъ и по праву неимѣющій довольныхъ къ наказанію силъ, по ономужъ наказать не можетъ.

13. Изъ вышеписанныхъ положеній довольно явствуетъ, что во всякомъ совершенномъ обществѣ [въ коемъ ни единъ членъ не имѣетъ *права* употреблять собственныя силы по своему произволенію, или въ которомъ право *частнаго меча*, совсѣмъ уничтожено] уполномоченъ нѣкто *верьховною властію*, которыя болѣе отъискать и правильно уступить человѣческій родъ не можетъ. По чему самое наибольшее человѣческихъ правъ на одну особу перенесеніе * *властію совершенною* называется. Ибо когда частный человѣкъ покорилъ волю свою произволенію другаго не требуя при томъ отъ онаго въ дѣлахъ отчета, дозволяя *издавать законы*, *рѣшить пренія*, *наказывать*, *общими силами и стяжаніемъ располагать по своему благоусмотрѣнію*, да еще все сіе отправлять по праву, въ такомъ случаѣ разумѣть должно, что уступилъ ему изъ всѣхъ возможныхъ властей самую *могущественнѣйшую*. Въ чемъ увѣряютъ насъ самымъ опытомъ древнихъ и нынѣ пребывающихъ государствъ состоянія. А хотя и усумнится нѣкто о *верьховной власти*, не вѣдая *лица* или *собранія*, оною уполномоченнаго, но отъ сего сомнѣнія не можетъ оной воспослѣдовать препятствія, или совершеннаго уничтоженія, ежели во ономъ сомнѣніе, возмущеніе и междоусобная брань не участвуютъ. Ибо въ семъ токмо случаѣ единая верьховная власть дѣлится на два главныя правленія.

Но при томъ и самые бунтовщики, противъ совершенныя власти возстающіе, не о изтребленіи оныя, но о перенесеніи на другое лице стараются. Понеже со изтребленіемъ ея разрушится общество и неустройство паки возродится. Съ неограниченнымъ верьховнаго правителя правомъ соединяется такое подданныхъ послушаніе, какое ко управленію общества, необходимо потребно, то есть, чтобъ право оное не напрасно было уступлено. И сіе послушаніе, по елику есть самый высочайшій степень покорности, *простымъ послушаніемъ* наименовано. При томъ же данное, о соблюденіи онаго, обязательство, происходитъ не непосредственно изъ того договора, по которому мы право свое уступили обществу, но посредственно, а имянно изъ того, что право повелительства, безъ послушанія ни малѣйшія силы, а слѣдственно и сообщество ни какого основанія не имѣютъ. Инное значитъ выговорить такъ: *я даю тебѣ право повелѣвать мною по своему произволенію*, инное же: *что ты ни повелишь, исполнить обѣщаюсь.* Ибо случается иногда такое повелѣніе, которому, хотя и съ потеряніемъ своея жизни, принужденъ будетъ человѣкъ воспротивиться. И по истиннѣ ежели онъ на самоубивство не можетъ согласиться, то подумаетъ ли къ такому приступить дѣйствію, которое для него самыя смерти ужаснѣе? Пусть будетъ повелѣно мнѣ лишиться жизни, но я такому повелѣнію повиноваться не обязанъ, по тому наиболѣе, что сіе преслушаніе ни какого верховной власти умаленія не дѣлаетъ, когда и ко исполненію онаго многіе приступить не отрекутся, и я не уничтожаю того послушанія, которое соблюсти обѣщался. Равнымъ образомъ подданный не обязанъ послушаніемъ верьховному правителю тогда

когда

когда онъ себя, какъ лице всѣми управляющее, умерщвить ему укажетъ; ибо подразумѣвается тутъ, что ни единъ въ сообществѣ пребывающій человѣкъ таковаго повелѣнія исполнить не обѣщался. Не обязанъ такъ же ни кто отьять жизни у родителя, невинного, или виновнаго и правильно осужденнаго, когда находится много такихъ людей, которые къ оному дѣйствію по повелѣнію приступить не отрекутся; а при томъ и сынъ, таковымъ позорищемъ угнѣтаемый, лутче согласится умереть, нежели существовать бесчестнымъ и ненавидимымъ человѣкомъ. Много есть и другихъ случаевъ, въ которыхъ повелѣніямъ, отъ верьховныя власти исходящимъ, иный можетъ удовлетворить съ похвалою, иный же съ нанесеніемъ себѣ безчестія: слѣдственно отъ первыхъ послушаніе, отъ другихъ же правильное отрицаніе родиться можетъ; а все сіе воспослѣдуетъ безъ наималѣйшаго уменьшенія совершеннаго права, преданнаго правителю; по тому, что не отъемлется у него власти ко умерщвленію всѣхъ, его повелѣніямъ не повинующихся. Въ прочемъ всѣ тѣ, которые такимъ образомъ убиваютъ, хотя и по данному праву отъ того, кто оное имѣетъ: однакожъ употребляя то право противно благоразумію, грѣшатъ противу естественныхъ законовъ, то есть противу Бога.

14. Ни кто не можетъ ни дать себѣ какую либо вещь, по тому, что онъ уже ея стяжаетъ, ни самому себѣ обязаться. Ибо какъ *обязующаго* и *обязаннаго* одно и то же самое лице составляетъ, а *обязующій* можетъ *обязаннаго* свободить отъ даннаго обѣщанія: слѣдственно и обязательство самому себѣ учиненное, будетъ тщетнымъ, по тому, что таковый обязавшійся можетъ уничтожить оное по своему произволенію; а кто все сіе исполнить въ силахъ, тотъ уже самымъ дѣломъ есть свободенъ. Изъ сего

явству

являствуетъ, что общество *гражданскими законами* не можетъ быть ограничено для того, что они имѣютъ свое начало отъ гражданства, которое есть ли бы онымъ ограничилося, ограничилося бы самимъ собою. Не можетъ такъ же оно обѣщаться и частному человѣку по той причинѣ, что сіе данное имъ обязательство можетъ оно уничтожить по своему желанію: и какъ ему не уничтожить его тогда, когда онъ долженъ желать того, что обществу угодно? (ибо произволеніе каждаго гражданина въ волѣ общества содержится.) И какъ воля *совѣта*, или *единаго лица, верьховнымъ правленіемъ* уполномоченнаго, есть воля самого общества; слѣдственно и объемлетъ она всѣхъ гражданъ произволеніе. А посему *верьховный совѣтъ*, или *правитель ни гражданскими законами*, (ибо сіе значило бы собственной подлежать власти) *ниже единымъ гражданомъ ограниченъ быть не можетъ*; потому, что ограничиться оному законами, есть не что инное, какъ покорить себя собственной своей власти.

15. Но какъ по вышеприведенному доказательству, до установленія обществъ, господствовало *право всѣхъ на вся*, и ни единъ человѣкъ не могъ никакой вещи назвать *своего* такъ, чтобъ другіе совсемъ не имѣлъ равнаго же на оную *права*: (ибо тамъ, гдѣ всѣ вещи общему подлежатъ владѣнію, ни чего каждому собственнаго имѣть невозможно,) слѣдственно *собственность* начало свое восприяла вмѣстѣ съ * обществами, и каждый собственнымъ стяжаніемъ называетъ то, чѣмъ по предписанію законовъ и по могуществу общества, то есть, по опредѣленію верьховнаго правителя, владѣть кому указано. Изъ сего и видно, что каждый гражданинъ пользуется такою *собственностію*, на которую никто

кто изъ сограждан его права не имѣетъ; для того, что они одними и тѣми же законами управляемы бываютъ. При всемъ томъ нѣтъ у нихъ ни единыя вещи, независимой отъ власти верьховнаго повелителя, котораго повелѣнія составляютъ законы, въ коего волѣ заключаются произволенія всѣхъ граждан, и который отъ каждаго избранъ и поставленъ верьховнымъ судіею. А хотя много есть и такого, что общество позволяетъ своимъ гражданамъ, по чему иногда законами можно оградиться и противу верьховныхъ правителей: однакожъ таковое дѣйствіе не относится къ праву гражданскому, но токмо къ естественной справедливости: Ниже разсуждается о томъ, сколь далеко могущество верьховныхъ правителей по праву простирается; но спрашивается токмо, желалъ ли онъ установить извѣстное нѣкое дѣйствіе; слѣдовательно и судья онъ будетъ самъ, такъ, какъ бы познавъ справедливость, немогъ уже разсуждать не праведно.

16. *Воровство, смертоубивство прелюбодѣяніе*, словомъ сказать: *всякое дѣйствіе, съ обидою соединенное, естественными законами не дозволено.* Въ прочемъ что *воровствомъ, смертоубивствомъ, прелюбодѣяніемъ*, и наконецъ обидою въ гражданинѣ называется, сіе не естественному, но гражданскому закону опредѣлять слѣдуетъ; ибо не всякое унесеніе вещи, другимъ употребляемой, но токмо собственно ему не принадлежащей, *воровствомъ* именуется. Что же чрезъ собственное и стороннее гражданину разумѣть должно, сіе рѣшитъ законъ гражданскій Также не всякое *человѣкоубивство* преступленіемъ, а *соитіе прелюбодѣяніемъ* называется, но токмо гражданскими законами не дозволенныя. Наконецъ гдѣ договоры заключать позволено, тамъ и нарушеніе оныхъ бываетъ обидою; гдѣ же оныя

по праву не дѣйствительны, тамъ ни какого права упустить, а изъ того нималѣйшія *обиды* послѣдовать не можетъ, (какъ 2 главы, въ 17 статьѣ показано.) А о чемъ именно договоры заключать и не заключать должно, сіе учрежденіе относится къ законамъ гражданскимъ. По чему справедливо есть установленное въ Лакедемонской республикѣ узаконеніе, по которому всякой юноша, при хищеніи какія либо другому принадлежащей вещи не пойманный, ни какому наказанію подверженъ не былъ; ибо надлежало токмо издать законъ о наименованіи тѣхъ вещей собственностію, кои вышеписанною хитростію у ближняго отняты. Такожде *человѣкоубийство*, на брани, или во время защищенія собственныя жизни учиненное, ни гдѣ въ преступленіе не вмѣняется; равномѣрно и *сонтіе* въ единомъ обществѣ *супружествомъ*, а въ другомъ *прелюбодѣяніемъ* именуется; сверьхъ сего тѣ же самыя обязательства единаго гражданина *супружество* утверждающія, не утверждаютъ *супружество* другаго, хотя и въ единомъ обществѣ съ перьвымъ пребывающаго; потому, что каждый человѣкъ обществомъ, то есть, верьховнымъ совѣтомъ, или правителемъ отъ вступленія въ какой либо договоръ удерживаемый, не имѣетъ права приступить къ совершенію онаго. По чему самый договоръ безсиленъ, а слѣдственно и *супружество* не дѣйствительно. Кому же напротивъ того въ означенный договоръ общество вступить не возбраняетъ, потого самый договоръ и супружество въ своей силѣ остается: а при томъ вѣдать должно, что не позволенные договоры, хотя съ клятвою, * или при совершеніи таинства заключенные, нималѣйшаго одобренія не получаютъ; ибо сіи обряды ни мало ко утвержденію оныхъ не способствуютъ, по приведеннымъ 2 главы, въ

22

22 статьѣ, причинамъ. И такъ что *воровствомъ*, *человѣкоубивствомъ*, *прелюбодѣянїемъ* и вообще *обидою* вмянуется, познаетъ человѣкъ изъ законовъ гражданскихъ, то есть, изъ указовъ, верьховнымъ правителемъ изданныхъ.

17. Большая часть людей, *верьховное правленїе* и *совершенное могущество* несноснымъ признаетъ до того, что и самыя обнаженныя сїи имена ненавидитъ. А сїе предразсужденїе произходитъ болѣе отъ невѣденїя человѣческихъ склонностей и естественыхъ законовъ; отъ части же отъ погрѣшностей тѣхъ особъ, которыя прїявъ верьховное правленїе, данную имъ власть для удовлетворенїя собственныхъ страстей, во зло употребляютъ. Во избѣжанїе сея *высочайшїя власти*, нѣкоторые изъ нихъ, ко утвержденїю правильнаго сообщества желаютъ, чтобъ всѣ для общежитїя сшедшїеся, на предложенныя извѣстныя статьи, разсмотрѣнныя и одобренныя собранїемъ согласились, повелѣли бы наблюдать оныя, налагая на преступниковъ предписанныя въ реченныхъ статьяхъ наказанїя. Для общественныхъ же нуждъ и для сопротивленїя внѣшнимъ непрїятелямъ назначили бы извѣстные и ограниченные доходы на такомъ основанїи, чтобъ во время недостатка приступить къ новому объ оныхъ положенїю. Но и въ обществѣ по сему чертежу расположенномъ, *совершенную власть* удерживаетъ при себѣ *собранїе*, всѣ учрежденїя преднаписующее. И такъ ежели оное собранїе пребываетъ, или отъ времени до времени въ извѣстный день и назначенномъ мѣстѣ присудствуетъ, то уже и власть оная непремѣнно при немъ остается. Ежели же оное со всѣмъ уничтожится, то или уничтожится вмѣстѣ съ нимъ общество, и къ перьво-

бытному

бытному *состоянію брани* возвратится, или присоединится къ кому либо могущество наказывать преступниковъ закона, не взирая ни на лице, ниже на число оныхъ; а сего дѣйствія безъ *совершенныя власти* учинить не возможно. Ибо человѣкъ, получивъ правильно столько силъ, сколько ко укрощенію и самаго наибольшаго числа необузданныхъ гражданъ потребно, имѣетъ такое могущество, каковаго сограждане не возмогли болѣе препоручить ему.

18. А изъ сего явствуетъ, что во всякомъ обществѣ находится единъ *человѣкъ*, или совѣтъ такую *власть* надъ прочими имѣющій, какую внѣ гражданскаго состоянія каждый человѣкъ надъ самимъ собою удерживаетъ, то есть, по стеченію общихъ силъ *величайшую*, или *совершенную*, и ни чемъ *неограниченную*. Ибо предписаніе оной предѣловъ происходило бы отъ вышней власти, а слѣдственно и предписующему надлежало бы имѣть большее могущество предъ тѣмъ, который его повелѣніями ограниченъ бываетъ. Слѣдовательно повелѣвающее оное могущество, или безпредѣльно, или еще вышнею властію ограничено, а возводя оное по степенно, на конецъ дойти можно до неограниченнаго, и силы цѣлаго общества въ себѣ заключающаго. Сіе могущество есть не инное что, какъ верьховное правленіе, и ежели оно будетъ возложено на совѣтъ, то оный *верьховнымъ совѣтомъ*, естьли на единое лице, то сіе лице *верьховнымъ повелителемъ* называется. Преимущества же имѣетъ слѣдующія: „издавать и уничтожать законы, опре„дѣлять миръ и брань, рѣшить самому или чрезъ „избранныхъ судей изведанныя распри, учреждать „правительства, и избирать Министровъ и Совѣтни„ковъ.„ На конецъ ежели во обществѣ пребываетъ такой

такой человѣкъ, который можетъ отправлять дѣла, ни каждому особенно, ни всѣмъ во обще гражданамъ, изключая его, непозволенныя; въ такомъ случаѣ имѣетъ онъ верьховное въ немъ правленіе по тому, что всякое дѣйствіе ни единому, ни многимъ гражданамъ правильно непозволенное отъ воли общества зависитъ. И такъ отправляющій оное, уполномоченъ правомъ общественнымъ, которое *верьховнымъ правленіемъ* имянуется.

19. Писатели сравнивающіе общество и гражданъ съ человѣкомъ и его членами, единогласно почти утверждаютъ, что *верьховный правитель* такое имѣетъ отношеніе къ обществу подъ его властію состоящему, какое голова къ цѣлому тѣлу. Въ протчемъ изъ предписанныхъ разсужденій выразумѣть можно, что онъ [*совѣтъ* ли то, или *единый человѣкъ*] обществу, аки душа тѣлу уподобляется. Ибо какъ человѣческое произволеніе, то есть, способность желаніе и отвращеніе, раждающаяся отъ души, такъ и воля, то есть, хотѣніе и нехотѣніе всѣхъ людей, общество составляющихъ, отъ *верьховнаго правителя* зависятъ. Съ головою же пристойнѣе сравнить можно собраніе Совѣтниковъ, или единаго Министра, коего совѣты въ наиважнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ *верьховный правитель* пріемлетъ; а пристойнѣе по тому, что голова подаетъ токмо совѣты, душа же всѣмъ человѣкомъ управляетъ.

20. Ежели *верьховное правленіе* имѣетъ свое основаніе на договорахъ, со гражданами, или подданными, взаимно между собою заключенныхъ, а всѣ договоры, какъ дѣйствія силу свою отъ произволенія людей получившіе, могутъ по согласію тѣхъ же особъ оную потерять, и совсѣмъ уничтожить; то

не скажетъ ли кто, что вышеписанное *правленіе* всеобщимъ подданныхъ согласіемъ, можетъ быть опровергнуто? Отъ сего положенія хотя бы и въ самомъ дѣлѣ справедливаго *верьховнымъ правителямъ* никакой, по моему мнѣнію, опасности правильно воспослѣдовать не можетъ. Понеже предполагается здѣсь взаимное подданныхъ между собою обязательство, которое повинны граждане сохранить и тогда, когда его единый человѣкъ уничтожить пожелаетъ. А при томъ не учиня обиды, никто не можетъ совершить такого дѣйствія, отъ коего отвращеніе имѣть въ заключенномъ договорѣ обязался. И такъ не возможно думать, чтобъ всѣ вообще подданные, противу *верьховныя власти* возстали. А слѣдственно и *уполномоченнымъ особамъ* никакой не предстоитъ опасности тогда, когда они *правильно* своея власти потерять не могутъ. Но ежели совсѣмъ уступить, что *право верьховныхъ правителей* зависитъ отъ единыхъ токмо договоровъ, взаимно между подданными заключенныхъ, то не удобно ли они, посредствомъ сего *права*, лишены быть могутъ, врученныя имъ *власти*, по елику воля подданныхъ, хотя указомъ правительства собранныхъ, или во время смятенія стекающихся, по мнѣнію многихъ, въ согласіи большаго числа людей заключается? Нѣтъ, сіе слѣдствіе совсѣмъ не справедливо по тому, что согласіе большія части, согласіемъ всего общества, не естествомъ признано; а въ смятеніяхъ междоусобныхъ одобрять его совсѣмъ не должно. Оно произтекаетъ изъ учрежденій гражданскихъ, и правильнымъ бываетъ токмо тогда, когда *верьховный совѣтъ*, или *правитель*, созывая гражданъ, во избѣжаніе замѣшательствъ, многолюдствомъ причиняемыхъ, позволяетъ на свои предло-

предложенія голоса подавать, выбраннымЪ для сего токмо особамЪ, сЪ тѣмЪ, чтобЪ согласіе большія оныхЪ части, признать за общую волю. Думать же не возможно, чтобЪ *правитель* оный собралЪ подданныхЪ, для краснорѣчиваго словопрѣнія, о его *правѣ*, ежели обезпокоившись тяжестію правленія, своевольно сложить сЪ себя онаго не пожелаетЪ. Но какЪ многіе, по своему невѣденію, волею всего народа, поставляютЪ согласіе не токмо большія, но и весьма малыя онаго части, собственнымЪ только ихЪ мнѣніямЪ сообразныя; по чему и кажется имЪ, что *верьховную власть* вЪ присудствіи немалаго числа подданныхЪ, большинствомЪ голосовЪ, справедливо уничтожить можно. Хотя она и отЪ договоровЪ, между согражданами, взаимно заключенныхЪ, начало свое воспріяла, однакожЪ не отЪ взаимнаго только подданныхЪ, между собою обязательства право оныя зависитЪ. Подкрѣпляется оно обязательствомЪ, отЪ тѣхЪ же членовЪ *верьховному лицу* учиненнымЪ; а сіе усмотрѣть можно изЪ того, что каждый человѣкЪ обязываяся своему согражданину, такЪ говоритЪ: *я предаю мое право сему человѣку сЪ тѣмЪ, чтобЪ и ты право твое, онаго же власти предалЪ.* По чему все право, по которому человѣкЪ употреблялЪ свои силы на пріобрѣтеніе собственнаго блага, предано единому человѣку, или совѣту, для сохраненія общаго благоденствія. И такЪ по утвержденіи взаимныхЪ между подданными договоровЪ, и по принесеніи личныхЪ правЪ, а сЪ оными и своей покорности правителю, верьховное лице сугубымЪ обязательствомЪ, то есть, между собою и правителемЪ утвержденнымЪ подкрѣпляется. По чему самое наибольшее число гражданЪ, верьховное лице

безъ собственнаго его произволенія, лишить врученныя ему власти правильно не можетъ.

* *

Глава седьмая.

О трояскомъ образѣ гражданскаго правленія, какъ то: ДИМОКРАТІИ, то есть, Народоначаліи, АРИСТОКРАТІИ, или Вельможеначаліи и МОНАРХІИ, то есть, Единоначаліи.

1. О *учрежденномъ обществѣ* вообще, выше сего уже объявлено, слѣдуетъ теперь разсмотрѣть части онаго. Различіе обществъ происходитъ отъ различія особъ, оными управляющихъ. *Верьховное же правленіе* бываетъ препоручаемо, или *единому человѣку*, или *единому совѣту* изъ многихъ лицъ состоящему. Сей же паки *совѣтъ*, или всѣ граждане, [такъ, что каждый имѣетъ право подавать свое мнѣніе, и можетъ по желанію своему, во время разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ всегда присудствовать] или избранные токмо оными люди, то есть вельможи, составляютъ. Изъ чего раждаются три образа гражданскаго правленія. Въ перьвомъ [Народоначаліемъ наименованномъ] всякій гражданинъ имѣетъ право подавать свое мнѣніе. Во второмъ [Вельможеначаліемъ названномъ] верьховную власть удерживаютъ избранные обществомъ граждане или вельможи. Въ третьемъ [Единоначальствѣ] верьховная власть единому лицу бываетъ ввѣрена. По чему въ перьвомъ верьховное

лице

лице *народомъ*, во второмъ *вельможами*, въ третьемъ *Самодержцемъ* названо.

2. А хотя и введены древними политическихъ дѣлъ писателями другіе три образа, симъ противоположенные, какъ то, *Народоначалїю* [Анархія] *безвластїе*, *Вельможеначалїю* [Олигархїя] *Господствованїе избранныхъ*, *Единоначальству же*, *тиранство*; однако не составляютъ они иныхъ трехъ видовъ гражданскаго сожитїя, но токмо три разныя наименованїя, вымышленныя тѣми, коимъ или образъ правленїя, или правители были противны. Ибо, человѣческїй родъ имѣетъ обыкновенїе чрезъ имена означать не вещи токмо, но и собственныя *пристрастїя*, какъ то, *любовь*, *ненависть*, *гнѣвъ* и проч. Изъ чего и воспослѣдовало, что одинъ то же самое общество *народнымъ правленїемъ* другой же *безвластїемъ*, иный *Вельможеначалїемъ*, другой же *избранныхъ господствованїемъ* называетъ; а при томъ и единое лице иный *Царемъ*, иный же *тиранномъ* именуетъ, такъ, что чрезъ сїи наименованїя не три различные *образа сообщества*, но токмо *разныя* подданныхъ о повелителѣ *мнѣнїя* означаются. И во перьвыхъ не всякой ли вѣдаетъ, что *безвластїе* всѣмъ вышеписаннымъ правленїя образамъ противополагается? ибо самая сущность слова сего показываетъ, что въ немъ не учреждено никакого правленїя, то слѣдственно, ниже общества. Но возможно ли быть тому, чтобъ *не общество*, видъ нѣкоего *общества* составляло? Сверьхъ того какое различїе между господствованїемъ нѣкоторыхъ особъ, или *Вельможъ* и *избранныхъ началїемъ*? По истиннѣ никакого, кромѣ различїя самыхъ людей, о единой вещи, разныя мнѣнїя имѣющихъ, изъ чего и произ-

ходитъ, что тѣхъ же самыхъ особъ, иные *похваляютъ*, иные же *охуждаютъ*.

3. Что же *Единоначаліе* и *тиранство* не означаютъ двухъ различныхъ образовъ сообщества, сіе положеніе не весьма способно доказать можно по пристрастію рода человѣческаго, которой хотя желаетъ видѣть общество лутче *единымъ лицемъ*, нежели *многими особами* управляемое, однако и сей родъ правленія почитаетъ недостаточнымъ тогда, когда онъ собственному ихъ умоначертанію не сообразенъ. О разности же между Царемъ и тиранномъ пребывающей, судить должно не по пристрастію, но по внушенію здраваго разума. И во первыхъ различаются они ни великостію своего могущества для того, что *верьховнѣйшее правленіе* есть самый высочайшій степень оныя. Ни тѣмъ, что *одинъ* ограниченную, *другой* же безпредѣленную власть имѣетъ; ограниченное бо лице не *Царя*, но *подданнаго* предписующія особы означаетъ; ниже способомъ пріобрѣтенія. Ибо ежели въ *Народоначаліи*, или въ *Вельможеначаліи* нѣкоторой гражданинъ силою верьховное правленіе себѣ достанетъ, въ такомъ случаѣ, по изъявленіи народнаго на то согласія, *законнымъ Государемъ*: по не изъявленіи же онаго не *тиранномъ*, но *непріятелемъ* его почесть должно. Слѣдовательно не сходствуютъ они въ единыхъ токмо душевныхъ расположеніяхъ, до управленія принадлежащихъ, какъ то, благоразумный правитель *Царемъ*, неблагоразумный же *тиранномъ* именуется. Изъ чего и воспослѣдовало, что подданные *лице*, законно на *верьховную степень* возведенное, называютъ *Государемъ* тогда, когда добропорядочно, по мнѣнію ихъ обществомъ управляетъ. *Тиранномъ*

же

же ежели не справедливо. По чему *Царство* и *тираннія* не составляютъ различныхъ общества состояній, но единое, въ которомъ имя *Царя*, въ знакъ чести, имя же *тиранна* въ знакъ бесчестія правителю приписуется. Всѣ же писанія противу *тираннїи* изданныя, произошли отъ Грековъ и Римлянъ, которые привыкнувъ частію къ *народной*, частію же къ *Сенатской* власти, не токмо *тиранновъ*, но и *Царей* ненавидѣли.

4. Суть еще и такіе, которые утверждая нужность *верьховнаго правленія* во всякомъ обществѣ, говорятъ, ежели оное правленіе зависѣть будетъ отъ власти *единаго человѣка*, или *совѣта*, то неминуемо прочіе граждане рабами ихъ пребудутъ. Для избѣжанія же сего, думаютъ они учредить, нѣкое гражданское состояніе изъ вышеписанныхъ трехъ образовъ *смѣшенное*, однако же ни съ единымъ не сходствующее. И сіе состояніе по превышенію нѣкотораго изъ трехъ образа, иногда *смѣшеннымъ Единоначаліемъ*, иногда *Вельможеначаліемъ*, иногда же *Народоначаліемъ* называется. На примѣръ: ежели бы учрежденіе правительствъ, обьявленіе войны и заключеніе мира отъ *Государя*, судъ и расправа отъ *Вельможъ*, денежные зборы отъ *Народа*, постановленіе же законовъ отъ *всѣхъ* вообще зависѣло; то таковое состояніе *смѣшеннымъ Единоначаліемъ* они бы наименовали. И когда бы могло оное устоять, то нѣчего бы было, болѣе промыслить, къ безопасному человѣческія вольности утвержденію, по тому, что во время всеобщаго согласія такое бы граждане оказывали повиновеніе, каковаго оказать болѣе не возможно. Но во время несогласія онаго возобновляется междоусобная брань [право *частнаго меча*] какъ тяжесть, самаго рабства несноснѣйшая.

По чему таковому *верьховнѣйшія власти* * раздѣленію и быть не возможно, какъ прошедшія главы въ 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12 статьяхъ довольно ясно показано.

5. Но посмотримъ, что при учрежденіи каждаго образа правленія люди дѣлаютъ? Всѣ для утвержденія общества сошедшіеся, при самомъ почти соединеніи, *Народоначаліе* составляютъ. Понеже въ самопроизвольномъ оныхъ собраніи подразумѣвается такое обязательство, по которому повинуются они признать общею волею всѣ положенія, согласіемъ большія части утвержденныя; а сіе при продолженіи собранія, или во время опредѣленія оному извѣстнаго дня и мѣста *Народоначаліемъ* называется. Ибо всякое собраніе, въ коего волѣ всѣхъ гражданъ произволеніе заключается *верьховнымъ правленіемъ* уполномочено. А какъ въ ономъ всякой гражданинъ имѣетъ право подавать свое мнѣніе; слѣдовательно по приведенному въ 1 статьѣ сея главы опредѣленію, оно *Народоначаліемъ* именуется. Когда же граждане разойдутся, собраніе рушится, и новому совѣщанію ни времени, ни мѣста назначено не будетъ, тогда всѣ дѣла приведутся въ *неустройство*, или *безвластіе* соединившіеся же въ первобытное состояніе, то есть, въ состояніе повсемственныя брани возвратятся. Слѣдовательно *народъ* тогда токмо *верьховную властъ* удерживаетъ, когда для общаго собранія опредѣленный день и мѣсто всякому извѣстны. Въ противномъ же случаѣ граждане, или въ разныя времена и мѣста, то есть, на малыя Сеймы или совсѣмъ никуда собираться не будутъ. По чему оное состояніе не означаетъ уже *народъ*, но раздѣленное множество, коему никакого *дѣйствія* и *права* приписать не можно. И такъ ко утвержденію *Народоначалія*

всегдашнее

всегдашнее учрежденіе собраній, и множество голосовЪ потребно. ИзЪ коихЪ первое *народЪ*, второе же *власть* составляютЪ.

6. СверьхЪ того, для удержанія *верьховныя власти* не довольно *народу* знать время и мѢсто собранія, ежели между оными такое положено будетЪ время, вЪ которое воспослѢдовать можетЪ нещастіе, до крайности общество довесть могущее, или ежели употребленія *верьховныя власти* не поручитЪ вЪ свободное отЪ присудствія время *единому человѢку*, или *совѢту*. Ибо безЪ сихЪ учрежденій, не возможно доставить надежныя обороны, и всеобщаго спокойствія. По чему и состояніе, вЪ коемЪ по недостатку безопасности каждый принужденЪ себя защищать по своему произволенію, не можетЪ уже обществомЪ именоваться.

7. *Народоначаліе* составляютЪ договоры не сЪ *народомЪ*, но взаимно между гражданами заключенные. ВѢроятность же сія явственна изЪ того, что всякой договорЪ безЪ присудствія договаривающихся особЪ, заключенЪ быть не можетЪ. А до учрежденія общества, хотя и находилось множество особЪ между собою раздѢленныхЪ, но *народа*, аки бы нѢкоего соединеннаго лица не было. СлѢдовательно между *имЪ и гражданиномЪ* никакого произойти не могло договора. По учрежденіи же его не возможно гражданину сЪ *народомЪ* договариватися, для того, что волею *своего* произволеніе всѢхЪ гражданЪ [ему обязавшихся] обьемлетЪ. СлѢдовательно и заключенный договорЪ можетЪ уничтожить, по своему произволенію. И такЪ онЪ дѢйствительно воленЪ. Второе, что учрежденіе общества, было бы не основательно, естьли бы граждане ни какихЪ обществомЪ изданныхЪ повелѢній исполнять не обязались. А какЪ при учре-

 жденіи

жденіи обществъ, таковые договоры весьма нужны, по вышеписаннымъ же причинамъ не бываютъ они между *гражданиномъ* и *народомъ*; слѣдовательно между гражданами токмо взаимно и заключаются, то есть, чтобъ всякой гражданинъ обязался волю свою сообразовать произволенію большія части *народа* съ тѣмъ, чтобъ и другіе то же самое дѣлать не отрекалися, или какъ бы каждой изъ нихъ говорилъ сіи слова: „ я уступаю мое право *народу*, для твоего „ удовольствія, съ тѣмъ, чтобъ и ты для моего „ удовольствія право свое уступилъ оному же.

8. *Вельможеначаліемъ* происходитъ отъ *Народоначалія*, право свое на нихъ переносящаго. Во время учрежденія онаго, извѣстное число гражданъ, титлами, родомъ, или другими знаками отъ прочихъ отличенное представляется *народу*, и избираемо бываетъ множествомъ голосовъ; избраннымъ же особамъ или *Вельможамъ* предается право цѣлаго народа, или общества, такъ, что собраніе оныхъ правильно при себѣ удерживаетъ то могущество, которое предъ симъ цѣлое общество имѣло. По пренесеніи же *верьховныя* на *Вельможъ власти*, прочіе граждане не могутъ составить народа, въ единомъ лицѣ представляющагося.

9. Какъ *народъ* въ *Народоначаліи*, такъ въ *Вельможеначаліи* собраніе извѣстныхъ *Вельможъ* отъ всякаго обязательства свободно. Ибо граждане, не съ *народомъ*, но взаимно между собою договорами утвердившіеся, всякое народное опредѣленіе; а слѣдственно и перенесеніе права на *Вельможъ* признать за общую волю обязаны. И такъ вышеписанное правительство, хотя и *народомъ* избранное не можетъ быть *народу* обязано по тому, что по возвышеніи онаго, *народъ* раздѣлиться, съ раздѣленіемъ

ніемЪ же уничтожиться власть, которую онЪ [какЪ *лице*] при себѢ удерживалЪ. СЪ разрушеніемЪ же оныя, кончится и данное *лицу* обязательство.

10. *Вельможеначаліе* сЪ *Народоначаліемъ* слѢдующее имѢетЪ сходствіе: первое, что безЪ опредѢленія извѢстнаго времени и мѢста, для засѢданія *правительствующихъ* особЪ, уничтожиться оныхЪ общество, равно какЪ и единое лице; и раздѢленное множество, верьховной власти не подлежащее пребудетЪ. Второе, что долговременное междуприсутствіе не способно кЪ сохраненію верьховныя власти тогда, когда власть оная на единаго гражданина возложена не будетЪ. Причины сему суть тѢ же самые, кои положены вЪ 5 статьѢ.

11. КакЪ *Вельможеначаліе*, такЪ и *Единоначаліе* рождается отЪ могущества *Народа*, правомЪ своимЪ, *верьховною властію единое лице* уполномочивающаго; разумѢть также должно, что и вЪ семЪ образѢ правленія единЪ извѢстный *человѣкъ*; именемЪ или иннымЪ какимЪ либо знакомЪ, отЪ прочихЪ отличный, бываетЪ представленЪ народу, который большинствомЪ голосовЪ, свое право на него переноситЪ, такЪ, что одинЪ онЪ силенЪ уже здѢлать все до избранія его отЪ общенароднаго могущества зависѢвшее. По совершеніи сего дѢла представляетЪ уже *народъ не единое лице*, но раздѢленное множество, единственность оную, по важности токмо *верьховныя власти* составившее.

12. *Самодержецъ*, о принятіи верьховныя власти ни какихЪ сЪ народомЪ договоровЪ не заключаетЪ по тому, что пріемлется отЪ *народа*, коего *лице* по вышеписанному доказательству, при самомЪ совершеніи избранія уничтожается, со уничтоженіемЪ же

лица

лица и данное оному обязательство изчезаетъ. И такъ подданные должны *Государю* своему отдавать послушаніе по силѣ тѣхъ договоровъ, которыя о исполненіи всѣхъ народныхъ повелѣній, а слѣдственно и о повиновеніи избранному народомъ *лицу* взаимно между собою постановили.

13. *Единоначальство* съ *Вельможеначаліемъ* и *Народоначаліемъ* не сходствуетъ въ томъ, что въ сихъ для разсужденія и опредѣленія, то есть, для дѣйствительнаго управленія общества извѣстные дни и мѣста потребны, воономъ же всегда и вездѣ разсуждать и опредѣлять можно. *Народу* и *Вельможамъ*, какъ особамъ единства естественнаго не составляющимъ, для отправленія предписанныхъ дѣлъ должно собираться; на противъ того *Государь*, какъ лице по естеству единое, и ко отправленію общественныхъ дѣлъ ближайшее имѣетъ могущество.

14. Понеже въ 7, 9 и 12 сея главы статьяхъ показано, что *верьховные хранители* ни съ единымъ гражданиномъ договоровъ не заключаютъ, слѣдуетъ изъ сего, что они каждому изъ нихъ ни малѣйшія *обиды* нанести не могутъ. Ибо *обида*, по вышеписанному 3 главы, въ 3 статьѣ, опредѣленію, есть нарушеніе договоровъ, гдѣ же ни какихъ договоровъ не предуставлено, тамъ и *обида* воспослѣдовать не можетъ. А хотя правительствующій *народъ*, *Вельможи*, *Государь* и нарушаютъ прочіе естественные законы, разными непристойностями, какъ то, *жестокостію*, *несправедливостію* и прочими *пороками*, однако непристойности сіи во оное стѣсненное и точнѣйшее *обиды* означеніе не входятъ. Въ прочемъ гражданинъ отъ обѣщаннаго *верьховной власти* послушанія отказывающійся, называется *оскорбителемъ величества и народа*, по тому, что и право правителю

вителю уступленное, безъ его согласія, паки себѣ присвояетъ, и обязательство о соблюденіи ко оному послушанія взаимно между согражданами заключенное разрушаетъ. Въ *Народоначаліи* или *Вельможеначаліи* всякое опредѣленіе нѣкоему *естественному закону* противное, не самому обществу, то есть, лицу гражданскому, но особамъ согласіемъ своихъ мнѣній оное утвердившимъ, въ погрѣшность приписывается. Ибо погрѣшность слѣдуетъ произволенію естественному и изображенному, а не политическому, то есть, искуствомъ произведенному. Естьли же последовала бы сему, то равной бы участи подвержены были и тѣ, коимъ реченное опредѣленіе совсѣмъ неосновательнымъ казалось. Въ *Единоначаліи* же правитель, противу *естественныхъ законовъ* нѣчто опредѣляющій, самолично погрѣшаетъ для того, что въ немъ воля естественная съ гражданскою соединяется.

15. Народъ, *самодержца* надъ собою поставить желающій, можетъ его уполномочить верьховною властію или просто, не назначая времени, или на опредѣленное время. Въ перьвомъ случаѣ избранный удерживаетъ власть на томъ же основаніи, на какомъ оная во время *народнаго правленія* состояла; по чему имѣетъ онъ, такоежъ право въ опредѣленіи себѣ наслѣдника, какимъ *народъ* уполномоченъ былъ при его избраніи, на какомъ условіи *народъ Самодержца* онаго, на томъ же самомъ и онъ другаго *Государя* здѣлать можетъ, такъ что *Государю*, которому просто поручена власть приличествуетъ *право* не только *владѣнія* но и *преемничества*. И онъ по изволенію своему можетъ обьявить по себѣ *наслѣдника*, или *преемника*.

16.

16. Естьли же правленіе, на опредѣленное только время поручено, то уже не на единое токмо уступленіе власти, но еще на нѣкоторыя обстоятельства взирать должно. И во первыхъ при возложеніи на избранную особу оныя, предоставилъ ли себѣ *народъ право* въ опредѣленное время и мѣсто собираться? 2. Ежели же предоставилъ, то не съ тѣмъ ли намѣреніемъ, чтобъ до предписаннаго правителю срока, могъ назначить собраніе? И 3, по позыву ли временнаго онаго правителя хотѣлъ онъ собираться и не иначе? Положимъ, что *народъ* поручилъ *верьховную власть* единому человѣку до его смерти, и приведшій ко окончанію сіе дѣло, каждый онаго членъ оставилъ собраніе, какъ такое мѣсто, въ коемъ о новомъ [по смерти правителя] совѣщаніи, ни какого постановленія не здѣлано. Въ семъ случаѣ въ силу 5 статьи сея главы представляетъ уже онъ не единое *лице*, но раздѣленное множество, въ которомъ каждому человѣку въ разныя времена и мѣста, для совѣщанія ходить, или и верьховную власть похитить, право естественное дозволяетъ. И такъ всякій правитель, верьховную власть на вышеписанныхъ договорахъ пріемлющій, *естественнымъ закономъ* 3 главы, въ 8 статьѣ, *воздавать за благо зла*, не повелѣвающимъ, обязанъ стараться о томъ, чтобъ смертію своею не возпричинствовать разрушенію общества, то есть, по усмотрѣнію обстоятельствъ, общему благоденствію способствующихъ. Можетъ онъ или самолично назначить на свое мѣсто наслѣдника, или созвать гражданъ для совѣщанія, о избраніи онаго. А по сему ни чѣмъ онъ *не ограниченъ*, и можетъ располагать наслѣдствомъ по своему произволенію. Положимъ еще, что *народъ* при избраніи *временнаго правителя* условился, по

кончинѣ

кончинѢ его возобновить общее собраніе. ВЪ сихЪ обстоятельствахЪ *верьховная власть* относится паки кЪ *народу*, не по новому гражданскому совѢщанію, но по перьвому праву. Ибо при жизни временнаго правителя *верьховная власть* [какЪ господствованіе] отЪ *народа* зависѢла, а токмо *дѣйствіе* оныя на него возложено было. Но ежели при избраніи *временнаго правителя народЪ* предоставитЪ себѢ вольность собираться вЪ извѢстное время вЪ самое его правленіе, [на семЪ основаніи *Диктаторы* у РимлянЪ опредѢляемы были] то таковаго человѢка, не *Самодержцемъ*, но перьвымЪ вЪ обществѢ членомЪ почитать должно. Да и *народъ* по своему благоусмотрѢнію можетЪ его и до назначеннаго срока вышеписаннаго лишить достоинства; какЪ здѢлалЪ народЪ Римскій, который *Минуцію*, Начальнику конницы, далЪ равную власть сЪ *Квинтомъ Фабіемъ Максимомъ, произведенымъ до того въ Диктаторы*. А причиною сему то, что человѢкЪ, или совѢтЪ имѢющій самое ближайшее и непосредственное могущество кЪ дѢйствію, не можетЪ удержать при себѢ власти, не пользуясь ею дѢйствительно. Ибо *власть есть право, самаго высочайшаго повелительства*. На конецЪ, ежели *народъ* назначивЪ *временнаго правителя*, обѢщается безЪ позволенія его ни какихЪ впредь не начинать совѢщаній, вЪ такомЪ случаѢ онЪ совсѢмЪ разрушится; правитель же неограниченную власть получитЪ, ибо безЪ его воли не могутЪ уже граждане перьваго образа правленія возставить. А хотя и самЪ онЪ обѢщаетЪ созывать гражданЪ вЪ извѢстное нѢкое время, но сіе будетЪ безполезно, по тому, что безЪ воли его не можно составить *лица*, вышеписанныя обѢщанія принять могущаго. Четыре примѢра, о избраніи *народомъ*

временнаго

временнаго правителя, вышеприведенные чрезъ сравненіе съ *неограниченнымъ начальникомъ*, ни какого преемника не имѣющимъ, яснѣе истолковать можно. Ибо *народъ* такой есть *господинъ* каждаго порознь гражданина, которой можетъ имѣть наслѣдника, собою токмо поставленнаго. Сверьхъ того междусобранія народныя сходствуютъ съ Монаршимъ сномъ по тому, что сіе время въ обѣихъ дѣйствіе власти пресѣкается, а удерживаетъ токмо одно могущество. На послѣдокъ всегдашнее уничтоженіе собранія смертію народною, безконечной же сонъ смертію человѣческою, называется. По чему какъ *Царь* отходящій къ вѣчному сну, то есть, умирающій, по неимѣнію преемника, вручаетъ кому либо верьховную власть до своего возстанія, такъ и *народъ* при *избраніи временнаго правителя*, лишающійся вольности, для собранія потребной, дѣлаетъ его своимъ господиномъ. Какъ Царь, на нѣкое время успокоиться желающій, управленіе государства, для сего на другаго возложенное, можетъ проснувшись взять обратно, такъ и *народъ* по *избраніи временнаго правителя*, удерживающій вольность собираться въ извѣстный день и мѣсто, во время совѣщанія власть свою паки пріемлетъ. Какъ бодрствующій Царь, порученное подданному правленіе, по желанію своему можетъ у него взять обратно, такъ народъ и во время правленія *временнаго Начальника* правильно для совѣщанія собирающійся, можетъ его лишить достоинства по своему благоусмотрѣнію. На конецъ какъ Царь во время отдохновенія на другаго полномочіе свое возлагающій, лишается жизни и государства тогда, когда возстаніе его зависитъ отъ воли уполномоченнаго; такъ и *народъ* поручающій *временному правителю*

власть свою съ тѣмъ, что бъ безъ его дозволенія впредь никакихъ не имѣть совѣщаній, со всѣмъ раздѣлится, и власти оныя безъ согласія избраннаго никогда получить не можетъ.

17. Ежели *Государь* единому, или многимъ подданнымъ *обѣщаетъ* произвесть такое дѣйствіе, которое въ послѣдствіи можетъ попрепятствовать его правленію; въ такомъ случаѣ *обѣщаніе* или *договоръ* сей, хотя и клятвою утвержденный, долженъ остаться безъ всякаго уваженія, по тому, что договоръ есть *перенесеніе права, довольныхъ произволенія знаковъ, отъ уступающаго лица, требующій.* Кто же довольныя произволенія знаки на удержаніе самаго средоточія показываетъ, тотъ ни кому не желаетъ уступить права, и на средства, къ оному средоточію принадлежащія. И такъ ежели обѣщаетъ онъ нѣчто до верьховныя власти принадлежащее, удерживая однако жъ при себѣ оную, то чрезъ сіе ясно показываетъ, чтобъ ни какое обѣщаніе, во удержаніи оныя власти, ему не препятствовало; по чему и уничтожается оно тогда, когда препятствующимъ удержанію верьховныя власти, правителю покажется.

18. Видѣли уже мы гражданъ, по внушенію естества, отдавать верьховной власти, повиновеніе взаимно обязавшихся. Слѣдуетъ теперь показать, какимъ способомъ отъ вышеписаннаго повиновенія могутъ они освободиться. Сіе случается, перьвое: ежели кто право верьховныя власти безъ всякаго перенесенія оставитъ; ибо все безъ наималѣйшаго учрежденія пребывающее повсемственному подлежитъ присвоенію, по чему и гражданинъ, въ таковыхъ обстоятельствахъ находящійся, по праву естественному, о сохраненіи своемъ пещися можетъ, по

собственному своему благоусмотрѣнію. Второе, въ случаѣ покоренія общества власти такого непріятеля, которому противиться никакъ не возможно, управляющее до сего лице, верьховныя власти лишается, по тому, что граждане всѣ силы, на отраженіе непріятеля употребявшіе, исполнили договоры о учиненіи верьховной власти послушанія, взаимно между собою заключенныя, и что послѣ того побѣжденные для избѣжанія смерти содѣлать обѣщалась, о соблюденіи того и стараться уже имъ слѣдуетъ. Третіе, ежели въ единоначаліи никакого наслѣдника не останется, граждане отъ данныхъ обязательствъ свободны; ибо ни кто не обязанъ сохранить послушанія, не вѣдая лица, оное пріемлющаго, для того, что таковое дѣйствіе со всѣмъ не возможно. Чрезъ сіи три способа свобождаются люди отъ обязанности гражданскія и въ вольность первобытную; то есть, естественную и животнымъ сродную [состояніе бо естественное къ гражданскому, то есть, вольность къ покорности такое же имѣетъ отношеніе, какое страсти къ благоразумію и человѣкъ къ скоту] входятъ. Сверьхъ того, всякой гражданинъ правильно можетъ получить свободу отъ произволенія верьховнаго правителя, то есть, ежели перемѣнитъ онъ мѣсто своего пребыванія; а сіе двоякимъ образомъ случается, или по увольненію, когда кто испросивъ позволеніе въ другомъ обществѣ поселяется, или по повелѣнію, какъ то *изгнанный*. Въ обѣихъ сихъ случаяхъ обязуется гражданинъ наблюдать законы послѣдняго общества, по чему и не подлежитъ уже законамъ перьваго.

)o(

ГЛАВА

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

О прапѣ господъ надъ рабами.

1. Въ прошедшихъ двухъ главахъ сказано было о *сообществѣ учрежденномъ*, то есть, согласіемъ множества, взаимными договорами и вѣрностію обязавшагося уставленномъ. Слѣдуетъ теперь предложить о обществѣ естественномъ, которое называется иначе приобрѣтеннымъ по тому, что снискивается могуществомъ и силами естественными: и во перьвыхъ вѣдать должно, какимъ образомъ право господствованія надъ людьми приобрѣсть можно? а гдѣ оно снискано, тамъ уже и основано малое нѣкое царство. Ибо царствовать есть не иное что, какъ господствовать надъ множествомъ лицъ. По чему большое семейство царствомъ, а малое царство, семействомъ называется. Входя въ состояніе естественное, и представляя людей, какъ бы нечаянное изъ земли въ цвѣтѣ своего возраста наподобіе грыбовъ, безъ всякаго между собою обязательства вышедшихъ, нахожу я три способа, посредствомъ которыхъ одинъ надъ другимъ господствованіе приобрѣсть можетъ. Перьвый, ежели люди по желанію своему [для спокойствія и взаимнаго защищенія] нѣкоему человѣку, или собранію, въ подданство предадутся, о которомъ въ прошедшихъ главахъ уже сказано. Вторый, ежели побѣжденный, военноплѣнный, или слабый [для избѣжанія смерти] обѣщается побѣдителю, или сильнѣйшему служить, то есть, исполнять всѣ его повелѣнія. Ѣ

семъ договорѣ благо, побѣжденнымъ или слабымъ получаемое, состоитъ въ дарованіи жизни, коея онъ по праву войны въ состояніи естественномъ могъ бы лишиться. Обѣщанное же побѣдитель благо въ услужности и повиновеніи находиться. И такъ по силѣ сего обѣщанія побѣжденный долженъ побѣдителя услужностію и повиновеніемъ совершеннымъ, лишь бы не противно оно было закону Господню; ибо всякъ обязующійся исполнять чьи либо повиновенія, не вѣдая силы ихъ и содержанія, просто и безъ изъятія всѣ приказанія исполнить долженъ. По чему таковый обязанный *слугою*, обязующій же *господиномъ* называются. О третьемъ же способѣ господствованія, чрезъ рожденіе пріобрѣтаемомъ, въ слѣдующей главѣ будетъ показано.

2. Каждый военноплѣнникъ, жизнь получившій, не можетъ вышеписаннаго съ господиномъ своимъ утвердить договора, по тому, что всякому изъ нихъ не оставляется столько естественной вольности, что бъ могъ онъ по желанію своему уйти, отказаться отъ услугъ; или какой либо вредъ нанести своему господину. А таковые плѣнники хотя и служатъ, но за карауломъ, или заключенные въ оковы; по чему не токмо общимъ именемъ слугами, но еще и частнымъ невольниками называются. Такъ какъ нынѣ слуга, [*Серпитеръ*] служитель, [или *Серпъ*] и невольникъ [*Есклапъ*] со всѣмъ различное означаютъ.

3. И такъ обязательство, рабомъ господину данное, не отъ простаго дарованія жизни, но отъ не притѣсненнаго содержанія произходитъ, по тому, что раждается оно отъ договора, который безъ довѣренности никогда быть не можетъ; ибо договоръ *есть обѣщаніе того человѣка, коему нѣчто повѣ-*

ряется

ряется; слѣдовательно съ благодѣяніемъ при даровании жизни оказаннымъ соединяется еще господская довѣренность, вольность тѣлесную ему предоставившая. По чему рабъ вышеписанною обязанностію укрѣпленный, ни уйти, ни благодѣтеля своего жизни лишить правильно не можетъ.

4. Невольники напротивъ того въ оковахъ или подъ присмотромъ стражи работающіе, въ вышеписанное о рабахъ опредѣленіе не входятъ; понеже служатъ они не по договору, но по опасенію. По чему ушедшіе, или господина своего умертвившіе противу естественныхъ законовъ не погрѣшаютъ, для того наиболѣе, что и заключающій въ оковы не предвидитъ, чтобъ ихъ другимъ какимъ либо обязательствомъ удержать было возможно.

5. Однако жъ господинъ имѣетъ такое же право на раба свободнаго, какъ и на окованнаго. Онъ, какъ верьховный обѣихъ властелинъ, можетъ сказать о слугѣ, равно какъ и о другой одушевленной, или неодушевленной вещи: *сіе собственно мнѣ принадлежитъ.* По чему все до порабощенія рабу принадлежавшее, принадлежитъ уже его господину, и все рабомъ приобрѣтенное, приобрѣтено ему же. Ибо повелѣвающій человѣкомъ, можетъ повелѣвать и вещами его власти подлежащими. Слѣдовательно рабъ никакой собственности, отъ воли господина независимой, не имѣетъ. Однако жъ по раздѣленію его, достается ему нѣкая собственность, или господствованіе надъ вещами, которыя стяжать, и отъ насилія сораба защищать можетъ онъ на томъ же основаніи, на какомъ гражданамъ отъ сограждан собственность свою защитить правитель повелѣваетъ.

6. А какъ рабъ и всѣ ему принадлежащія вещи зависятъ отъ власти господина; слѣдовательно можетъ онъ право свое на него продать, заложить, или по завѣщанію уступить другому для того, что естественный законъ позволяетъ всякому располагать собственностію по своему произволенію.

7. Сверьхъ того какъ во *учрежденномъ обществѣ* верьховный правитель подданнымъ, такъ и въ естественномъ господинъ рабамъ никакія обиды нанести не можетъ; ибо и сей покорилъ произволеніе свое волѣ своего господина. По чему дѣйствія послѣдняго соединены съ желаніемъ перваго, желающаго же обидѣть никакъ не возможно.

8. Естьли же случится нѣкоему владѣльцу чрезъ плѣненіе, или самопроизвольную покорность, притти въ подданство другаго; въ такомъ случаѣ сей получитъ господствованіе, какъ надъ самимъ владѣльцомъ, такъ и надъ всѣми его рабами. Первому онъ будетъ господиномъ не посредственнымъ, послѣднимъ же верховнымъ по тому, что слуга со всѣмъ своимъ стяжаніемъ, а слѣдственно и съ рабами принадлежитъ своему господину. А хотя первый владѣлецъ и можетъ ими управлять, но всегда съ волею верьховнаго господина сообразуясь. И для того полная власть, которую господа надъ рабами въ сообществахъ удерживаютъ, отъ законовъ естественныхъ начало свое получила, гражданскими же обойдена и не уставлена.

9. Всякій рабъ получаетъ свободу такимъ же образомъ, какъ во учрежденномъ обществѣ подданный вольность. И во первыхъ, естьли господинъ его уволитъ, то есть, право свое уступитъ ему обратно. Сіе дарованіе свободы *отпускною* называется. А имѣетъ оно сходство съ позволеніемъ, которое

даетъ

лаетъ отечество гражданину переселиться въ другое общество. 2, Есть ли господинъ отъ себя его удаляетъ, а сіе въ обществѣ называется *изгнаніемъ*, которое отъ *отпускныя* разнится не самымъ дѣйствіемъ, но образомъ увольненія; ибо хотя въ первомъ случаѣ въ знакъ благодарности, въ послѣднемъ же въ наказаніе свобода уступлена. Однако жъ въ обѣихъ господствованіе уничтожается. 3 Чрезъ плѣненіе изъ перваго подданства переходитъ онъ въ послѣднее по тому, что рабы, равно какъ и прочія вещи во время войны бываютъ приобрѣтаемы. И такъ ежели господа желаютъ удержать при себѣ рабовъ своихъ, то должны ихъ не минуемо отъ таковыхъ предохранить усильствій. 4, По смерти господина, ни завѣщанія, ни наслѣдника не оставившаго, рабъ изъ подданства выходитъ по невѣдѣнію послѣдняго. Наконецъ рабъ въ оковы заключенный, или инымъ способомъ лишенный тѣлесныя вольности, освобождается отъ обязательства, договоромъ утвержденнаго. Понеже и договоръ безъ довѣренности утвердить и не состоящія еще довѣренности нарушить не возможно. Въ прочемъ владѣлецъ, у другаго въ подданствѣ находящійся, не можетъ самъ собою рабамъ своимъ доставить такія свободы, которая бы увольняла ихъ отъ обязанности, верьховному владѣльцу учиненныя. Ибо по вышеприведенному доказательству таковые рабы не ему, но господину его принадлежатъ.

10. Право на животныхъ лишенныхъ разума, снискивается равнымъ же образомъ, то есть, силою и могуществомъ тѣлеснымъ. Ибо ежели въ естественномъ состояніи по причинѣ повсемственныя брани и людей покорять, или еще и убивать, съ приобрѣтеніемъ отъ того нѣкоторыхъ выгодъ, не

возбраняется, то звѣрей ли способныхъ ко укрощенію и человѣческому употребленію, порабощать, прочихъ же, какъ вредительныхъ, безпрестанною бранію гнать и истреблять не будетъ позволено? По чему и господствованіе надъ оными не отъ права Божескаго положительнаго, но отъ права естественнаго начало свое имѣетъ. Ибо когда бы не было такого права до изреченія священнаго писанія, въ такомъ случаѣ никто бъ, изключая мужей, Божіе благоволеніе по откровенію вѣдающихъ, къ закланію для пищи скота приступить не отважился. А по сему бѣдственное бы было состояніе людей, которыхъ звѣри всегда бы могли пожирать, не будучи отъ нихъ никогда пожираемы. Но ежели звѣрь по праву естественному человѣка лишаетъ жизни, то по оному жъ и человѣкъ его убиваетъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О правѣ родительскомъ на дѣтей, или о царствѣ отеческомъ.

1. Сократъ есть человѣкъ. слѣдовательно и животное. Сей договоръ справедливъ и весьма основателенъ, по тому, что для уразумѣнія справедливости послѣдствіе, единое токмо означеніе *человѣкъ* опредѣлить потребно; а въономъ уже опредѣленіи и слово животное содержится. По чему для обьясненія вышеписаннаго предложенія надлежитъ токмо сказать: *Человѣкъ есть животное*. Предложеніе

женіе же: *Сафрониск есть Сократов отец, слѣдовательно и господин* хотя и справедливо, но не весьма явственно, по тому, что во опредѣленіи *отца, господин* не заключается. И так для открытія явственности, соединенныя означенія *отца и господина* истолковать потребно. Писатели, которые господствованіе родительское над дѣтьми утвердить старались, и по сіе время кромѣ рожденія, никаких на сіе доводов не представили, думая, будто бы предложеніе, *все мною рожденное, мнѣ принадлежит*, само чрез себя явственно. Они подобны тѣм, которые начертив треугольник, без всяких доводов углы его двум прямым равняют. Но как господствованіе, то есть, верьховная власть не раздѣльна до того, что рабу двум господам служить никак не возможно; к содѣйствію же рожденія, два лица, то есть, жена и муж стекаются, слѣдовательно не возможно господствованія пріобрѣсть единым рожденіем. И так начало родительскія власти прилѣжнѣе в сей главѣ разсмотрѣть должно.

2. И во первых потребно обратиться к естественному состоянію, в котором по равенству естества, люди в возраст пришедшіе, всѣ между собою равны. Во оном по праву естественному побѣдитель господствует над побѣжденными. По чему и владѣніе над младенцем принадлежит, по оному праву, первѣе лицу, во власти своей при самом рожденіи его имѣющему. Из сего и явствует, что в самом началѣ бытія своего зависит он от власти своей матери, которая воспитать, или без призрѣнія оставить может его по своему произволенію.

3. Ежели онаго воспитаетЪ, то [по елику естественное состояніе, есть состояніе брани] на тотЪ конецЪ употребитЪ она свое о немЪ попеченіе, дабы пришедши вЪ возрастЪ не здѣлался ей непріятелемЪ, то есть, чтобЪ безпрекословно ей повиновался; ибо когда по естественной необходимости всякій человѣкЪ желаетЪ себѣ ощутительнаго блага, то и не возможно думать, что бЪ нѣкто даровалЪ кому либо жизнь, сЪ тѣмЪ, что бЪ облагодѣтельствованный, получа сЪ возрастомЪ силы, правильно могЪ ему сдѣлаться непріятелемЪ; а сіе наименованіе относится вЪ естественномЪ состояніи кЪ тѣмЪ, кои ни повелѣваютЪ другими, ниже сами чьимЪ либо повелѣніемЪ повинуются. По чему всякая родительница и матерью и владѣтельницею своихЪ дѣтей бываетЪ. А хотя полагаютЪ нѣкоторые, будто бы дѣти по преимуществу пола, не матерней, но отеческой подлежатЪ власти; но сіе положеніе не правильно; понеже неравенство естественныхЪ силЪ еще не столь велико, что бы мущина безЪ сопротивленія могЪ приобрѣсти власть надЪ женщиною. СверьхЪ того самое обыкновеніе соотвѣтствуетЪ моему мнѣнію; ибо не вЪ древніе токмо времена Амазонки и брани противу непріятелей лично выдерживали, и своимЪ племянемЪ по своему произволенію располагали, но и нынѣ вЪ нѣкоторыхЪ мѣстахЪ жены верьховною властію уполномочены. А сіи знаменитыя особы участь чадЪ своихЪ не по мужней, но по своей волѣ опредѣляютЪ, и не завися, какЪ выше показано, отЪ законовЪ гражданскихЪ, прямо по законамЪ естественнымЪ оное дѣлаютЪ. Прибавить еще должно и то, что вЪ естественномЪ состояніи безЪ увѣренія матери, отца рожденному узнать не можно. По чему оный

зависитъ отъ избранія матери, а слѣдственно и чадо отъ ея власти. И такъ начальное надъ дѣтьми господствованіе принадлежитъ матери, и плодъ слѣдуетъ чреву какъ у людей, такъ и у прочихъ животныхъ.

4 Отъ матери же преходитъ сіе господствованіе къ другимъ разнообразно: и во первыхъ ежели отступится она отъ своего права, бросивъ свое чадо безъ призрѣнія, то воспитавшій подкидыша, имѣетъ уже надъ нимъ власть матерьнюю; ибо сія данную младенцу жизнь [не по рожденію, но по воспитанію уважаемую] чрезъ вышеписанное дѣйствіе отъемлетъ. По чему и обязательство, отъ дарованія жизни происходящее, изчезаетъ. Воспитателю же своему пришедшій въ возрастъ младенецъ долженъ всѣмъ тѣмъ, чемъ питомецъ матери и слуга господину обязанъ; ибо хотя мать въ состояніи естественномъ и можетъ воспитаннаго своего сына обратно требовать, по принадлежащему ей, какъ и всѣмъ прочимъ, на всѣ вещи праву, однако жъ сынъ правильно ей предаться не можетъ.

5. Второе, рожденный отъ плѣнницы сынъ, принадлежитъ плѣнившему ея, по тому, что господствующій надъ лицемъ имѣетъ власть и надъ вещами оному лицу подлежащими, а слѣдственно и надъ сыномъ, какъ прошедшія главы къ 5 статьѣ показано. 3. Во время пребыванія матери въ какомъ либо сообществѣ, верьховный онаго правитель имѣетъ власть надъ всѣми дѣтьми отъ нея рожденными для того, что сія обязана оному во всемъ повиноваться. 4. Ежели жена соединиться съ мужемъ для общежитія, обязуяся при томъ оному повиновеніемъ, то и рожденный отъ соитія оныхъ младенецъ, отцу, какъ повелителю своей матери при-

принадлежитъ. Но правительница, отъ совокупленія съ подданнымъ, чадородившая полную власть надъ рожденнымъ удерживаетъ по тому, что иначе при благосостояніи своего правленія жена дѣтей имѣть не можетъ. И вообще сказать, ежели изъ сообщества обоего пола особъ воспослѣдуетъ соединеніе, единому лицу надъ другимъ власть доставляющее, то и дѣти отъ сего соединенія рожденныя повелителю принадлежатъ.

6. Въ прочемъ въ естественномъ состояніи отъ двухъ обоего пола лицъ, въ сообщество безъ наималѣйшія другъ отъ друга зависимости вступающихъ, произшедшія дѣти по вышеприведеннымъ причинамъ принадлежатъ матери, ежели объ оныхъ особливаго въ договорахъ постановленія не сдѣлано; ибо всякая мать правамъ своимъ при заключеніи оныхъ можетъ разполагать по своему произволенію. Ежели же между мущиною и женщиною въ обществѣ бываетъ договоръ о сожитіи, то и дѣти произшедшія подлежатъ волѣ отцовской по тому, что во всѣхъ обществахъ, отъ мужей начало свое воспріявшихъ, домашняя власть при мущинахъ находится. И таковый договоръ, по законамъ гражданскимъ заключенный, *супружествомъ* наименованъ. А когда вышеписанныя обоего пола особы соединятся токмо для раздѣленія ложа, дѣти ими произведенныя, по состоянію каждаго общества гражданскихъ законовъ иногда отцу, иногда матери принадлежатъ.

7. И какъ въ силу 3 статьи каждая родительница имѣетъ начальнѣйшее надъ дѣтьми господствованіе, которое по производному праву, отцу и другимъ отъ нея достается; слѣдуетъ изъ того что дѣти воспитателямъ своимъ столько же подвластны, сколько рабы господамъ, или во учрежденномъ обще-

стве

ствѣ поданные верьховному правителю. И по сему воспитатели во все время родительскія надъ оными власти, не могутъ своимъ питомцамъ нималѣйшія сдѣлать обиды; а вольность дѣти получаютъ такимъ же образомъ, какъ рабы и подданные, по тому, что *отдѣленіе* съ *отпускною* и *отчужденіе* *съ изгнаніемъ единое, и то же* самое дѣйствіе означаютъ.

8. Отдѣленный сынъ и отпущенникъ, не столько уже опасаются, начальника семейства отческія и господскія власти лишеннаго, и [говоря о истинномъ и внутреннемъ почтеніи] не столько уже получившіе вольность его почитаютъ. Понеже почтеніе по вышеприведенному опредѣленію отъ мнѣнія о могуществѣ ближняго происходитъ; для чего имѣющему меньшее могущество, меньшее всегда и почтеніе отдается. При всемъ томъ господинъ отпущенника, или отецъ отдѣленнаго сына не съ тѣмъ хотѣлъ увольнить, чтобъ они не ощущая и самаго благодѣянія имъ оказаннаго, во всемъ равное съ нимъ имѣли обращеніе. И такъ получившій вольность слуга ли то, сынъ, или крестьянинъ обязанъ благодѣтелю своему всѣми знаками внѣшняго почтенія, вышнимъ отъ нижнихъ изъявляемаго. Изъ сего слѣдуетъ, что заповѣдь о почитаніи родителей, не по единой токмо благодарности, но и по силѣ договора къ законамъ естественнымъ относится.

9. Но какое, спроситъ кто, между свободнымъ, или гражданиномъ и между рабомъ находится различіе? А сей вопросъ и не удивителенъ, по тому, что я ни въ единомъ писателѣ не нашелъ вольности и рабству опредѣленія. Свободность человѣческихъ дѣйствій, нималѣйшаго наказанія не ожидающая вольностію, несвободность же, рабствомъ просто име-

именуется. Но сего во обществѣ и при благосостояніи рода человѣческаго быть не можетъ по тому, что самое общество безъ власти и права на усмиреніе даннаго въ ничтожество преобращается. И такъ вольность есть отсутствіе причинъ порядочному движенію препятствующихъ. На примѣръ: вода въ сосудѣ заключенная не имѣетъ вольности по тому, что твердость сосуда ея теченіе удерживаетъ; по разбитіи же его первую свободу она получаетъ. И сія вольность по различію пространства, каждому человѣку для обращенія предписаннаго, различныя предѣлы имѣетъ. Какъ то: невольникъ въ обширной темницѣ пребывающій, имѣетъ большую вольность предъ невольникомъ въ тѣсную хижину заключеннымъ. Сверьхъ того хотя и можетъ человѣкъ съ одной стороны быть свободнымъ, но сія свобода съ другой стороны разными ограничена преградами. На примѣръ: путешествующій по пути, будучи воспрепятствованъ поставленнымъ съ обоихъ сторонъ заборомъ или огородомъ, не можетъ измять пашни съ онымъ путемъ смѣжныя. И сіи препятствія суть внѣшнія и совершенныя; есть еще другія, самоизвольными называемыя, которыя не совершенно препятствуютъ движенію, но по случайности. То есть, по нашему избранію, какъ то: плывущій на кораблѣ, не имѣетъ столько препятствія, чтобъ не могъ низвергнуться въ море, ежели собственное произволеніе къ тому влечетъ его; въ таковомъ же состояніи, чѣмъ пространнѣйшими кто двигаться можетъ путями, тѣмъ большею пользуется и вольностію, а въ семъ и состоитъ вольность гражданская; ибо ни единому подданному сыну или рабу, общество отецъ или господинъ, да еще и самый navжесточайшій не положитъ такого наказанія, которое

торое бы воспрепятствовало ему упражняться во всемъ къ сохраненію жизни и здравія его потребномъ. По чему и не нахожу я причины, могущей понудить слугу приносить жалобы на недостатокъ вольности; развѣ бѣдственно человѣку для избѣжанія собственнаго вреда быть ограниченну и потерянную на брани, по несчастію или безразсудности жизнь, съ безбѣднымъ пропитаніемъ, и вещами къ житію и здравію потребными, вторично получить для того, что бы подвергнуться другаго правленію; ибо каждый человѣкъ недопускаемый положеннымъ наказаніемъ до своевольства не рабствомъ угнѣтаемъ, но управляемъ, и воздерживаемъ бываетъ, но то [во всякомъ обществѣ, и семействѣ рабовъ имѣющемъ] свободные граждане, и дѣти имѣютъ преимущество, что и почтеннѣйшія во оныхъ занимаютъ должности, и большее излишнихъ вещей количество имѣютъ, а разлучаются отъ рабовъ тѣмъ, что первые служатъ единому токмо обществу, а другіе еще и своему согражданину. Еще же есть вольность изъятіе отъ законовъ гражданскихъ, но сія для единыхъ помазанныхъ Особъ предоставлена.

10. Начальникъ поколѣнія, дѣти и рабы силою отческія власти во единое гражданское лице совокупленные *семействомъ* наименованы. Сіе семейство, умноженіемъ племяни и приобрѣтеніемъ рабовъ сдѣлавшись многочисленнымъ до того, что безъ неизвѣстнаго брани жребія поработиться не допуститъ, называется царствомъ отеческимъ; а царство оное, какъ силою снисканное, хотя и не сходствуетъ со учрежденнымъ ни началомъ, ни образомъ установленія, однако утвержденное имѣетъ тѣ же самыя свойства, и права власти въ обѣихъ одинаковое находится,

ходится, по чему и не слѣдуетъ о нихъ по рознь имѣть ражзсужденіе.

11. Сказано уже, по какому праву верьховная власть установляется, слѣдуетъ теперь показать право, продолженія власти тоя, правомъ *наслѣдства* именуемое. И какъ въ народоначаліи верьховная власть при народѣ находится, слѣдовательно во все время пребыванія его и остается она при немъ, какъ лицѣ, наслѣдника не имѣющемъ. Равнымъ образомъ и въ началіи избранныхъ по смерти единаго изъ правителей, другій полномочнымъ совѣтомъ на праздное мѣсто избранъ бываетъ; по чему и сей родъ правленія безъ общія избранныхъ смерти, которыя [предполагаю я] никогда быть не можетъ, ни какому не подлежитъ наслѣдству. И такъ вопросъ о правѣ наслѣдства, къ единому токмо совершенному единоначалію относится, по тому, что особы на время верьховною властію уполномоченныя, не какъ Государи, но какъ Намѣстники общества управляютъ.

12. Во перьвыхъ, ежели Монархъ въ завѣщаніи назначитъ себѣ наслѣдника, назначенный по немъ и вступаетъ въ правленіе; ибо онъ какъ лице избранное народомъ, имѣетъ такое же на общество право, какое прежде его избранія народъ при себѣ удерживалъ; по чему и силенъ уже назначить себѣ наслѣдника на томъ же основаніи, на какомъ самъ отъ народа былъ поставленъ. А понеже въ царствѣ отеческомъ, тѣ же самыя права, что и во учрежденномъ, слѣдовательно и Государь онаго можетъ себѣ въ завѣщаніи назначить наслѣдника.

13. Все же завѣщаніемъ на другаго возлагаемое, возлагающій имѣетъ право при жизни своей продать или подарить не возбранно. И такъ всякій

Госу-

Государь чрезъ продажу, или по завѣщанію другому право свое уступающій, поручаетъ ему оное правильно.

14. А хотя ни чрезъ завѣщанія, ниже чрезъ другіе удобные знаки во время жизни, воли своей, о наслѣдникѣ не обьявитъ; разумѣть однако жъ должно, что не желалъ онъ подвергнуть общество безвластію [анархіи] или состоянію брани, то есть: истребленію гражданъ, какъ потому, что не могъ сего учинить безъ нарушенія законовъ естественныхъ, которыми въ нѣдрахъ своея совѣсти обязанъ былъ къ доставленію средствъ, общему благосостоянію поспѣшествующихъ, такъ и для того, что таковыя желанія безпрепятственно могъ бы онъ обьявить всенародно. По томъ, по елику право переходитъ по отческому соизволенію, слѣдовательно и судить о наслѣдникѣ должно, по знакамъ его воли. Воля же оная согласна была болѣе на продолженіе единоначальнаго правленія, нежели на установленіе другаго, по тому, что и самъ онъ еще до своего избранія одобрялъ сіе состояніе, и во время уже царствованія не показалъ намалѣйшаго знака, ко охужденію онаго клонящагося.

15. И какъ смертные доброжелательствуютъ предъ прочими тѣмъ, отъ коихъ славу и почтеніе получить надѣются, а къ доставленію сего титла, ни кто по смерти, столь о усердствовать не может, какъ дѣти. Слѣдуетъ изъ того, что родитель желалъ наслѣдникомъ себѣ избрать болѣе своего сына, нежели кого либо другаго. Почему разумѣть должно, что соизволеніе отца, безъ завѣщанія умершаго клонилось къ тому, чтобъ нѣкто изъ дѣтей его наслѣдникомъ былъ обьявленъ. Но сіе умствованіе основательно тогда, когда противу

стоять не будутЪ другїе яснѢйшїе знаки, какЪ то: одинакїй наслѢдства порядокЪ, многократно уже наблюдаемый, можетЪ перемѢниться вЪ обыкновенїе, а по сему и разумѢется, что умалчивающїй объ наслѢдствѢ Государь, со введеннымЪ вЪ общество обыкновенїемЪ согласенЪ.

16. Мужескїй полЪ предпочитается вЪ наслѢдствѢ женскому. Сей порядокЪ сЪ начала можетЪ быть произшелЪ отЪ того, что мущины по большой части [хотя и не всегда] способнѢйшими были кЪ произведенїю великихЪ дѢлЪ, а особливо кЪ распоряженїю военныхЪ дѢйствїй; а по томЪ перемѢнившись во обыкновенїе, какЪ дѢйствїе сЪ обыкновенїемЪ согласное, былЪ наблюдаемЪ. Почему и понимать должно, что отческое соизволенїе ко одобренїю оныхЪ клонилось, ежели особенное обыкновенїе, или иныя яснѢйшїе знаки сему не воспрепятствуютЪ. ИзЪ дѢтей, какЪ особЪ между собою равныхЪ, по нераздѢлимости верховныя власти, вЪ наслѢдство вступаетЪ старшїй; ибо ежели состоитЪ вЪ возрастѢ нѢкое различїе, старшїй всегда предпочитаемЪ бываетЪ младшимЪ для того, что оный по свидѢтельству естества прочихЪ разумнѢе, другаго же свидѢтеля вЪ семЪ дѢлѢ представить не возможно.

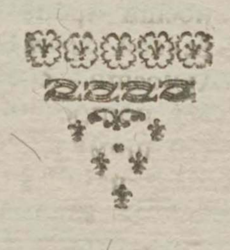
17. Но ежели всѢ братья почтены равными, наслѢдникЪ долженЪ быть избранЪ жребїемЪ. Естественный же жребїй состоитЪ вЪ первородствѢ, которое и отдаетЪ старшему предЪ прочими преимущество, тѢмЪ наипаче, что вЪ обществѢ по смерти Государя нѢтЪ ни единаго члена, который бы могЪ опредѢлить, что симЪ, а не инымЪ жребїемЪ вышеписанное прѣнїе окончать должно. ВЪ прочемЪ при недостаткѢ мужескаго пола, перворожденная

вступаетЪ

вступаетъ въ наслѣдство, по вышеприведеннымъ, для перворожденнаго причинамъ.

18. Естьли же Государь скончается, не оставя по себѣ ни единаго чада, въ такомъ случаѣ власть переходитъ къ братьямъ и сестрамъ по той же причинѣ, которая, о доставленіи наслѣдства дѣтямъ, была показана. Ибо ближайшія по естеству, ближайшими участниками благодѣянія быть долженствуютъ. Получаютъ же власть оную братья передъ сестрами, и старшія предъ младшими, первѣе по тѣмъ же, какъ и дѣти причинамъ.

19. На конецъ наблюдать должно тотъ же порядокъ при полученіи права наслѣдственнаго, которой при вступленіи въ самое наслѣдство наблюдается. И такъ перворожденный при жизни родителя своего умершій, безъ особливыя его воли, своего право наслѣдства переноситъ на дѣтей своихъ; по чему внуки и внучки, ближайшій къ наслѣдству путь, предъ прочими дѣтьми, а своими дядями и тетками имѣютъ. Все сіе, говорю я, и въ самомъ дѣйствіи такимъ же производится порядкомъ, ежели обыкновеніе мѣста, [которое будучи не отвергнуто Государемъ за его волю почитается] оный порядокъ не нарушитъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Сравненіе трехъ образовъ общества порознь, въ разсужденіи неудобствъ, по оныхъ пребывающихъ, или о превосходствѣ единоначальнаго правленія.

1. Что разумѣть должно чрезъ народоначаліе, избранныхъ началіе и единоначаліе, выше сего было объявлено. Которое же изъ сихъ обществъ къ сохраненію гражданскаго спокойствія, и къ доставленію онымъ выгодъ предъ прочими удобнѣе, изъ сравненія оныхъ усмотрѣть должно. Но во первыхъ снесемъ вмѣстѣ недостатки и выгоды, въ гражданскомъ состояніи случающіяся для того, чтобъ не предпочелъ кто либо самопроизвольную каждаго жизнь, установленію общества. И такъ внѣ гражданскаго состоянія, хотя и имѣетъ человѣкъ полную вольность, но со всѣмъ безплодную. Пусть собственная вольность доставляетъ ему свободу поступать по своему произволенію, однако жъ невоспрепятствуетъ, чрезъ сіе сносить ему всякія притѣсненія, отъ произволенія другихъ по той же вольности произходящія. Но во учрежденномъ обществѣ всякой гражданинъ удерживаетъ при себѣ столько вольности, сколько для безбѣдной и спокойной жизни ему потребно. Онъ не страшится своихъ согражданъ по тому, что и у нихъ отъемлется такая же оныя часть, какую ко взаимной согражданъ безопасности отдѣлить должно. Внѣ общества всякой имѣетъ такое на всѣ вещи право, посредствомъ котораго ни чѣмъ дѣйствительно пользо-

пользоваться не можетъ; въ обществѣ же каждый гражданинъ опредѣленнымъ правомъ пользуется не возбранно. Внѣ общества каждый человѣкъ, отъ всего смертныхъ рода, правильно раззоренъ и убитъ быть можетъ; въ обществѣ же отъ единыя токмо особы. Внѣ общества защищается онъ собственными силами, въ обществѣ общими. Внѣ общества плоды отъ трудовъ происходящія, ни кому не извѣстны, въ обществѣ же вѣдомы всякому. На конецъ внѣ общества господствованіе страстей, брань, страхъ, убожество, мерзость, уединеніе, варварство, невѣжество и дикость. Въ сообществѣ же присудствіе благоразумія, тишина, безопасность, богатство, украшенія, изрядство, знаніе и снисходительство обитаютъ.

2. Аристотель въ 6 книгѣ, въ 14 главѣ, Политическихъ своихъ писаній опредѣляетъ два рода правленій, изъ коихъ [говоритъ онъ] одно къ правителевой, другое и къ поданныхъ пользѣ относится, то есть: будто бы жестокое правленіе единъ, кроткое же другой общества образъ составляетъ. Но сего положенія утвердить со всѣмъ не возможно, по тому, что всѣ выгоды и неудобства отъ правленія происходящія и правителю и поданнымъ суть общія. Убытки же гражданина нѣкоему отъ собственнаго несчастія, или незнанія, отъ своея безразсудности, лѣности, или роскоши происходящія, можно отдѣлить отъ убытковъ правителямъ случающихся. Они не принадлежатъ къ тѣмъ неудобствамъ правленія, которыя во всякомъ образѣ общества послѣдовать могутъ. Но тѣ же убытки при самомъ еще учрежденіи общества возродившіеся, хотя и погрѣшности правленія приписанныя раздѣляетъ уже съ подданными правитель такъ, какъ и самыя общественныя выгоды.

 ПервѢйшая

ПервѢйшая и наиглавнѢйшая общественная польза, то есть: миръ и защищеніе, для обѢихъ равно потребны, по тому, что и правитель и подданные на сохраненіе собственныя жизни, всеобщія согражданъ своихъ силы употребляютъ. На противъ того самое наиопаснѢйшее зло, то есть: убивство гражданъ, во обществѢ отъ безвластія [анархіи] послѢдовать могущее, и правителя и подданнаго безъ разбора жизни лишаетъ. Второе, ежели верьховный правитель потребуетъ отъ подданныхъ столь великое число денегъ, что они отдавъ оное, и семейства своего прокормить и тѢлесныхъ силъ сохранить не будутъ въ состояніи; то вредъ сей столько же почувствуетъ первыя, какъ и послѢдній, по тому, что безъ твердости оныхъ тѢлесной, не можетъ онъ, хотя и неизщетными изобилующій богатствами, защитить ни государства своего, ни стяжанія. Но ежели укажетъ снести количество, на общественныя токмо иждивенія потребное, въ такомъ случаѢ, сія подать [какъ для общаго благосостоянія приуготовляемая] и ему и поданнымъ будетъ полезна. Да и возможно ли вообразить, что бъ общественыя сокровища, могли изнурить частнаго человѢка тогда, когда онъ имѢетъ способъ собственными трудами снискать все, ко утвержденію тѢлесныхъ и душевныхъ силъ потребное? Ибо таковое изнуреніе относилось бы къ самому правителю, и произошло бы не отъ худаго основанія общества, [по тому, что во всякомъ образѢ общества гражданамъ притѢсненіе случиться можетъ] но отъ испорченнаго правленія, въ благоустроенномъ обществѢ возникшагося.

3. Что же въ трехъ вышеписанныхъ образахъ сообщество единоначалія предъ прочими имѢетъ превосходство,

восходство, сіе изъ сравненія оныхъ порознь усмотрѣть должно. А хотя и доказываютъ оное многіе доводы, какъ то: что міръ подлежитъ правленію единаго Бога, что древніе приписаніемъ власти Юпитеру надъ богами, единоначальное состояніе прочимъ предпочитали, что въ началѣ вещей и народовъ произволенія властей законами были почитаемы, что отеческая власть Всевышняго промысломъ уставленная, при самомъ сотвореніи была единоначальная, что прочія правленія, изъ развалинъ разстроеннаго чрезъ возмущенія единоначалія, искусствомъ человѣческимъ (*) послѣ были составлены, и на конецъ что народъ Божій Царями былъ управляемъ: но всѣ они, какъ на примѣрахъ и свидѣтельствахъ, а не на разсужденіи основанные, въ порядокъ сего писанія не входятъ.

4, Единоначальство не нравится нѣкоторымъ для того, что во ономъ единое лице всѣми управляетъ; будто бы весьма неправедно среди множества народнаго имѣть единому такую власть, отъ которой бы прочихъ участь всегда зависѣла. Сіи честолюбивыя души, естьли бы имѣли довольное могущество на сопротивленіе Божію благоволенію, возпротивиться бы оному не усумнились. Увидѣвъ, что одинъ пользуется тѣмъ превозходствомъ, которое всякій получить желаетъ, а отъ воззрѣнія пылая ненавистію, возстаютъ на изпроверженіе онаго. Но не довольно сего, самое правленіе избранныхъ кажется имъ неправеднымъ тогда, когда сами между оными мѣста незанимаютъ, или занять не надѣются. Сіе же оныхъ мнѣніе совсѣмъ не основательно по тому, что правленіе избранныхъ предосудительно бы было тогда, когда бы всѣ равнымъ правомъ пользовались. Но какъ уже доказано, что состояніе

человѣческаго

человѣческаго равенства, есть состояніе брани; слѣдовательно неравенство введено согласіемъ всего человѣческаго рода. И какъ же именовать его дѣйствіемъ неправеднымъ тогда, когда большимъ правомъ пользуется тотъ, коему сіе превосходство уступить сами мы согласились? По чему не удобства, въ единоначальствѣ усматриваемыя, не единственности, но лицу послѣдуютъ. И такъ слѣдуетъ теперь разсмотрѣть, единаго ли человѣка, или многихъ особъ власть большія неудобства гражданамъ приноситъ?

5. Но до разсмотрѣнія онаго, должно уничтожить мнѣніе тѣхъ людей которые не называютъ сообществомъ собранія рабовъ, властію господина управляемыхъ. 5 главы, въ 9 статьѣ названо мною общество единымъ лицемъ, изъ многихъ людей составленнымъ, коего волю, по силѣ учиненныхъ между сшедшимися договоровъ, должно почитать общественнымъ соизволеніемъ, для того, чтобъ оно могло употреблять силы и способности каждаго, ко всеобщему миру и защищенію. Единымъ же лицемъ въ тойже статьѣ называется оно тогда, когда произволенія многихъ лицъ состоятъ въ волѣ единыя особы. И какъ воля каждаго раба заключается въ произволеніи господина, [по предписанному 8 главы, въ 5 статьѣ доказательству] силами и способностями ихъ по своему соизволенію располагать могущаго; слѣдовательно и собраніе многихъ рабовъ единому господину подвластныхъ, образъ сообщества составляетъ. Предположивъ сіе, слѣдуетъ теперь заключить, что и учрежденное отъ отца и дѣтей общество, по тѣмъже самымъ причинамъ образъ гражданства составляетъ; ибо у бездѣтнаго господина занимаютъ званіе дѣтей слуги, почтеніе и безопасность ему доставляющіе: а притомъ не болѣе покаряются слуги господамъ, какъ и дѣти отцамъ, какъ о томъ 8 главы, въ 5 статьѣ доказано.

6.

6. Между неудобствами, отъ верьховныя власти произойти могущими, первымъ почесться можетъ то, что правитель исключая денегъ на общественныя иждивенія, то есть: на прокормленіе государственныхъ служителей, на построеніе и защищеніе крѣпостей, на выдержаніе браней, и на великолѣпное своего двора содержаніе потребныхъ, можетъ еще, по желанію своему, нѣкоторое оныхъ число требовать и на собственныя прихоти, какъ то: на обогащеніе дѣтей, сродниковъ, любимцовъ и ласкателей. Признаться должно, что сіе дѣйствіе составляетъ нѣкотрый родъ неудобства, однако жъ во всякомъ образѣ общественнаго состоянія случающійся, а при томъ еще въ единоначаліи не столько чуствительный, какъ въ народоначаліи. Пусть пожелаетъ Государь обогатить состояніе вышеписанныхъ людей собраннымъ сокровищемъ, но сіе желаніе не весьма изнуряетъ частнаго человѣка, понеже происходитъ оно отъ единаго лица, а слѣдственно и къ обогащенію весьма малаго числа особъ клонится. Въ народоначаліи же количеству уважаемыхъ народомъ словесниковъ, [которое и всегда не мало и ежедневно умножается] равняется количество людей, дѣтей своихъ, сродниковъ, друзей и льстецовъ, обогатить желающихъ. Ибо всѣ свои мысли устремляютъ они, на ученіе рода своего въ обществѣ знаменитыхъ и на преклоненіе народныхъ сердецъ къ собственному защищенію. Государь намѣстниковъ и друзей своихъ, не касаясь народныя помощи, подкрѣпить можетъ препорученіемъ имъ военныхъ и гражданскихъ должностей. Въ народоначаліи же удовольствовать многихъ, да еще и всегда новыхъ людей, безъ притѣсненія гражданъ ни какъ не возможно. Государь хотя и можетъ производить

 недостойныхъ,

недостойныхъ, но часто сего не желаетъ. Словесниковъ же на такое произволство собственныя выгоды склониться побуждаютъ. Ибо, естьли бъ не дали они ни кому въ правленїи участи, въ такомъ случаѣ сила ихъ, не частному только человѣку, но и цѣлому обществу опасною бы показалось.

7. Второе, неудобство отъ верховныя власти происходящее, есть безпрестанный оный страхъ, всякаго поражающїй тогда, когда онъ себѣ вообразитъ, что управляющее обществомъ лице не только на всякое преступленїе сильно положить такое наказанїе, какое за благо разсудитъ, но еще невинныхъ гражданъ, и ни чего противнаго законамъ не содѣявшихъ, по единому своему пристрастїю можетъ лишить жизни. И по истиннѣ сїе есть наивеличайшее неудобство каждаго образа общества тогда, когда самымъ дѣломъ откроется. Но какъ названо оно неудобствомъ не по воспослѣдованїю своему, но по самому дѣйствїю; по чему и погрѣшность, оттуда произходящая не къ правленїю, но къ правителю собственно относится. Понеже всѣ Нероновы жестокости, образу единоначальнаго правленїя не существенны, а при томъ часто случается, что невинные граждане болѣе осуждаемы бываютъ въ народоначалїи, нежели въ единоначалїи. Ибо Государи, гнѣваются токмо на особъ, не благовременными совѣтами, дерзскими словами, и своимъ упрямствомъ имъ противныхъ. А сїе дѣлаютъ для того, что бъ излишнее могущество, единому гражданину предъ другимъ дозволенное, безвреднымъ пребывало. Слѣдственно при царствованіи нѣкоего Нерона, или Калигули, невинно пострадать могутъ придворные и другїе, по должностямъ своимъ знаменитые люди, да и изъ сихъ не всѣ, но токмо нѣкою

коею собственностїю угодною правителю пользующїеся; ибо оскорбившїе его досадительными и не благопристойными словами, по справедливости смерти достойны. И такъ въ единоначалїи всякой человѣкъ уединенную жизнь ведущїй, не можетъ опасаться никакого наижесточайшаго Государя; по тому, что страждутъ тамъ одни токмо любочестивые, прочїе же отъ обидъ, сильнѣйшими наносимыхъ бываютъ защищаемы. Въ народоначалїи же столько можетъ быть Нероновъ, сколько словесниковъ, обольщающихъ народъ находится. Понеже всякой изъ нихъ столько же силенъ, какъ и цѣлое общество; а при защищенїи преступниковъ, по частной ненависти, и ненасытному желанїю, сограждан своихъ безвинно умертвившихъ, какъ бы по причинѣ тайнаго между собою договору: *сего дня мнѣ*, въ *слѣдующїй же день тебѣ*, одинъ другаго желанїю взаимно соотвѣтствуютъ.

Сверьхъ того могуществу частнаго человѣка предписанъ предѣлъ, которой преступить безъ сообщественнаго вреда не возможно, по чему правители необходимо иногда предвидѣть обязаны, чтобъ народное благосостоянїе возвышенїемъ оныхъ не было поколеблемо. И такъ сїе умоначертанїе побудило ихъ уменьшить частнаго человѣка силы, уменьшенїемъ сокровищъ тогда, когда причина ихъ возвышенїя во оныхъ состояла, и безъ всякаго преступленїя лишить жизни такихъ людей, которыхъ могущество народными молвами было подкрѣпляемо. Каковыми приключенїями изобилуютъ такъ же и народныя правленїя. Ибо Афиняне безъ всякаго преступленїя, и за единое только могущество сильныхъ гражданъ изгнанїемъ наказывали; Римляне же со всѣмъ истребляли, какъ возмутителей домогающихся Царскаго

достоинства

достоинства, тѣхъ людей, которые народное благоприятство посредствомъ благодѣяній снискать старались, а хотя изъ сего сравненія и видно, что единоначаліе и народоначаліе при наблюденіи вышереченныя предосторожности, единой и тотъ же способъ въ самомъ дѣлѣ употребляли, однако по слуху онѣ были не равны. Ибо слухъ произходитъ отъ народа, и всякое дѣйствіе множествомъ учиненное, множествомъ же бываетъ и одобряемо. А по сему царскую предосторожность, ненавистію добродѣтель притѣсняющею, народную же какимъ либо *политическимъ дѣйствіемъ* называютъ.

8. Народоначальный родъ правленія, предпочитаютъ нѣкоторые единоначальству [монархіи] для того, что воономъ большая гражданину вольность доставлена. Но ежели чрезъ *вольность* разумѣютъ они изъятія, отъ того повиновенія, которымъ люди законамъ, то есть: народнымъ повелѣніямъ обязаны, слѣдуетъ изъ того, что ни въ народоначаліи, ниже въ другомъ какомъ либо гражданскомъ состояніи обрѣсти ей не возможно. Естьли же по мнѣнію ихъ господствуетъ она тамъ, гдѣ изданы не многіе законы, гдѣ запрещенія рѣдки, и токмо ко удержанію тишины и общаго благосостоянія уставленныя, въ такомъ случаѣ утверждаю я, что и единоначальное правленіе не меньшую народоначальнаго вольность гражданамъ предоставляетъ. Ибо таковое учрежденіе, какъ сея, такъ и оныя благосостоянію не возпрепятствуетъ. Хотя на всѣхъ вратахъ и башняхъ нѣкоего общества, да еще самымъ превосходнымъ начертаніемъ изображена будетъ вольность, однако жъ сія надпись не собственно каждому гражданину, но цѣлому народу принадлежитъ, а по сему, столько же пристойна она

обществу

обществу Государемъ, какъ и народомъ управляемому. Но ежели стараются о снимании вольности частные люди, то есть: подданные, то именемъ оныя не вольности, но господствованія домогаются, не примѣтивъ однакожъ, по незнанію своему собственнаго своего желанія. Ибо когда бы, человѣкъ въ силу естественнаго закона, уступилъ ближнему своему ту же самую вольность, которую себѣ присвоить старается. Въ такомъ случаѣ возобновилось бы естественное состояние, всѣму человѣческому роду ни чего не запрещающее, которое разсмотрѣвъ, и нашедъ несноснѣйшимъ самаго гражданскаго повинозенія, тотчасъ бы требованіе свое оставилъ. Когда же онъ, обязуя прочихъ, единому себѣ требуетъ вольности, то уже явственно, что не оную, но господствованіе получить желаетъ, по тому, что особы ни какимъ обязательствомъ не стѣсненныя, господами всѣхъ обязанныхъ именуются. И такъ изъ вышереченнаго явствуетъ, что народное правленіе не уступаетъ гражданину большія предъ единоначальнымъ вольности. При всемъ томъ многіе обманываются равенствомъ, въ раздѣлении общественныхъ должностей и самыя власти наблюдаемымъ. Ибо гдѣ верховная власть находится въ народныхъ рукахъ, тамъ и граждане, какъ части общества, равное въ ней, имѣютъ участіе, а при томъ и государственныя должности раздѣляютъ равномѣрно для того, что во время учрежденія правительствъ, и избиранія градоначальниковъ, подаютъ равныя мнѣнія. Изъ чего заключить можно, что люди, въ единоначаліи, о уничтоженіи вольности соболѣзнующіе, ропщутъ токмо на то, что не допущены до правленія.

9. Но предпочтетъ, можетъ быть, нѣкто народное правленіе единоначалію для того, что во ономъ состояніи, всякой гражданинъ общественныя

дѣла

дѢла разсматриваетЪ, по чему вЪ самыхЪ наиважнѢйшихЪ и затрудательныхЪ случаяхЪ, каждому блеснуть своимЪ благоразуміемЪ, знаніемЪ и краснорѢчіемЪ, не возбраняется. А сія невозбранность, со врожденною вЪ насЪ, кЪ сниканію славы, склонностію соединенная, наичувствительнѢйшее приноситЪ удовольствіе тѢмЪ, кои или дѢйствительно, или мечтательно одарены вышереченными качествами. ВЪ состояніи же монархическомЪ большой части гражданЪ, преграждены всѢ пути, кЪ полученію славы и достоинствЪ лежащіе. И такЪ, чѢмЪ же наименовать сіе препятствіе, есть ли не неудобствомЪ? На сіе отвѢтствую: видѢть предпочтеннымЪ мнѢніе презираемаго нами человѢка тогда, когда собственная наша мудрость бываетЪ пренебрегаема, навлекать на себя извѢстныя недоброжелательства, чрезЪ неизвѢстную распрю, для мнимыя славы предприятую, [ибо ни торжествующему, ниже преодолѢнному, сея участи избѢгнуть не возможно,] ненавидѢть и взаимно быть ненавидиму за единое вЪ мнѢніяхЪ различіе, обнародовать свои намѢренія и желанія, безвременно и безполезно; и на конецЪ не радѢть о домостроительствѢ, сіе прямымЪ и истиннымЪ неудобствомЪ назвать должно. На противЪ того не допуститЪ разумЪ до безпрестанныхЪ прѢній, хотя и приятныхЪ словесникамЪ, есть учрежденіе столь же для смертныхЪ выгодное, какЪ удержаніе храбраго человѢка отЪ брани, хотя и увеселяющей онаго.

10. СверхЪ того многія еще находятся причины, изЪ коихЪ вывесть можно, сколь не способны для отправленія общественныхЪ дѢлЪ многолюдныя собранія. И во первыхЪ кЪ истинному разсужденію о всемЪ, государственному благосостоянію

нію послѣшествующемъ, не внутреннія токмо; но и внѣшнія обстоятельства вѣдать потребно, для познанія внутренности государства слѣдуетъ разсмотрѣть: какими вещами, и откуда получаемыми, общество довольствуется и защищается, какія мѣста къ постановленію гарнизоновъ способны, откуду набирается, и чѣмъ содержится войско, какія о правителѣ, или градоначальникахъ, имѣютъ мысли граждане и прочее: Въ окрестностяхъ же онаго примѣтить должно: въ чемъ состоитъ могущество каждаго сосѣдняго общества порознь, и сколь далеко оное простирается, какія неудобства или выгоды отъ нихъ произойти намъ могутъ, какъ они между собою и съ нами обходятся, и какія у нихъ по вседневно бываютъ предпріятія. А всѣ сіи толь тонкіе предмѣты, въ многолюдномъ ономъ собраніи, по большой части изъ людей, къ уразумѣнію оныхъ неспособныхъ состоящемъ, весьма рѣдкіе мыслію своею обьемлютъ. И такъ сіе множество, несмысленныя мнѣнія предлагающе, не вспоможеніе, но препятствіе въ совѣтахъ сдѣлать можетъ.

11. Вторая причина, неудобность совѣтовъ множествомъ подаваемыхъ утверждающая, есть та, что при обьясненіи своихъ мыслей, всякой употребляетъ протяжное слово, а для предпочтенія прочимъ старается его народному слуху сдѣлать пріятнымъ, посредствомъ краснорѣчія. *Должность же онаго состоитъ въ томъ*, что бы *благо* и *зло*, *пользу* и *вредъ*, *честность* и *безчестіе* не въ собственномъ, но во увеличенномъ видѣ представить. И сообразуясь съ цѣлію своего намѣренія, показать иногда самую *истинну*, *не правдою*. Ибо хотя и разсуждаютъ словесники, въ подаяніи совѣтовъ упражняющіеся

жняющіеся, однако жЪ разсужденія оныхЪ, не изЪ истинныхЪ началЪ, но изЪ общенародныхЪ, а слѣдственно и исполненныхЪ погрѣшностей, мнѣній, произтекаютЪ. А при томЪ рѣчь свою, не кЪ природѣ вещей, но кЪ душевнымЪ возмущеніямЪ они примѣняютЪ. ИзЪ чего слѣдуетЪ, что самонужнѣйшія общественныя дѣла не здравымЪ разумомЪ, но неосновательнымЪ побужденіемЪ чувствЪ бываютЪ иногда опредѣляемы. А таковый порокЪ не кЪ лицу, но кЪ самому краснорѣчію относится по томЪ, что конецЪ ея [по мнѣнію всѣхЪ учителей Риторики] не вЪ истиннѣ, [развѣ по случаю ея защищать должно будетЪ,] но вЪ преодолѣніи; а должность не вЪ наставленія, но вЪ совѣтованіи находится.

12. Третіе изЪ многолюдныхЪ собраній заговоры, а изЪ оныхЪ возмущеніе и междоусобная брань раждается, ибо во время прѣнія равнопочитаемыхЪ словесниковЪ, побѣжденный ненавидитЪ побѣдителя, и всѣхЪ его послѣдователей за то, что мнѣніе и мудрость его вЪ пренебреженія оставили, и старается токмо о томЪ, что бЪ изЪ совѣтовЪ своего соперника вывесть вредительныя для общества слѣдствія, и чрезЪ уничтоженіе онаго славы, возстановить собственную. СверьхЪ того, есть ли разность голосовЪ такая, что присовокупленіемЪ нѣсколькихЪ человѣкЪ побѣжденная сторона вЪ новомЪ собраніи можетЪ получить преимущество; вЪ такомЪ случаѣ начальники оныя созываютЪ прочихЪ, разсуждаютЪ порозно о уничтоженіи прежде поданныхЪ голосовЪ, соглашаются ранѣе и многолюднѣе вЪ будущее притти собраніе, располагаютЪ, что каждому и какимЪ порядкомЪ о разсмотрѣніи внов дѣла говорить должно. По чему чрезЪ отсудствіе не старательныхЪ соперниковЪ выигрываютЪ они то дѣло, которое при

полномЪ

полномъ оныхъ собраніи прежде проиграли. Тщаніе же сіе, къ преклоненію народныхъ сердецъ употребляемое, *заговоромъ* называется. И такъ, когда въ заговорѣ менѣе голосовъ, а больше, или нѣсколько меньше людей, въ такомъ случаѣ домогаются того оружіемъ, чего краснорѣчіемъ и искусствомъ не достали; а сіе дѣйствіе междоусобную брань и составляетъ. Но скажетъ нѣкто, что вышереченное неустройство не необходимо, и рѣдко можетъ воспослѣдовать: таковому совѣтую я прибавить, что и словесники не желаютъ себѣ славы, и рѣдко великіе словесники въ важныхъ дѣлахъ бываютъ не согласны.

13. Слѣдуетъ изъ сего, что въ такомъ обществѣ, въ которомъ верьховную при установленіи законовъ власть удерживаютъ вышеписанныя собранія, законы бываютъ не тверды, и не съ премѣною вещей и понятій, но по стеченію въ судилище большаго числа гражданъ то съ той, то съ другой стороны перемѣняются, такъ, что тамъ они на подобіе валовъ туда и сюда бываютъ бросаемы.

14. Сверьхъ того разсужденія многолюдныхъ собраній не удобны еще и тѣмъ, что общественныя во оныхъ предпріятія, которыя по большой части въ тайнѣ содержать потребно, до произведенія еще въ дѣйствіе, непріятелямъ бываютъ извѣстны столько же обстоятельно, какъ и самому *управляющему народу*.

15. И такъ образъ единоначальнаго правленія народному долженъ быть предпочтенъ по тому, что во семъ самыя наиважнѣйшія дѣла почти всегда многолюдному собранію на разсмотрѣніе предлагаются, въономъ же весьма рѣдко: инный же разсужденія порядокъ, а особливо народоначалію несосвойственный, весьма трудно ввести въ общество.

Ибо когда видитъ человѣкъ открытый путь ко оказанію своея словесности, чрезъ которую имя благоразумнаго и знающаго человѣка пріобрѣсть, и возратясь домой, при друзьяхъ и сродникахъ своихъ наслаждаться содѣянными успѣхами можетъ: для чего жъ ему, оставя собственныя дѣла, къ разсмотрѣнію общественныхъ не прилѣпиться? Но естьли бъ захотѣлъ народъ попеченіе о брани, мирѣ и установленіи законовъ препоручить одному, или весьма не многимъ гражданамъ, предоставивъ себѣ избраніе судей и военачальниковъ, то есть, единую важность безъ правленія: то бы единоначаліе и народоначаліе въ сихъ обстоятельствахъ были между собою равны.

16. Надлежитъ еще знать, что выгоды и неудобства болѣе въ единомъ образѣ правленія, нежели въ другомъ случающіяся, не отъ количества лицъ, верьховную власть объемлющихъ, происходятъ; ибо оная не дѣйствіе правленія, но единое токмо могущество составляетъ. Могущество во всякомъ видѣ правленія единообразно: самыя же дѣйствія, то есть, общественныя движенія и обороты, какъ слѣдствія разнообразныхъ человѣческихъ разсужденій, между собою различны. А изъ сего усмотрѣть можно, что самыя выгоды и неудобства, не къ лицу, всеобщею важностію уполномоченному, но къ частнымъ правителямъ относятся; почему царствованіе женщины, юноши, или младенца не возпрепятствуютъ порядочному общества управленію тогда, когда занимающія государственныя должности особы званію своему дѣйствительно соотвѣтствуютъ. И такъ изъ словъ: *бѣдственное состояніе общества, въ которомъ юноша царствуетъ!* не возможно заключить о превосходствѣ народнаго правленія предъ единоначальнымъ; а изображается оными общественное неустройство,

устройство, то есть, что при царствованіи юноши врывающимися въ государственные совѣты гордыми и упрямыми людьми, общество бываетъ управляемо народоначальнымъ порядкомъ, изъ чего произтекаютъ всѣ несчастія, свойственныя народному правленію.

17. Превосходство же единоначалія весьма ясно усмотрѣть можно изъ того, что не токмо Цари, но и общества, народу и избраннымъ подвластныя, единому человѣку неограниченную на брани власть поручаютъ: и такъ единоначальство (Монархія) есть самое наилутчее въ лагерѣ правленіе. Но чему пристойнѣе уподобить множество республикъ, какъ не толикому жъ числу лагерей, стражею и оружіемъ взаимно противу себя укрѣпленныхъ, которыхъ состояніе, состояніемъ естественнымъ, то есть, исполненнымъ брани наименовать можно?

18. На конецъ, понеже для сохраненія нашего необходимо должно покориться нѣкоему лицу, или собранію: то и повинуемся мы съ ощутительнѣйшими выгодами такому человѣку, который ко утвержденію нашего здравія и благоденствія всевозможное прилагаетъ стараніе. А сію столь выгодную жизнь обрѣсти токмо можно тамъ, гдѣ верьховная власть подлежитъ наслѣдству; по тому, что каждый самопроизвольно печется о сохраненіи собственнаго своего стяжанія. Сокровище же Государей не въ пашнѣ и деньгахъ, но въ здравіи и спокойствіи подданныхъ заключается. Въ семъ мнѣніи весьма охотно со мною согласятся тѣ, которые запримѣтили, сколь великими сокровищами наималѣйшія общества бываютъ оцѣняемы, и сколь удобнѣе чрезъ людей деньги, нежели чрезъ деньги людей достать можно. А при томъ весьма рѣдко случается, чтобъ Государь безъ

всякаго преступленія, и по единой необузданности, отнялъ жизнь или имѣніе у своего подданнаго.

19. Сравнивая образъ единоначальнаго правленія съ народнымъ, о вельможеначаліи умолчалъ я по сіе мѣсто. И такъ изъ вышеписанныхъ сравненій вывести можно, что вельможеначаліе наслѣдное, и разсмотрѣніе общественныхъ дѣлъ весьма малымъ и разумнымъ особамъ поручающее, словомъ сказать: болѣе единоначальному, менѣе же народному правленію сообразное, и долговременнѣе, и для каждаго гражданина полезнѣе.

ГЛАВА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Доказательства и примѣры, изъ Священнаго писанія, для утвержденія царскаго права приведенныя.

1. 6 Главы, во 2 статьѣ, начало учрежденнаго, или политическаго общества выведено мною изъ народнаго множества, коему или между собою согласиться, или взаимными сдѣлаться непріятелями надлежало. Такое было начало царствованія божія надъ Іудеами, чрезъ Моисея утвержденное. „Аще „услышите гласъ мой, и пр. „и будите ми въ царство „священническое и пр. Пріиде Моисей и собра старей„шинъ народныхъ и пр. Тогда народъ отвѣщавъ, „рече: вся яже глаголетъ господь, сотворимъ. Такое же начало и власть Моисеева имѣла; „и рече на„родъ къ Моисею: рцы намъ да послушаемъ тебе. На подобныхъ сему основаніяхъ и Саулово царство возставлено.

возставлено. 1 царств. гл. 12, ст. 12. „ Видѣвъ, яко „ Наасъ Царь сыновъ Аммонихъ пріиде на вы, ресте „ ми: ни, но Царь да царствуетъ надъ нами, егда „ Господь Богъ надъ вами царствова; и се нынѣ „ Царь, егоже избрасте, и его же просисте„. И какъ большей народа части нѣкоторые въ избраніи семъ возпротивились (были то сынове погибельніи, иже реша къ Самуилу: „ и сей ли можетъ спасти насъ? „ и безчествоваша его„ кн. 1. царств. гл. 10. ст. 27) Тогда сихъ противниковъ, какъ враговъ умертвить прочіе искали, говоря къ Самуилу: кн. 1, царств. гл. 11. ст. 12, „ Кто есть рекій, яко да Саулъ не воцарится надъ нами? Предаждь мужей, да избіемъ ихъ.

2. Тоя же главы въ 6 и 7 статьяхъ было показано, что гражданскія и военныя дѣла зависятъ отъ власти верьховнаго правителя, то есть, въ единоначаліи отъ воли Царевой. Каковое положеніе въ Священномъ писаніи утверждено мнѣніемъ самаго народа. 1 кн, Царств. гл. 8, ст. 20. „ Будемъ мы, „ яко же вси языцы, и разсудитъ насъ Царь нашъ, „ и изыйдетъ предъ нама, и сотворитъ за насъ „ брани наша „. Сверьхъ того въ принадлежащемъ до разсужденія, и во всѣхъ тѣхъ дѣйствіяхъ, о коихъ вопросить можно, добрыя ли они, или злыя, удостовѣряетъ насъ Соломонъ, говоря: „ даси рабу твоему „ сердце смысленно, имъ же да судитъ люди твоя въ „ правду, и да разумѣетъ различити благо отъ зла. А при томъ и Авесаломъ, по свидѣтельству Самуила, говоритъ: „ словеса твоя блага и удобна; но слушающаго несть ти отъ Царя.

3. Что же подданные не имѣютъ права Царей наказывать, сіе утверждаетъ Царь Давыдъ, который находясь при дверяхъ смерти, отъ Саула предписанной, не токмо неумертвилъ его самолично, но и

удерживая отъ сего же намѣренія Авессу, такъ говорилъ: „ не убивай его, возможетъ ли бо кто про„ стерть руку свою на помазанника господня, и бу„ детъ не повиненъ сему? И въ самое то время, когда отрезалъ онъ воскрилія одежды его, сказалъ: „ ни како „ же ми отъ Господа, аще сотворю сїе господину мое„ му помазаннику Господню, еже нанести руку мою „ нань. А сверьхъ того Амаликита, и во удовольствїе его, Саула умертвившаго, указалъ лишить жизни.

4. Что же говорится судей 17 главы, въ ст. 6 мъ, то есть: „ въ тѣ дни не бяша Царя во Ізраили, кійждо „ мужъ, еже право видяше предъ очами его, творяше: [аки бы во всѣхъ обществахъ, безъ верховнаго правителя существующихъ, пребываетъ безвластїе] 5 сїе привесть можно въ подтвержденїе превосходства единоначальнаго правленія, ежели въ словѣ *Царь* болѣе единаго человѣка не заключается. Но хотя оное слово объемлетъ и единый совѣтъ, верьховною властїю уполномоченный; однако жъ удостовѣриться можно, что безъ верьховныя совершенныя власти [въ 6 й главѣ изъясненной] всякому позволено дѣлать все то, что ни пожелаетъ; каковое своевольство съ сохраненїемъ человѣческаго рода не совмѣстно. И такъ въ силу естественнаго закона, во всякомъ обществѣ верховная власть гдѣ нибудь пребываетъ.

5. Въ 8 главѣ, 7 и 8 статьяхъ, и въ 9 главѣ, 7 й статьѣ сказано, что рабы господамъ, и дѣти родителямъ своимъ обязаны *простымъ* послушанїемъ. Въ слѣдствїе чего и святый апостолъ Павелъ говоритъ 1 е Колос: гл 3, ст: 22. „ Раби послушайте во всѣмъ плот„ скихъ господій вашихъ, не предъ очима токмо рабо„ тающе, аки человѣкоугодницы, но въ простотѣ „ сердца, боящеся Господа. 2, Колос: гл: 3, ст: 20. Чада „ послушайте родителей своихъ во всемъ; сїе бо угодно

есть

есть Господеви„. И какъ чрезъ простое повиновеніе разумѣемъ мы все, закону божїю соотвѣтствующее, такъ и въ приведенныхъ св: Павла стихахъ, послѣ слова *по всемъ*, прибавить должно, *выключая противнаго закону Божїю*.

6. Но что бы вышеприведенныя мѣста не показались кому, ко утвержденїю Царскаго права недостаточными: то вознамѣрился я показать тѣ писанїя, которыя полную ихъ власть [въ простомъ и совершенномъ подданныхъ послушанїи состоящую] означаютъ. И во первыхъ: „ на Моисеовѣ сѣдалищѣ сѣ„доша книжницы и фарисеи; вся убо, елика аще ре„кутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите. *Вся творите*, то есть, повинуйтеся просто; для чего? понеже сидятъ оные на сѣдалищѣ Моисея, то есть, начальника гражданскаго, а не насѣдалищѣ священника Аарона. Римл: гл: 1?. ст, 1. и пр. „ Всяка душа „ властемъ предержащимъ да повинуется; несть бо „ власть, аще не отъ Бога, сущїя же власти отъ Бога „ учинены суть. Тѣмъ же противляяйся власти, „ Божїю повѣленїю противится, противляющїйся же „ грѣхъ себѣ прїемлетъ„. И какъ бывшїя во времена св. Павла власти поставилъ всеблагїй Богъ, а требовали оныя отъ подданныхъ полнаго повиновенїя: слѣдуетъ изъ сего, что такое ихъ могущество учреждено отъ Бога. „ 1 Петр. гл. 2, ст 13, И такъ „ повинуйтеся всяку человѣчу начальству Господа „ ради: аще Царю, яко преобладающу, аще ли же „ Княземъ, яко отъ него посланнымъ во отмщенїе „ злодѣемъ, въ похвалу же благотворящимъ; яко тако „ есть воля Божїя. Сверьхъ того св. Павелъ пишетъ къ Титу такъ: къ Титу гл. 3, ст: 1 й, „ Воспоминай „ тѣмъ, да начальствующимъ и владѣющимъ покарятся. Какимъ же начальствующимъ? Не властемъ ли

оныхъ временъ, простаго повиновенія требовавшимъ? Наконецъ и самъ Спаситель міра, коему по наслѣдственному праву надлежало воцариться во Іудеи, пребывая во образѣ подданнаго, и дань платилъ Кесарю, и правильно оному принадлежащею ея назвалъ, сказавъ: Матф. гл. 22 : ст 21 й „Воздадите Кесарева Кесареви, „ а Божія Богови„. Но когда благоволилъ онъ показаться Царемъ, тогда требовалъ полнаго послушанія, говоря: „ идита въ весь, яже прямо вама, и абіе обрящете осля „ привязано и жребя съ нимъ. Отрешивше е, приведи- „ та ми; и аще вама кто изречетъ что, рекиме, яко „ Господь ея требуетъ. И сіе сотворилъ онъ, какъ Царь Іудейскій, по праву господствованія; ибо отобрать у подданнаго имѣніе, ему принадлежащее, подъ тѣмъ именемъ, что *господинъ въ немъ имѣетъ нужду*, не иное что, какъ совершенную власть означаетъ. Сверьхъ того въ сей же истиннѣ удостовѣряютъ насъ многія мѣста ветхаго завѣта; какъ то: Второзаконія гл. 5, ст 27 й. „Приступи и послушай „ вся, елика къ тебѣ речетъ Господь Богъ нашъ, и „ ты речеши къ намъ, вся елика речетъ Господь „ Богъ нашъ къ тебѣ, и услышимъ и сотворимъ. И „ отвѣщавше Іисусу, реша: Іис: гла 1. ст 16.„ Вся елика „ заповѣси намъ, сотворимъ, и во всякое мѣсто, амо же „ послеши насъ, пойдемъ, и во всемъ елика слушахомъ „ Моисея, тебѣ послушаемъ; токмо да будетъ Господь „ Богъ нашъ съ тобою, якоже бѣ съ Моисеемъ; и аще „ кто не покориться тебѣ и не послушаетъ словесъ „ твоихъ, яко сіе заповѣси ему, да умретъ. Сюда „ принадлежитъ и притча о терніи, судей гл. 9 ст 14. „ Рѣкоша вся древа тернію: пріиди и буди намъ Царь. „ И рече терніе къ древамъ: аще по истиннѣ пома- „ зуете Царемъ мене надъ вами, пріидите и внидите „ подъ сѣнь мою; аще ли же ни, да изыдетъ огнь изъ

тернія

„ тернія и поястЪ кедры Ливанскіе „. А сила притчи сея состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ мы возпосажденнымЪ надЪ собою ЦарямЪ повиновались, ежели избѣгнуть междоусобныя браны желаемЪ. Обстоятельнѣйшее же могущества царскаго описаніе изрекЪ самЪ Всеблагіи БогЪ чрезЪ Самуила. „ Возвести имЪ, сказалЪ „ онЪ, право Царево, иже царствовати будетЪ надЪ „ ними и проч. Сіе будетЪ право Царево: сыны ваши „ возметЪ, и поставитЪ я колесничники своя; дщери „ ваши возметЪ вЪ мироварницы, и возметЪ благія „ ваша масличны, и дастЪ рабомЪ своимЪ „. И чтожЪ сіе значитЪ, ежели не совершенное могущество? однакожЪ оное отЪ самого Бога *правомЪ ЦарскимЪ* наименовано; да и не видно чтобЪ и первосвященники изъяты были отЪ онаго во Іудеи; понеже первосвященнику Авіаѳару не обинуясь сказалЪ Царь: „ тецы „ во АнаѳотЪ на село твое, яко мужЪ смерти еси ты: „ но не умерщвлю тебе, яко носилЪ еси кивотЪ завѣта „ Господня предЪ отцемЪ моимЪ ДавыдомЪ, и яко „ озлобленЪ былЪ еси во всѣхЪ, ими же озлобленЪ отецЪ „ мой „. И изгна СоломонЪ Авіаѳара, еже не быти ему ІереемЪ ГосподнимЪ.

ГЛАВА ВТОРАЯ НАДЕСЯТЬ.

О внутреннихЪ причинахЪ, разрушающихЪ общество.

Мнѣнія, распологающія кЪ бунту людей, суть слѣдующія.

1 е. До селѣ говорено было, для какихЪ причинЪ и на какихЪ договорахЪ установлены обще-

ства, и какія права имѣютъ на гражданъ владѣтели: теперь о причинахъ, производящихъ мятежъ или разрывъ общества, кратко сказать должно. Какъ въ движеніи естественныхъ тѣлъ три принадлежности въ разсужденіе принять должно, то есть: 1е внутреннее ихъ расположеніе, или самую способность къ произхожденію движенія; 2е извнѣ дѣйствующую причину, которая видимое и извѣстное движеніе призводитъ и 3е самое дѣйствіе: такъ и въ обществѣ, въ которомъ граждане мятутся, три обстоятельства примѣчаемы быть могутъ: 1е внушенія и возжиганія страстей, противныхъ спокойствію, коими каждаго духъ располагаемъ бываетъ къ возмущенію; 2е Возмутители, которые уже расположенныхъ поощряютъ, созываютъ, и понуждаютъ къ отступленію отъ сообщества и къ принятію противъ его оружія; 3е самое дѣйствіе. Изъ внушеній, или наученій, располагающихъ къ мятежу, первое и главное есть сіе: что *каждому свойственно имѣть свѣденіе о добрѣ и злѣ*. Правда, что въ естественномъ состояніи, въ которомъ всѣ одинакимъ и тѣмъ же самымъ правомъ пользуются, и власти надъ собою ни подъ какимъ условіемъ одинъ другому неуступили, сное познаніе до каждаго принадлежать долженствуетъ, о чемъ и въ гл. 1 арт. 9 доказано; но въ гражданскомъ состояніи допустить сего невозможно. Ибо въ гл. 6 довольно изъяснено, что правила, различающія добро отъ зла, справедливое отъ неправильнаго и честное отъ безчестнаго, суть законы гражданскіе; и потому все то, что законодатель постановилъ, за доброе, и что онъ запретилъ, за злое почитать должно. Законодатель же всегда бываетъ то лице, коему поручена верьховная власть надъ гражданствомъ, то есть, въ единоначальномъ правленіи

вленія Государь. То жъ самое доказывали мы въ гл. 1, арт. 6 словами Царя Соломона. Ибо ежели бы каждый человѣкъ дѣйствія свои опредѣлялъ собственнымъ разсужденіемъ: то къ чему бы служили слѣдующія его слова: „даси рабу твоему сердце смыслено, судити люди твоя въ правдѣ, еже разумѣвати „ посредѣ добра и зла. И по тому, когда различать между добромъ и зломъ есть дѣло Царево: то несправедливы суть, хотя и употребительны, слѣдующія пословицы: *тотъ де Царь, кто правду творитъ*, и еще: *не должно Царямъ повиноваться, ежели повелѣнія ихъ не правильны.*

Прежде установленія государствъ не было ни справедливаго, ни несправедливаго; поелику свойство сихъ словъ зависитъ отъ законовъ гражданскихъ; слѣдовательно всякое дѣйствіе по своему существу ни хорошо, ни худо; а что бъ быть ему справедливымъ, или не справедливымъ, сіе произошло отъ того права, которымъ Государь уполномоченъ. И такъ повелѣніе законныхъ Царей оправдаетъ все то, что они повелѣваютъ, и запрещеніе ихъ дѣлаетъ неправильнымъ то, что они запрещаютъ. А частные люди, присвоивая себѣ свѣденіе добра и зла, не иное что дѣлаютъ, какъ опять сами воцариться желаютъ, чему безъ нарушенія общества быть не можно. Изъ всѣхъ Божіихъ заповѣдей первѣйшая есть сія: *отъ древа, еже разумѣти доброе и лукавое, не снесте отъ него. Быт.* 2. 16; да и дьявольское искушеніе первѣйшее же было: *будете, яко боги, вѣдуще доброе и лукавое.* гл. 3 ст. 5. И первое Божіе съ человѣкомъ стязаніе: *кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси; аще не бы отъ древа, его же заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него ялъ еси?* какъ бы такъ сказалъ: по чему бы ты могъ разсудить, что нагота, въ которой

которой тебя создать мнѣ было угодно, для тебя безчестна: ежели бы не присвоилъ ты себѣ такъ не осторожно свѣденія честнаго и безчестнаго?

12. Все то есть грѣхъ, что дѣлается противъ совѣсти; ибо тѣмъ самимъ презираемъ бываетъ и законъ: но сіе надобно раздѣлить. Когда я дѣлая противъ совѣсти, признаю себя самаго тому причиною, то грѣхъ есть мой: когда жъ причину того погрѣшенія имѣю въ другомъ, то могу оное сдѣлать безъ понесенія на себѣ грѣха. Ибо есть ли мнѣ повелѣно дѣлать, то грѣхъ есть повелѣвающаго, только бы онъ былъ моимъ господиномъ по праву; и есть ли оное дѣлаю, не грѣшу. На примѣръ: воинствуя по повелѣнію всего гражданства, не буду я въ томъ не справедливъ, что вступлю въ войну не справедливую: но не справедливо сдѣлаю то, есть ли присвоивая себѣ свѣденіе правды и неправды, [что свойственно есть гражданству], отрекусь отъ соучастія въ оной. Тѣ, кои сего раздѣленія не наблюдаютъ, при всякомъ повелѣніи, которое или кажется, или самымъ дѣломъ есть не справедливо, безъ погрѣшенія обойтиться не могутъ. Ибо, есть ли сдѣлаютъ противъ совѣсти, то докажутъ, что они не страшились казни будущаго вѣка; есть ли же поступятъ противъ повелѣнія, вооружатся противу союза человѣчества, и сообщественной жизни настоящаго вѣка. *Слѣдовательно мнѣніе тѣхъ, кои утверждаютъ, что подданные грѣшатъ, когда неправильныя повелѣнія своихъ начальниковъ исполняютъ, есть погрѣшительное, и между такими почитаемо быть должно,* кои противятся *гражданскимъ повиновеніямъ*: а начало свое беретъ оно отъ первой оной погрѣшности, о которой въ прошедшей статьѣ упомянуто. Ибо мы сами своимъ разсужденіемъ о добрѣ и злѣ дѣлаемъ

то,

то, чтобъ и повиновеніе и неповиновеніе наше равно были грѣхомъ.

3 *Утверждать тираноубійство дѣйствіемъ позволительнымъ*, есть третіе возмутительное мнѣніе, изъ того же источника проистекающее. Сіе, какъ въ новѣйшія времена нѣкоторые богословы, такъ и въ древнія всѣ мудрецы: Платонъ, Аристотель, Цицеронъ, Сенека, Плутархъ и пр. Греческой и Римской Анархіи [безвластія] защитники, не только за позволенное, но и за похвальное поставили дѣло. А подъ именемъ тиранновъ разумѣютъ они не только Государей, но всѣхъ тѣхъ, которые полную власть надъ какимъ ни будь гражданствомъ имѣютъ. Ибо не только Пизистратъ, который одинъ владѣлъ Аѳинами, но и тѣ тридцать, кои послѣ него въ одно время оными управляли, тираннами названы. Но какъ бы то ни было, однако тотъ, котораго убить, какъ тиранна позволяютъ, или по праву владѣетъ, или безъ всякаго права. Ежели безъ права, то онъ, яко непріятель, убитъ будетъ по законамъ. Но сіе есть убійство не тиранна, но непріятеля. Естьли же онъ по праву владѣетъ, то въ такомъ случаѣ имѣетъ мѣсто божественный сей вопросъ: кто сказалъ тебѣ, что онъ тираннъ, ежели бы ты не вкусилъ отъ древа, отъ котораго вкушать запретилъ тебѣ я? Почему ты называешь тиранномъ того, кого Богъ Царемъ поставилъ: ежели бы ты, будучи частной человѣкъ, не присвоилъ себѣ свѣденія добра и зла? Сколь же сіе мнѣніе губительно обществамъ, а особливо единоначальнымъ, можно усмотрѣть изъ того, что по силѣ онаго всякой Государь, хотя бы онъ былъ пороченъ, или добродѣтеленъ, предается суду и кровавымъ рукамъ одного тайнаго убійцы.

4. Четвертое мнѣніе, противное общественному союзу, есть тѣхъ, которые утверждаютъ, что *законамъ гражданскимъ подвержены равно съ прочими и полномочные владѣтели.* Несправедливость онаго доказана выше сего въ гл. 6 статьѣ 14. тѣмъ, что гражданство ни самому себѣ, ни всякому порознь гражданину обязаться не можетъ. Не можетъ себѣ; ибо обязательство не къ себѣ, но къ другому относится: не можетъ гражданину; ибо частныя воли гражданъ состоятъ въ волѣ гражданства, такъ, что ежели гражданство захочетъ свободно быть отъ такого обязательства, должны того же хотѣть и граждане; и по тому оно свободно. А все то, что здѣсь утверждено о гражданствѣ, разумѣть должно и о томъ человѣкѣ, или о такомъ собраніи людей, которымъ поручена верховная власть; ибо они суть гражданство, коему безъ неограниченной ихъ власти состоять не можно. Что же оное мнѣніе съ сущностію гражданства не совмѣстно, явно изъ сего, что по силѣ онаго познаніе правильнаго и неправильнаго, или воля опредѣлять, что противно, и что не противно гражданскимъ законамъ, каждому была бы свойственна. Слѣдовательно въ то время, когда повелѣніе покажется противнымъ законамъ, долженствуетъ и повиновеніе уничтожиться, а вмѣстѣ съ нимъ и понудительная власть изчезнетъ; чего безъ разрушенія гражданства воспослѣдовать не можно. Однако имѣетъ сія погрѣшность не малыхъ себѣ одобрителей, какъ то: Аристотеля и другихъ, которые принявъ въ разсужденіе безсиліе человѣческое, всю силу гражданства однимъ только законамъ присвоили. Кажется, что тѣ въ разсмотрѣніе внутренности общества не весьма углублялись, которые побудительную власть, тол-

кованіе и распространеніе законовъ, [коихъ важность нужна для общества] самимъ законамъ предоставить заблаго разсудили. А хотя частные граждане самому обществу противустоять судомъ, и для рѣшенія къ закону убѣжище имѣть иногда и могутъ: однако только тогда, когда вопросъ идетъ не о могуществѣ и силѣ гражданства, но о томъ, сходствуетъ ли его изволеніе съ извѣстнымъ какимъ ни будь закономъ? на примѣръ: когда дѣло идетъ о смертной казни гражданина по закону; тогда разсуждается не о томъ, можетъ ли общество безъ нарушенія своего права лишить его жизни, но о томъ, по закону ли отнять у него оную хощетъ; тѣмъ наипаче, что оное предписуетъ смерть единымъ токмо преступникамъ законовъ? Въ семъ случаѣ хотя и связуется оно собственными своими законами, однакожъ довольнаго заключенія не подастъ къ тому, что гражданинъ законами противу его всегда оградиться силенъ: но напротивъ того изъ онаго явствуетъ, что оно никогда не подлежитъ своимъ законамъ; ибо никто себѣ не обязывается. И по тому налагаются законы на Каія и Тиція, и на каждаго порознь, а не на гражданство: хотя знающіе права по своему тщеславію и натолковали неосновательному множеству, что законы не отъ важности гражданскаго права, но отъ ихъ искусства зависятъ.

5, Пятое, что *верьховная власть раздѣлена быть можетъ, сіе внушеніе для обществѣ есть весьма погибельно*. Нѣкоторые такъ оную раздѣляютъ, что бъ верьховная власть надъ всѣмъ тѣмъ, что къ спокойствію и пользѣ здѣшней жизни служитъ, принадлежала гражданскому праву: а тѣмъ, что служитъ ко спасенію души, управляли бы другіе.

Но какъ

Но какъ правосудіе всего нужняя, то случается, что люди, измѣряя истинну не по гражданскимъ законамъ, какъ имъ и должно, но по повелѣнію и наученію тѣхъ, кои въ разсужденіи общества или частными, или сторонними почитаются, и будучи отвращаемы предразсужденіями, не хотятъ повиноваться своимъ начальникамъ. И такъ опасеніе, происходящее отъ предразсужденій, ввергаетъ ихъ въ самое то, чего они опасаются. И что жъ погибельнѣе обществу быть можетъ, когда людей отъ повиновенія своимъ начальникамъ, то есть, самымъ законамъ, или лучше сказать, отъ справедливости устрашеніемъ вѣчнаго мученія отвлекаютъ? Нѣкоторые такъ же верьховную власть раздѣляютъ такимъ образомъ,: чтобъ опредѣленіе брани и мира зависѣло, отъ воли Государевой; распоряженіе же казны другимъ бы было предоставлено. Но какъ деньги почитаются укрѣпленіемъ мира и брани, то раздѣляющіе, или не самую должность раздѣляютъ, присвоивая всю власть тѣмъ, въ коихъ вѣденіи находяться деньги, а другому оставляя одно токмно имя; или ежели самымъ дѣломъ ея раздѣляютъ, то разрываютъ общество; ибо ни брань при самомъ ея дѣйствіи, ни общее спокойствіе безъ денегъ съ успѣхомъ продолжаться не можетъ.

6. Простой народъ утверждаетъ, что вѣра и благочестивая жизнь не собственнымъ тщаніемъ и здравымъ разсужденіемъ пріобрѣтаемы, но единственно выше естественнымъ вдохновеніемъ вливаемы бываютъ. Ежели бы сіе справедливо было, то не знаю, для чего намъ должно отдавать отчетъ въ нашей вѣрѣ, или для чего всякой православной христіанинъ не пророкъ, или на конецъ для чего каждой между тѣмъ, что дѣлать и чего убѣгать

должно,

должно, не ищетъ лучше различія въ собственномъ проразумѣніи, нежели въ узаконеніяхъ, верьховными правителями издаваемыхъ? И по сему надлежало бы всѣмъ частнымъ членамъ имѣть свѣденіе о добрѣ и злѣ; чему безъ разрушенія общества быть не можно. Мнѣніе сіе весьма далеко по хрістіанству распространилось, такъ, что число отступившихъ отъ здраваго разсужденія почти безконечно: а произошло оно отъ нѣкоторыхъ невѣждъ, кои изъ чтенія книгъ затвердивъ нѣсколько священныхъ словъ, въ поученіяхъ своихъ такъ ихъ соплѣтать навыкли, что рѣчь ихъ, хотя и ничего незначущая, несмысленнымъ Божественною кажется. И по истиннѣ кто проповѣдуетъ слово Божіе хотя и несмысленно, но посреди толпы народной, того неотмѣнно почтутъ тамъ свыше вдохновеннымъ.

7. Седьмое вредное для обществъ внушеніе есть сіе: *что каждый гражданинъ вещи, до него принадлежащія, имѣетъ въ полной своей власти.* Симъ утверждается такая собственность, на которую не только прочіе граждане, но и самое правительство никакого права имѣть не можетъ. Однакожъ сіе мнѣніе несправедливо; ибо у всѣхъ частныхъ владѣтелей въ силу гл. 8, ст. 5, никакой нѣтъ собственности по тому, что общество по своему установленію надъ всѣми гражданами верьховную власть имѣетъ. Прежде, нежели подверглись люди правленію гражданскому, ни кто не имѣлъ права какую либо вещь называть собственною; но все было всѣмъ общее. И такъ спроса присвояющаго чтолибо себѣ: откуда ты ввелъ сію собственность; ежелибъ гражданство тебѣ ея не уступило? Но и какъ могло уступить оную гражданство; естьлибъ всѣ ему своими правами не поступились? Слѣдовательно и ты свое право

отдалъ ему же, а по сему собственность и долговременность твоего надъ вещію владѣнія зависитъ не отъ тебя, но отъ воли общества: такъ, какъ и въ семействѣ, каждый сынъ имѣетъ какую либо собственность до толѣ, пока ему отецъ пользоваться ею дозволитъ. Но несравненно большая часть людей, да еще одобряющая гражданское состояніе и его благоустройство, со всѣмъ иначе умствуетъ. Всѣ мы, говорятъ они, по своему естеству между собою равны, и ни какой причины нѣтъ, для которой бы кто мою вещь отнять имѣлъ большее право, нежели я его. Вѣдаемъ, что для общаго защищенія потребны иногда и деньги: но пусть требующій ихъ докажетъ, что онѣ нужны, и пусть возмутъ у тѣхъ, кто дать ихъ согласенъ. Однако же сіи столь несмысленно умствующіе не вѣдаютъ того, что все то, противъ чего они ропщутъ, сдѣлано еще при самомъ установленіи сообществъ: и по тому утверждая оное, яко бы въ соединенномъ множествѣ, а не въ устроенномъ гражданствѣ, нечто инное, какъ устроенное разрушаютъ.

8. На конецъ гражданскому, а особливо единоначальному правленію вредно, ежели повинующіеся ему люди не знаютъ истиннаго различія между *множествомъ и народомъ. Народъ* есть нѣчто единое, которому *единую волю и одно дѣйствіе* приписать можно: множеству ничего таковаго присвоить нельзя. Народъ во всякомъ гражданствѣ, а по тому и въ единоначальномъ, правительствуетъ; ибо желаніе его чрезъ желаніе *единаго лица* изъявляется: *множество же* гражданъ, то есть, подданныхъ изображаетъ. Въ *народоначальныхъ и вельможеначальныхъ* правленіяхъ *множество граждане, народъ же правители* составляютъ: равнымъ образомъ и въ *единоначаліи*

начальи подданныхъ множествомъ, а *самодержца народомъ* именовать должно. Не свѣдущая *чернь* и прочїе не понимающїи сего раздѣленїя, *великое число людей* почитаютъ всегда за *народъ*, то есть, за *лице гражданское*, и обыкновенно въ разговорахъ употребляютъ: общество взбунтовало противу *Государя* [чему со всѣмъ быть невозможно]. И когда неспокойные и легкомысленные подданные показываютъ къ чему либо свое желанїе или отвращенїе: то говорятъ: сего желаетъ, или не желаетъ *народъ*, усиливая чрезъ сїе ложное о *народѣ* понятїе частныхъ людей противу *общества*, то есть: *множество* противу *народа*. Сими то мнѣнїями зараженные граждане навудобнѣйшимя къ бунту быть могутъ: и ежели верьховные въ обществахъ правители должны сохранять важность своего величества, то *преступленїе по оскорбленїи* величества естественно съ ними соединяется.

9. Весьма скученъ для человѣка недостатокъ во всѣхъ вещахъ, или по крайней мѣрѣ неимѣнїе тѣхъ, кои къ продолженїю жизни, и сохраненїю достоинства нужны. И хотя всѣмъ извѣстно, что богатство трудами собирать, и умѣренностїю сберегать должно: однако всѣ недостаточные не на свое нерадѣнїе, или роскошъ, но на правительство обыкновенно жалуются, прилагая къ тому, что частный ихъ достатокъ употребленъ на общественныя нужды. Но человѣкъ долженъ разсуждать такъ, что не имѣющему родительскаго наслѣдїя, не только трудиться для поддержанїя своея жизни, но и труды свои вооруженною рукою обезопасить потребно. Каждой изъ Евреевъ, строившихъ во времяна Эздры Іерусалимскїя стѣны, одной рукой исправлялъ работу, а въ другой держалъ мечь. Во всякомъ гражданствѣ должно представлять, что рука держащая мечь есть Царь, или главное правительство; и она не

отмѣнно должна снабдѣваема быть всѣмъ нужнымъ отъ той руки, которою всякъ себѣ счастіе въ жизни созидаетъ. Да и пошлины и прочія собираемыя съ гражданъ подати суть нѣчто инное, какъ плата тѣмъ, которые находясь безпрестанно во оружіи, смотрятъ токмо того, чтобъ набѣги непріятельскіе не воспрепятствовали каждому успѣвать въ своей должности. По чему несправедливы жалобы тѣхъ, кои бѣдность свою приписываютъ общественнымъ сборамъ: это то же самое, какъ бы сказали они, что обѣдняли отъ заплаты своихъ долговъ. Но большая часть людей о семъ не разсуждаютъ; ибо они тоже почти думаютъ, что и страждущіе въ ночи болѣзнію, называемою постѣнь. Сія болѣзнь произходитъ отъ сгустившейся въ жилахъ мокроты: однако заставляетъ людей думать, будто бы что ни будь на нихъ наваливается, и тяжестію своею тѣснитъ и давитъ. А что почитающіе себя утѣсненными обществомъ, склонны къ бунту, и что для тѣхъ все старинное скучно, коимъ новизна пріятна, сіе довольно извѣстно изъ опытовъ.

10. Другое неудовольствіе, вредное обществамъ, есть тѣхъ, которые живучи въ праздности, не имѣютъ достоинствъ. Всѣ по природному побужденію стараются о чести и знатности; а больше тѣ, кои мало о нужныхъ вещахъ заботятся. Ибо таковымъ самая праздность придаетъ причину или разсуждать между собою о обществѣ, или читать историческія, ораторическія, политическія и другія книги, которыя подаютъ имъ поводъ думать о себѣ, что остроумие и навыкъ къ управленію важнѣйшими дѣлами довольно способными ихъ сдѣлали. Но какъ не всѣ признающіеся способными, бываютъ дѣйствительно таковыми, да хотя бы сіе и воспо-

слѣдовало

слѣдовало, однакожъ по множеству ихъ не всѣ могутъ опредѣлены быть къ знатнымъ должностямъ: то надобно многихъ обходить. Слѣдовательно обойденные почитая себя обиженными, и какъ по ненависти къ предпочтеннымъ, такъ и по надеждѣ, знатнымъ чиномъ обольщающей, ни чего больше желать не могутъ, какъ только того, чтобъ сдѣланныя опредѣленія конецъ имѣли несчасливый. И такъ не удивительно, что новыя приключенія долго кроются въ сердцахъ честолюбивыхъ.

11. Между страстями причиняющими бунтъ, напопаснѣйшая есть надежда на преодолѣніе. Ибо хотя великое число будетъ людей, наполненныхъ умыслами противъ правительства и спокойствія общественнаго, хотя много будетъ обиженныхъ и раздраженныхъ тѣми, кои въ обществѣ уважены: но ежели на преодолѣніе нѣтъ основательной надежды, то ни какого не призойдетъ бунта. Всѣ умолкнутъ, и согласятся лучше снести несносную обиду, нежели подвергнуть себя ужасному послѣдствію. Къ составленію сей надежды четыре принадлежности потребны: число, орудія, взаимная вѣрность и предводители. Безъ великаго числа вооружиться противу главнаго правительства не есть бунтъ, но отчаянность. Чрезъ орудія разумѣю я военные снаряды и всякой запасъ, коихъ есть ли нѣтъ, число, какъ бы велико ни было, ни чего сдѣлать не можетъ: такъ какъ и военные припасы безъ взаимной вѣрности, да и все сіе не важно безъ соединенія подъ предводительствомъ одного, которому бы повиноваться не по обязанности, яко бы его власти самовольно предались, но почитая его храбрость и искусство военное, или по сходству желаній, всѣ согласились. Ежели четыре сіи принадлежности

будутъ имѣть оскорбленные, и справедливость свою собственнымъ разсудкомъ измѣряющіе люди: то къ возмущенію и смятенію общества не будетъ у нихъ только доставать такого человѣка, которой бы могъ подѣйствовать въ нихъ своимъ поощреніемъ.

12. Свойства Катилины, изъ всѣхъ смертныхъ къ бунтамъ наиспособнѣйшаго, Саллюстій описываетъ такъ: что онъ былъ довольно краснорѣчивъ, а разуменъ мало. Онъ краснорѣчіе отъ разума отдѣляетъ, присвоивая первое мятежному духу, а послѣдній признавая основателемъ спокойствія. Краснорѣчіе двоякое есть: одно то, которое изъясняетъ важныя мнѣнія и высокія мысли, и происходитъ или отъ подробнаго вникания въ самыя дѣла, или отъ разумѣнія словъ взятыхъ въ собственномъ и точномъ ихъ знаменіи: другое же возбуждаетъ душевныя страсти, какъ то: надежду, страхъ, гнѣвъ, милосердіе и проч. и происходитъ отъ переноснаго употребленія словъ [метафорическаго,], которое весьма способно къ возбужденію чувствованій. Первое составляетъ рѣчь, изъ истинныхъ началъ выведенную: а другое изъ принятыхъ уже мнѣній, каковы бъ онѣ нибыли, оную сплѣтаетъ. Первое основано на логикѣ, последнее же на риторикѣ. Перваго конецъ есть открытіе истинны: послѣдняго же преодолѣніе. Первое въ разсужденіяхъ, а другое въ совѣтованіяхъ употребительно; ибо первое ни когда не разнствуетъ отъ мудрости и здраваго разсужденія, а послѣднее почти всегда. А что сіе убѣждающее краснорѣчіе несовмѣстное съ истиннымъ разсужденіемъ, свойственно есть тѣмъ, кои людей къ новымъ предпріятіямъ возбудить и поощрить стараются; довольно явствуетъ изъ самыхъ дѣлъ, ими намѣряемыхъ:

ваемыхЪ; по тому, что имЪ не можно бы было толпу людей заразить вздорными мнѣніями, противными спокойствію и союзу общества, ежели бы сами тѣхЪ же не держались. И что жЪ сіе, какЪ несовершенную глупость означаетЪ? КакЪ можно почесть, чтобЪ тотЪ хотя мало былЪ просвященымЪ, кто не знаетЪ, отЪ чего законы важность свою имѣютЪ; какія правила суть добра и зла, честнаго и безчестнаго; что правильно и неправильно, что людей спокойствіемЪ ограждаетЪ, и вЪ томЪ ихЪ хранитЪ, и что оное нарушаетЪ; чево на конецЪ должно себѣ желать [дабы тожЪ дѣлать и другому] и проч.? А что они сердца слушателей своихЪ обуять, и подѣйствовать вЪ представленіи худаго злѣйшимЪ и правильнаго неправильнымЪ, надежду ихЪ увеличить и бѣдствія умалить безЪ твердыхЪ доказательствЪ могутЪ: тому причиною красворѣчіе, не то, которое вещи вЪ самой ихЪ точности изъясняетЪ, но другое, которое дѣлая вЪ духѣ движеніе, мечтаетЪ все такЪ, какЪ предварительныя внушенія понять ихЪ убѣдили.

13. Не рѣдко случается такЪ же, что усерднѣйшіе общества члены по неразумію своему подаютЪ причину кЪ мятежу, когда во училищахЪ отрокамЪ и всѣму народу преподаютЪ ученіе, сЪ вышеписанными мнѣніями сходственное: но симЪ они расположить токмо и успособить кЪ оному могутЪ. Желающіе же сіи ихЪ способности произвесть вЪ дѣло, весь трудЪ своея предпріимчивости вЪ томЪ полагаютЪ, чтобЪ привесть первѣе несовершенно возмущенныхЪ вЪ заговорЪ и единомысліе, а по томЪ получить вЪ томЪ заговорѣ важность. Они дѣлаются посредственниками и толкователями мнѣній и дѣйствій каждаго гражданина; назначаютЪ людей

и мѣста для сходбища и разсужденія о тѣхъ дѣлахъ, кои правленію гражданства новой видъ по ихъ желанію дать должны: а для пріобрѣтенія начальства, въ самомъ заговорѣ нѣкое соединеніе составляютъ, то есть: съ небольшимъ числомъ особливо тайное устроиваютъ сходбище, въ которомъ распоряжаютъ, что предлагать кому въ общемъ собраніи, какимъ порядкомъ говорить, и чѣмъ сильнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ между простонародіемъ людей къ своему мнѣнію привлечь должно. И такъ составя многочисленный скопъ, единымъ своимъ краснорѣчіемъ путеводимый, возжигаютъ всѣхъ ко исполненію утвержденнаго предпріятія, такъ, что иногда со всѣмъ овладѣютъ обществомъ, иногда же раздирая оное, междоусобную брань возраждаютъ. Въ семъ случаѣ краснорѣчіе и бѣшенство совокупно стремятся къ превращенію общества такъ, какъ нѣкогда дщери Пелея царя Ѳессалійскаго [по баснословію] съ Медеею заговоръ противъ своего отца дѣлали. Онѣ желая старцу возвратить младость, изрубили ево по совѣту Медеи въ куски, и бросили во огнь, въ ожиданіи того, что онъ оживетъ. Такимъ же образомъ и непросвященная чернь, обманутая тщеславныхъ людей краснорѣчіемъ, какъ Пелеевы дщери волшебствомъ Медеи, желая старое правленіе обновить, воспаленіемъ неустройствъ и раздѣленіемъ не обновляютъ, но погибели предаютъ собственное свое отечество.

ГЛАВА

ГЛАВА ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

О должностяхъ правителей, верьховною властїю въ обществѣ уполномоченныхъ.

1 е. Какїя должности граждане и подданные хранить, и какую надъ ними власть владѣтели во всякомъ образѣ правленїя имѣть долженствуютъ; все сїе изъ вышеписаннаго усмотрѣть можно. Остается сказать о должностяхъ самихъ владѣтелей, и о томъ, какимъ образомъ съ подданными поступать они обязаны. Во первыхъ надобно положить различїе между правомъ верьховныя власти, и самымъ правленїемъ, кои раздѣляться могутъ особливо, когда уполномоченный правомъ тѣмъ или не можетъ, или не хочетъ самолично вступить въ разсужденїе о дѣлахъ и въ разбиранїе распрей. Ибо Царямъ, иногда и самой возрастъ не дозволяетъ входить въ правленїе: нѣкоторые же хотя и могутъ входить, но поставляютъ за лучшее управлять обществомъ чрезъ собранїе, изъ Министровъ и совѣтниковъ составленное. Гдѣ раздѣляется право отъ исполненїя должности правительской: тамъ правленїе гражданства подобно обыкновенному правленїю пространнаго мїра, коимъ всеблагїй Богъ, движущїй вся мановенїемъ, производитъ естественныя дѣйствїя чрезъ союзъ причинъ послѣдующихъ. Гдѣ же имѣющїй право государствованїя самъ во всѣхъ судахъ, совѣщанїяхъ и общественныхъ дѣйствїяхъ присутствовать желаетъ: тамъ правленїе подобно есть тому, въ коемъ бы Богъ, кромѣ естественнаго

ственнаго порядка, во всѣ веществѣ случайности входилъ самъ безпосредственно. И такъ въ сей главѣ упомянемъ мы кратко о должностяхъ тѣхъ особъ, которыя или самолично, или посредствомъ другихъ управляютъ. Ибо намѣреніе мое не въ томъ состоитъ, чтобъ въ тонкость разсматривать все то, въ чемъ одинъ владѣтель отъ другаго различествовать можетъ: по чему все сіе особливымъ въ каждомъ обществѣ политическихъ дѣлъ писателямъ я оставляю.

2 е. Всѣ Должности владѣтелей содержатся въ одномъ слѣдующемъ изреченіи: *общественное благо да будетъ верьховнѣйшимъ закономъ*. Ибо хотя имѣющіе высочайшую надъ народомъ власть и не могутъ подлежать законамъ отъ человѣческаго произволенія происходящимъ, по тому, что быть главнымъ властителемъ и купно подчиненнымъ, заключаетъ въ себѣ взаимное противорѣчіе: однако должность требуетъ, чтобъ во всемъ, сколько можно, послѣдовали здравому разсужденію, всѣ законы естественной, нравственной и божественной въ себѣ заключающему. И какъ государства уставлены для пріобрѣтенія спокойствія, спокойствія же желали всѣ для утвержденія благополучія: то конечно бы верьховный правитель поступилъ противъ правилъ спокойствія, а слѣдовательно и противъ закона естественнаго, ежели бы управлялъ государствомъ не такъ, какъ требуетъ народное благополучіе. Сіе самое благополучіе народа не только издаетъ чрезъ себя законъ, по которому владѣтели познаютъ свои должности, но и дѣлаютъ имъ наставленіе быть благодѣтелевьми; ибо могущество гражданъ есть могущество самаго гражданства, то есть: того лица, которое верьховную въономъ власть имѣетъ.

3 е. Чрезъ слово сіе *народъ* разумѣется здѣсь не една особа, т. е: не правительство гражданское, но множество гражданъ управляемыхъ; ибо правительство гражданское не для себя, но для всѣхъ гражданъ уставлено: однако разсмотрѣніе онаго не должно быть относительно къ одному, или другому часто, по тому, что всякой владѣтель составляетъ благополучіе гражданъ посредствомъ законовъ, простирающихся до всѣхъ не исключительно. И по тому тогда онъ по должности поступаетъ, когда все тщаніе полагаетъ въ томъ, чтобъ его установленія весьма многимъ и на должайшее время были полезны, и чтобъ утѣсняли токмо тѣхъ, кои общественное спокойствіе утѣснить покусятся; понеже общее благополучіе требуетъ иногда того, чтобъ злодѣямъ зло и воздаваемо было.

4 е. Чрезъ благополучіе должно разумѣть не только сохраненіе какими ни будь средствами жизни, но всякое въ оной возможное блаженство. Ибо люди въ общежительства стеклись добровольно для того, чтобъ съ большею пріятностію могли препровождать жизнь, человѣческимъ состояніемъ дозволяемую. И такъ воспріявшіе на себя въ обществѣ правленіе верьховной власти дѣлали бы противу довѣренности поручившихъ имъ государственное правленіе, а слѣдовательно и противъ естественнаго закона: ежели бы не отступая отъ законовъ, облѣнилисъ удовольствовать гражданъ не только нужнымъ къ продолженію жизни, но и ко услажденію способнымъ. Чтожъ касается до Государей, пріобрѣтшихъ владѣніе оружіемъ, и желающихъ, чтобъ подданные ихъ и духомъ и тѣломъ способны были къ ихъ службѣ: то поступили бы они въ противность намѣренію своему, ежели бы не старались довольствовать ихъ и нужнымъ къ продолженію жизни, и ко укрѣпленію силъ потребнымъ.

5. И во перьвыхъ всѣ владѣтели утверждаютъ, что къ вѣчному спасенію весьма потребно истинное о Богѣ познаніе, и то почтеніе, какое воздавать ему должно. Предполагая сіе мнѣніе, можно сдѣлать вопросъ погрѣшаютъ ли верьховные правители противу естественныхъ законовъ тогда, когда ученія и богопочитанія, по ихъ мнѣнію вѣчному гражданъ блаженству споспѣшествующаго, преподавать и внушать не повелѣваютъ, или противныя онымъ мнѣнія въ народныя сердца вкореняться допустятъ? Правда, что въ семъ случаѣ поступаютъ они противу собственныя совѣсти, и какъ видно, вѣчныя подданнымъ погибели желаютъ. Ибо есть либъ оные не желали, то не могу я изъискать причины, для чего допускаютъ они, [когда верьховная власть удалена отъ всѣхъ принужденій] столь противныя разсѣвать плевелы, и будучи удостовѣрены о совершенномъ оныхъ осужденій, видимаго бѣдствія отвратить не потщатся? Но предадимъ сіе затрудненіе молчанію.

6. Выгоды же гражданъ, въ сей жизни предусматриваемыя, можно раздѣлить на 4: рода. 1, Чтобъ были они защищены отъ внѣшняго непріятеля. 2, Чтобъ наслаждались внутреннимъ мира благосостояніемъ. 3. Что бъ обогащены были столько, сколько общественная безопасность дозволитъ. И 4, чтобъ безвредною вольностію пользовались: сверьхъ же четырехъ сихъ предмѣтовъ верьховные правители своимъ подданнымъ ни чего доставить не сильны.

7. Къ народному защищенію потребны *предупѣждомленіе* и *предукрепленіе*. Ибо состояніе обществъ между собою всегда бываетъ естественное, то есть, бранное, въ которомъ хотя и прекращаются нѣкогда непріятельскія дѣйствія, однако жъ

прекращеніе

прекращеніе сіе не миромъ, но отдохновеніемъ назвать должно; потому, что воономъ непріятели, примѣчая взаимныя движенія и мысли, о безопасности своей не по утвержденному договору, но по силамъ и предпріятію противниковъ разсуждаютъ. И такъ къ общественному защищенію потребны такіе люди, которые бы всѣхъ, вредить могущихъ державъ, мысли и движенія отгадать, или извѣдать способность имѣли. Вѣрные шпіоны имѣютъ такое же отношеніе къ верьховнымъ правителямъ, какое солнечные лучи къ душѣ человѣческой. И по истиннѣ не въ естественномъ, но во политическомъ умозрительствѣ пристойнѣе выговорить, что внѣшнія предмѣты, чувствованію и разумѣнію подлежащіе, къ человѣческой душѣ [то есть къ верьховнымъ правителямъ] не примѣтно посредствомъ воздуха переносятся. По чему столько же оные потребны ко утвержденію общественнаго благосостоянія, какъ и солнечные лучи къ поддержанію человѣческаго здравія.

8. Предукрѣпленіе же состоитъ въ томъ, чтобъ войско, оружія, флоты, крѣпости и знатная сумма денегъ до предстоящей еще опасности были въ готовности, Ибо по претерпѣніи непріятельскаго вреда, набирать воиновъ, и готовить оружіе, еже ли со всѣмъ не невозможно, по крайней мѣрѣ поздо. Равнымъ образомъ строеніе на выподныхъ мѣстахъ укрѣпленій, и постановленіе гарнизоновъ во время непріятельскаго нападенія, сходственно бы было съ дѣйствіями тѣхъ крестьянъ, которые, по словамъ Демосѳена, не упражняясь въ шпажной битвѣ, разныя части своего тѣла прикрываютъ щитами тогда, когда удары почувствуютъ. Кто же думаетъ потребныя на содержаніе войскъ, и на прочія военныя

издержки

издержки деньги собрать во время открывающейся опасности: тотъ со всемъ не разсуждаетъ, съ какимъ трудомъ столь великое число вдругъ отъ слабыхъ подданныхъ получить можно? Онъ невѣдаетъ того, что всякой почти человѣкъ положенныя въ своей кладовой вещи считаетъ своими собственными до того, что вмѣняетъ себѣ въ обиду, ежели хотя малую оныхъ часть на общественныя иждивенія удѣлять принужденъ будетъ: прочіе же доходы, какъ то: пошлины съ товаровъ собираемыя и пр. не могутъ составить такой суммы, каковая для выдержанія брани потребна. Слѣдовательно общественное благосостояніе требуетъ того, чтобъ деньги на военныя издержки въ мирное время были изготовлены. И такъ, когда извѣстіе о непріятельскихъ намѣреніяхъ, содержаніе войска и гарнизоновъ, и наличная сумма весьма нужны верьховному правителю, для утвержденія общественнаго благосостоянія, которое снискивать закономъ естественнымъ они обязаны: слѣдуетъ изъ того, что посылать шпіоновъ, содержать войско, строить укрѣпленія, и собирать деньги, не токмо они могутъ, но и должны. Сверьхъ того имъ же верьховнымъ правителямъ всѣ силы, средства и хитрости на усмиреніе опасныхъ сосѣдей употреблять позволено; ибо должность и званіе ихъ требуетъ того, чтобъ всѣ понимаемыя несчастія предупреждены и отвращены были.

9. Сохраненіе же внутреннія тишины требуетъ большаго вниманія для того, что и къ возмущенію оныя [какъ въ прошедшей главѣ показано] множайшіе находятся способы. Изъ сихъ способовъ инные народныя сердца къ бунту устроиваютъ, инныеже устроенныя возбуждаютъ и поощряютъ.

отряютЪ. Между причинами устрoевающими, первое занимаютЪ мѣсто нѣкоторыя изкаженныя ученія: по чему сіи основанія изЪ народныхЪ сердецЪ изторгнуть, и вліять противныя верьховные правители обязаны. А понеже понятія не повелѣніемЪ, но поставленіемЪ, не строгостію наказаній, но ясными изтолкованіями вЪ сердца человѣческія впечатлѣваются: слѣдовательно для искорененія вышеписаннаго зла не на преступниковЪ, но на самыя преступленія законы предписать должно. Означенныя же вЪ прошедшей главѣ погрѣшности, благосостояніе общественное возмущающія, безЪразсуднымЪ людямЪ вперили вЪ голову частію несмысленные проповѣдники, частію же праздношатающіеся словесники, сими мнѣніями сЪ малолѣтства вЪ училищахЪ напоенные: по чему и правителю, правое ученіе вЪ общество ввести желающему, прежде всего ко училищамЪ и обратиться потребно. ОнЪ долженЪ указать, чтобЪ истинныя и ясно доказанныя основанія гражданскаго ученія вЪ нихЪ преподаваемы были: а изЪ сего воспослѣдуетЪ, что юноши, столь похвальныя мнѣнія почерпнувшія, непрестанутЪ наставлять своихЪ согражданЪ. Но при томЪ напомянуть должно, чтобЪ всякой правитель о истиннѣ предполагаемыхЪ и обЪясняемыхЪ положеній самЪ былЪ дѣйствительно увѣренЪ. Сія предосторожность со временемЪ великіе преподастЪ успѣхи; ибо когда частое слушаніе подѣйствовало и вЪ томЪ, что самыя ложныя и не вразумительныя мнѣнія многіе принять не усумнились; то праваго ли ученія, человѣческому чувствованію и природѣ вещей сообразнаго, вліять вЪ народныя сердца оное не поможетЪ? И *такЪ всякой ГосударЪ долженЪ указать, чтобЪ истинныя*

основанія

основанія гражданскаго ученія написаны, и въ находящихся подъ его властію училищахъ преподаваемы были.

10. Вторая причина, располагающая къ возмущенію, есть душевное сокрушеніе, отъ бѣдности происходящее: а сію бѣдность хотя иногда собственная роскошь, или глупость почувствовать гражданъ принудила, но не взирая на сіе, всѣхъ своихъ несчастій поставляютъ они виною правителя, и говорятъ, что несносные Государственные поборы довели ихъ до раззоренія. Правда, что таковыя жалобы бываютъ иногда основательны, то есть; ежели въ наложеніи общественныхъ тягостей пренебрежется равновѣсіе. Ибо всякая тяжесть, цѣлому обществу нечувствительная, весьма несносною почитается тогда, когда многіе отъ понесенія ея освобождаются: а при томъ не самую тяжесть, но единое токмо неравенство несноснымъ люди почитаютъ. И такъ для уничтоженія правильныхъ жалобъ, въ наложеніи податей верьховные правители должны наблюдать равновѣсіе. Сверьхъ того, когда всѣ въ Государственное хранилище сносимыя вещи, означаютъ цѣну, миръ доставляющую: то и потребно, чтобъ равные Государственнаго блага участники, равную подать платили.

11. Однако жъ подтвердить должно, что вышеписанное равенство не въ томъ состоитъ, чтобъ всѣ граждане одно, и то же самое количество денегъ Государству платили. Ибо хотя миромъ и пользуются они равномѣрно: но не равныя чрезъ него снискиваютъ благодѣянія, то есть: нѣкоторые не изщетныя пріобрѣтаютъ сокровища, другіе же не столь великія; а при томъ и издерживаютъ, инные болѣе, инные же меньше. Того ради слѣдуетъ теперь

вопросить:

вопросить: на приобрѣтеніе ли, или на издержки при наложеніи податей взирать должно? ежели при ономъ взираютъ на приобрѣтеніе, то граждане, равныя выгоды получившіе, стяжаютъ неравное по тому, что одинъ снисканное по своей бережливости сохраняетъ, другой же посредствомъ роскоши расточаетъ: слѣдовательно равные мирнаго благодѣянія участники общественныя тяжести несуть неравномѣрно. Есть ли же на самыя издержки, въ такомъ случаѣ всякой человѣкъ, расточая собственныя вещи, чрезъ самое расточеніе не чувствительно приноситъ обществу подать не съ дѣйствительнымъ, но съ приобрѣтеннымъ по благодѣянію его имѣніемъ сообразную. И такъ первый денежнаго сбора способъ равновѣсію, а слѣдственно и должности верьховныхъ правителей противенъ: второй же сходствуетъ съ обѣими.

12. Третіе неудобство, общество возмущающее составляетъ сердечное сокрушеніе отъ тщеславія раждающееся. Ибо много находится такихъ людей, которые почитая себя прочихъ разумѣйшими, и большую предъ градоначальниками способность ко управленію общественными дѣлами въ себѣ усматривая, при недостаткѣ другихъ способовъ къ открытію своихъ дарованій, открываютъ оныя чрезъ повреждение. Но понеже тщеславія и жадности къ чести изъ сердецъ человѣческихъ истребить не возможно: слѣдственно и не принадлежитъ сіе до верьховныхъ правителей должности. Для предупрежденія же оттуду происходящаго зла, при положеніи благоразумныхъ награжденій и наказаній, могутъ они подданнымъ внушать: что пути къ достоинству предлежатъ не чрезъ опорочиваніе настоящаго правленія, ниже чрезъ заговоры и народный слухъ, но чрезъ про-

противныя дѣйствія: что честные и прямые граждане суть тѣ, которые отческія преданія, законы и права соблюдають. И ежели ихъ наградять они почтенными званіями, не спокойныхъ же безъ соединеннаго съ презрѣніемъ наказанія не оставять: въ такомъ случаѣ воспослѣдуеть, что всѣ подданные болѣе въ послушаніи, нежели въ сопротивленіи искать будутъ славолюбія. А хотя и случается нѣкогда что упорному и сильному гражданину столько же угождають, какъ и свирѣпой лошади: однако оба сіи дѣйствія, первое невскуснаго ѣздока, другое же слабаго Государя означаетъ. Здѣсь же рѣчь идетъ о такихъ правителяхъ, которые безпредѣльную и неограниченную власть имѣютъ. Сіи то, повторяю я, послушнымъ подданнымъ благодѣтельствовать, упорныхъ же угнѣтать всею своею властію долженствуютъ; ибо безъ таковой строгости ни государственное могущество, ниже спокойствіе подданныхъ въ цѣлости пребыть не можетъ.

13. И такъ, когда уже укрощать упорныхъ подданныхъ Государи обязаны: слѣдуетъ изъ того, что разрушеніе и уничтоженіе *скопов*, существенную ихъ должность составляетъ. Скопомъ же называю я множество народа, или чрезъ взаимные договоры, или по наущенію какой либо сильной особы, безъ воли своего Государя, во единое лице совокупленное. Словомъ сказать: скопъ есть не что инное, какъ особенное въ нѣкоторомъ государствѣ сообщество; ибо, какъ въ естественномъ состояніи соединеніе многолюдства обществомъ, такъ и въ гражданскомъ новой союзъ скопомъ именуется. А въ силу сего опредѣленія [дефиниціи] всякое множество называется скопомъ тогда, когда оно нѣкоему не законному Государю, или простому гражда-

нину

нину покорностію обяжется, или о взаимномъ защищеніи противу всего человѣческаго рода, въ томъ числѣ и противъ верьховнаго своего правителя заключитъ договоръ между собою. Такожъ де не ограниченное къ частному человѣку доброжелательство народа, въ случаѣ нужды войско составить могущее, и при томъ не помѣрныя сокровища, чрезъ которыя всѣ удобовозможныя совершаются дѣйствія, нѣкоторой родъ онаго же скопа означаютъ. И такъ когда сообщества имѣютъ между собою естественное, то есть, неприятельское состояніе: слѣдовательно дать во оныхъ мѣсто скопамъ, есть тоже самое, какъ и приять во внутренность града неприятеля. Каковое дѣйствіе здравію и благоденствію гражданъ, а по сему и естественнымъ законамъ противно.

14. Къ обогащенію гражданъ потребны два средства: *трудолюбіе* и *бережливость*. Желательно бы было, чтобъ къ симъ *естественныя водныя и земныя богатства* присоединились. Есть и четвертый къ полученію онаго способъ, а именно: брань: но какъ сія весьма рѣдко народное поправляетъ состояніе, изнуряетъ же очень часто, того ради первые токмо три весьма необходимы. Ибо и на самомъ тѣсномъ островѣ поселившееся общество, хотя безъ земледѣлія и рыбныя ловли единымъ своимъ торгомъ и рукодѣліями процвѣтать можетъ: однакожъ присоединеніемъ къ себѣ нѣкоей области есть ли не получитъ приращенія, по крайней мѣрѣ при большемъ числѣ жителей, тѣми же выгодами довольствоваться будетъ. Чтожъ касается до бранья, сія подъ именемъ *добыванія* къ прочимъ обогатить могущимъ способамъ въ древнія времена была причислена; а при

томЪ отЪ всего человѢческаго рода, до учрежденія сообществЪ по семействамЪ разсѢяннаго, справедливымЪ и почтительнымЪ упражненіемЪ признана. По чему самыя наивеличайшія общества, а именно: Римское и Аѳинейское приобрѢтенными на брани сокровищами, завоеваніемЪ нѢкоторыхЪ областей, и присвоеніемЪ внѢшнихЪ пошлинныхЪ сборовЪ, нѢкогда поправили свое состояніе до того, что упустивЪ бѢднымЪ гражданамЪ всѢ собираемыя сЪ нихЪ подати, сокровища и поля поголовно дѢлили. Но при всѢхЪ сихЪ выгодахЪ не возможно ея назвать способомЪ, кЪ народному обогащенію служащимЪ потому, что брань для единаго токмо приращенія предпріятая, уподобляется картежной игрѢ, которая доводя до раззоренія многихЪ, рѢдкаго можетЪ поправить. И такЪ, когда состояніе гражданЪ подкрѢпляютЪ три способа, то есть: *естественныя водныя и земныя богатства, трудолюбіе и бережливость*: слѢдственно Государи обЪ оныхЪ токмо возстановленіи и стараться должествуютЪ. Для перьваго предмѢта потребно издать такіе законы, которые бы покровительствовали исскуству, земныя и водныя произведенія вЪ большее совершенство приводящему. Для втораго полезны будутЪ всѢ законы, истребляющіе лѢность, и кЪ трудамЪ гражданЪ поощряющіе: а при томЪ мореходное исскуство, [помощію котораго произрастѢнія цѢлаго свѢта, неусыпными снисканныя трудами, свозятся во единое мѢсто] Механика, [отЪ ксей самыя превосходныя рукодѢлія бытіе свое имѢютЪ] и Маѳиматическія знанія, какЪ источники обѢихЪ вышереченныхЪ наукЪ, вЪ отмѢнной чести содержать должно. Для третьяго же потребно постановить такіе законы, которыебЪ

торыебъ излишній расходъ наплатье, пищу, словомъ сказать, на всякія вещи употреблять запрещали. И какъ всѣ они клонятся къ одной цѣли, то есть, къ народному обогащенію: слѣдственно и составляютъ упражненіе верьховныхъ правителей.

15. Вольность гражданская состоитъ не воизъятіи отъ законовъ, ниже во ограниченности верьховнаго правителя: но какъ всѣ народныя дѣйствія и движенія никогда еще законами опредѣлены не были, да и опредѣлить ихъ по причинѣ великаго различія не возможно; слѣдственно находится неизчетное множество такихъ, которыя каждому гражданину на собственное отданы разсмотрѣніе. Въ сихъ то обстоятельствахъ пользуемся мы дѣйствительною вольностію, то есть, тою естественнаго права частію, которую гражданскіе законы безъ всякаго вниманія оставили. Какъ вода, со всѣхъ сторонъ брегами окруженная, стоитъ и портится, неимѣющая же ни какихъ препятствій разливается, и тѣмъ свободнѣе течетъ, чѣмъ большія находитъ отверстія: такъ и граждане, безъ позволенія законовъ ни чего предпринять не смѣющіе, пребыли бы недвижимыми, не имѣющіе же отъ нихъ никакого препятствія разсѣялись, и тѣмъ большею бы воспользовались вольностію, чѣмъ большая естественнаго права часть оными бы были обойдена. Обѣ сіи крайности вредны и непростительны; ибо, какъ брега не къ пресѣченію, но ко управленію воднаго теченія естество, такъ и законы не для уничтоженія, но для исправленія человѣческихъ дѣйствій, благоразуміе предуставило. Измѣреніемъ сея вольности долженствуетъ быть общественное и частное благо. И такъ верьховные правители и законодавцы, установленіемъ большаго числа законовъ, нежели ко

общественному благоденствію оныхъ потребно, противу собственныя своея должности погрѣшаютъ. Ибо, когда о томъ, что дѣлать и чего убѣгать должно, по большой части обыкли смертные разсуждать не съ законами, но съ естественнымъ разумомъ сообразуясь: гдѣ же издано будетъ такое оныхъ множество, которое въ человѣческомъ понятіи вмѣститься не можетъ, а при томъ воспящены ими будутъ дѣйствія, благоразуміемъ позволяемыя; въ такомъ случаѣ подданные по своему невѣденію запутаются въ законахъ, какъ въ сѣтяхъ, поставленныхъ противъ безвредныя вольности, которую имъ сохранить верьховные правители закономъ естественнымъ обязаны.

16. Большая часть обществу безопасныя, и къ спокойствію каждаго гражданина потребныя вольности состоитъ въ томъ, чтобъ люди ни какихъ наказаній, кромѣ ощутительныхъ и извѣстныхъ не боялись. А сіе положеніе въ дѣйство произвесть можно тогда, когда или ни какихъ не опредѣлено наказаній, или болѣе опредѣленныхъ взыскивать не позволено. Гдѣ оныя законами не назначены, тамъ первый преступникъ, ожидая неизвѣстнаго наказанія, объятъ бываетъ безпредѣльнымъ по неограниченности преступленія и страхомъ. И какъ естественный законъ не подвластнымъ гражданскому закону особамъ повелѣваетъ въ семъ случаѣ поступать по предписанію 11. ст. глав. 3: слѣдственно верьховнымъ правителямъ во отмщеніи не на содѣянное преступленіе, но на предбудущее благо взирать должно. А посему не право мыслятъ всѣ тѣ, которые общественную пользу измѣреніемъ произвольныхъ наказаній не поставляютъ. Гдѣ же законъ говоритъ такъ: *не твори сего, да не воспріимешь извѣстнаго наказанія*: въ такомъ состояніи оскорбить

бить преступника болѣе предписаннаго естественный законъ возпрещаетъ. Ибо наказанія положены съ тѣмъ, чтобъ безъ всякаго утѣсненія исправить и съ намѣреніемъ законоположника сообразить человѣческую вольность: а при томъ самое разсужденіе, есть аки бы изслѣдованіе на вѣсахъ выгодъ и неудобствъ, съ человѣческими дѣйствіями соединенныхъ, на коихъ большая тяжесть не минуемо въ наклоненіи и оказывается. И такъ, ежели законодатель на преступленіе положитъ такое наказаніе, которое предоставитъ большее предъ страхомъ мѣсто пороку: то сію излишность, какъ первообразную преступленій причину, ему и приписать должно. И ежели вздумаетъ онъ истребить ея большимъ противу положеннаго въ законахъ наказаніемъ: въ такомъ случаѣ взыскивать будетъ на другихъ самое то, что на себѣ взыскать ему надлежало.

17. Сверхъ того къ безвредной и необходимой гражданской вольности принадлежитъ еще и то, чтобъ каждый общества членъ собственнымъ правомъ спокойно всѣмъ пользоваться. Что въ томъ, что помощію закона различимъ мы собственное, отъ чужаго: когда неправосудіе, грабительство и разбой доведутъ сіе различіе до неустройства? А всѣ сіи пороки легко могутъ возгнѣздиться въ такомъ обществѣ, въ которомъ судіи страстьми напоенны. Ибо страхъ, отъ злыхъ дѣйствій человѣческій родъ удерживающій, не отъ установленія, но отъ употребленія наказаній происходитъ; а особливо, когда почти весь человѣческій родъ судитъ о будущемъ по прошедшему, и весьма рѣдко ожидаетъ того, что рѣдко въ обществѣ случается. И такъ, когда судьи дарами, благодарностію, или

милосердіемъ отъ истиннаго пути отвлеченные, не рѣдко будутъ уничтожать положенныя преступникамъ наказанія, а чрезъ сіе многимъ беззаконникамъ подадутъ поводъ ласкаться таковымъ же послабленіемъ: въ такомъ случаѣ благонравнымъ гражданамъ, толпою убійцевъ, грабителей и обманщиковъ окруженнымъ, не возможно будетъ свободно между собою обращаться; такъ, что на конецъ разрушится самое общество, и право защищаться собственною силою къ каждому человѣку возвратиться.

И такъ естественный законъ повелѣваетъ верьховнымъ правителямъ не токмо самолично наблюдать правосудіе, но и поставленныхъ отъ себя судей къ тому же принуждать наказаніемъ: то есть: что бъ они внимали народнымъ жалобамъ, и въ случаѣ нужды назначали чрезвычайныхъ судей, для разсмотрѣнія дѣлъ, во учрежденныхъ правительствахъ производимыхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

О законахъ и преступленіяхъ.

1. Не вникающіе въ силу словъ писатели смѣшиваютъ *законъ* иногда съ *совѣтомъ*, иногда же съ *договоромъ*. Въ перьвомъ случаѣ заблуждаютъ тѣ, кои думаютъ, что верьховные правители не токмо внимать, но и послѣдовать мнѣнію своихъ совѣтниковъ долженствуютъ: будьто бы не должно принимать совѣта тогда, когда онъ безъ всякаго

каго исполненія пребудетъ. Они не подумали о томъ, что вышеписаннаго раздѣленія должно искать въ находящемся между совѣтомъ и повелѣніемъ различіи. И такъ совѣтъ есть *мнѣніе*, въ коемъ причина нашего повиновенія изъ самыя предлагаемыя вещи происходитъ. Повелѣніе же есть такое завѣщаніе, въ коемъ вышеписанная причина изъ воли повелѣвающаго раждается. Ибо въ собственномъ смыслѣ не возможно сказать: *я сего желаю и требую*, есть ли вмѣсто причины произволеніе не означится. И какъ законамъ повинуемся мы не по самому дѣлу, но по изображенному въ нихъ повелѣвающаго произволенію: слѣдственно законъ не *совѣтомъ* но *повелѣніемъ* называется, А по сему должно его опредѣлить такъ: законъ *есть приказаніе того лица, (единаго человѣка, или совѣта) которое причину послушанія въ своей волѣ содержитъ.* Какъ то: Божіи заповѣди въ разсужденіи людей, общественныя повелѣнія въ разсужденіи гражданъ, и вообще всѣ приказанія сильныхъ, къ слабѣйшимъ относящіяся, законами отъ нихъ изданными именуются. И такъ между *закономъ* и *совѣтомъ* великое находится различіе, тѣмъ наипаче, что первый преподаютъ извѣстныя особы членамъ, подъ ихъ властію пребывающимъ: второй же бываетъ внушаемъ и такимъ, которые ни какой отъ совѣтающаго зависимости не имѣютъ. Предписанное *закономъ* должность: представляемое же *совѣтомъ* согласіе исполнять повелѣваетъ. *Совѣтъ* клонится къ концу приемлющаго: *законъ* же къ концу издающаго. *Совѣтъ* предлагаютъ по согласію: но *законъ* издаютъ и противу воли. На конецъ право *совѣтника* уничтожаетъ произволеніе того, кому оной

бываетЪ предлагаемЪ : право же *законодатца* законоисполнители по своей волѢ уничтожить не могутЪ.

2. СЪ договоромЪ смѢшиваютЪ его тѢ, которые приемлютЪ законы за правила жизни, согласїемЪ всего человѢческаго рода утвержденныя. Между прочими сего мнѢнїя послѢдователями Аристотель опредѢляетЪ его такЪ : *законЪ есть, определѢнная согласїемЪ всего человѣческаго роду рѣчь, показующая способЪ ко образованїю всѣхЪ нашихЪ дѣйствїй.* Каковое опредѢленїе гражданскїй токмо законЪ означаетЪ. Ибо явственно есть, что Божїи и естественные законы не отЪ человѢческаго согласїя начало свое имѢютЪ. И по истиннѢ естьли бы оные отЪ человѢческаго согласїя бытїе свое получили, вЪ такомЪ случаѢ онымЪ же могли бы быть уничтожены : но при всемЪ томЪ они не премѢнны. А сЪ верьхЪ того оное опредѢленїе и гражданскаго закона существеннымЪ назваться не можетЪ по тому, что общество вЪ немЪ приемлется или за единое лице, единую волю имѢющее, или за народное множество, частному человѢку полную волю предоставляющее. Естьли оно приемлется за единое лице, то слова *всеобщимЪ согласїемЪ* положены несправедливо по тому, что сЪ *единымЪ лицемЪ общее согласїе* не совмѢстно. А притомЪ *не показующая, но повелѣвающая* написать надлежало : понеже всякое общество, предписывая гражданамЪ нѢкїя правила, самымЪ симЪ предписанїемЪ оными повелѢваетЪ. СлѢдовательно чрезЪ общество разумѢлЪ онЪ многолюдство, общимЪ согласїемЪ правила жизни составлящее. А сїи правила означаютЪ взаимные токмо договоры, которые обязываютЪ насЪ не преждѢ какЪ по установленїи верьховныя власти, кЪ соблюденїи

онычЪ

оныхъ страхомъ понудить могущія. И такъ по словамъ Аристотеля будутъ они обнаженные и недѣйствительные договоры, которые и въ обществахъ, правленію подлежащихъ, законами имянуются тогда, когда отъ правителя будутъ одобрены. Изъ всего вышеписаннаго явствуетъ, что сіялъ онъ законъ съ договоромъ не основательно: понеже договоръ обѣщаніе, законъ же повелѣніе означаетъ. Въ договорѣ говорится *исполню*: въ законѣ же *исполни*. Договоромъ обязываемся: (*) закономъ же бываемъ обязаны. Договоръ обязываетъ насъ самъ собою: законъ же содержитъ насъ обязанныхъ силою повсемственнаго договора, о изъявленіи послушанія утвержденнаго. А по сему въ договорѣ образъ самаго дѣйствія обязательству предполагается: законъ же первѣе требуетъ нашея обязанности, а по томъ уже означаетъ дѣло, которое должны мы исполнить. И такъ Аристотелю гражданскій законъ надлежало опредѣлить слѣдующими словами: *гражданскій законъ есть изреченіе общества, повелѣвающее все то, что гражданину дѣлать потребно*. Что то же самое есть, что изречено отъ насъ 6. главы въ 9 статьѣ

3. *Законъ* съ *правомъ* смѣшиваютъ тѣ, которые всякое дѣйствіе, *правомъ Божіимъ* не запрещенное, почитаютъ позволеннымъ и тогда, когда отъ онаго *гражданскій законъ* насъ удерживаетъ. Правда, что закономъ Божіимъ позволеннаго запретить, а заповѣданнаго позволить *законъ* гражданскій не можетъ: однако жъ не будетъ ни какой погрѣшности, ежели симъ запрещено будетъ то, что *по праву Божіему* отъ нашего произволенія зависѣло; ибо *нижніе законы* хотя и несильны увеличить уступленныя намъ *вышними законами* вольности:

но

но стѣснить оную всегда могутъ. *Право же* есть *естественная вольность* не утвержденная, но оставленная законами. И ежели отнять законы, то останется вся цѣлая *вольность*, которую ограничиваютъ: первѣе *законъ Божіи* и естественный, сими оставленную *законъ гражданскій*: что же останется намъ отъ законовъ гражданскихъ, оное еще частныхъ городовъ и общежительствъ постановленія стѣсняютъ. И такъ *законъ* и *право* весьма между собою не сходствуютъ; ибо оный обуздываетъ насъ, а сіе даетъ вольность, и различествуютъ между собою, какъ противныя.

4. Законъ вообще можно раздѣлить на *Божескій* и *человѣческій*. Первый по образу, чрезъ который всеблагій Богъ изъявилъ смертнымъ свое благоволеніе, двоякій есть: *естественный* [*природственный*] и *положительный*. Естественнымъ называется тотъ, который Богъ содѣлалъ извѣстнымъ всѣмъ людямъ, посредствомъ врожденнаго имъ своего предвѣчнаго слова, то есть, естественнаго разума: положительнымъ же, который обьявилъ намъ чрезъ слово пророческое. Къ сему наименованію относятся всѣ законы, Іудеамъ о благочиніи и богопочитаніи преподанные: а можно наименовать ихъ законами Божіими положительными наиболѣе по тому, что они собственно изданы для особеннаго его Израильскаго народа. По томъ естественный законъ дѣлиться, на *естественный людей*, *собственно закономъ естественнымъ* имянуемый, и на естественные *обществъ*, иначе *закономъ народнымъ*, въ общемъ же употребленіи, *народнымъ правамъ* называемый. Обѣихъ сихъ законовъ завѣщанія одинаковы. Но какъ единожды установленныя общества воспріемлютъ видъ личныхъ человѣческихъ свойс-

свенностей

иностей; слѣдовательно тотъ же самый законъ, который въ разсмотрѣніи человѣческія должности естественнымъ именуется, приложенный къ каждому обществу и народу, правомъ народнымъ называютъ.

5. *Человѣческій законъ*, вообще есть *законъ гражданскій*. Ибо внѣ общества состояніе наше есть неприятельское, въ которомъ, по взаимной другъ отъ друга независимости, никакіе законы, кромѣ законовъ, естественнымъ разумомъ внушаемыхъ, мѣста не имѣютъ. Въ обществѣ же единый человѣкъ, или совѣтъ верьховною властію уполномоченный, бываетъ законодавцемъ: а по сему и законы въ ономъ изданные, гражданскими именуются. Сіи законы по различію предмѣтовъ, раздѣляются на *священные свѣтскіе*. Перьвые касаются до благочестія [то есть: какимъ образомъ избранныхъ особъ, вещи и мѣста посвящать? Какія ученія въ разсужденіи имени Божія общенародно преподавать? Такъ же, какимъ обрядомъ и изреченіемъ моленія ко оному возсылать должно?] и ни какимъ положительнымъ Божіимъ закономъ не опредѣляются. Понеже *законы гражданскіе священные*, суть законы человѣческіе, [*церьковными* такъ же именуемые] въ разсужденіи вещей священныхъ. *Законы же* свѣтскіе, общимъ именемъ законами гражданскими названы.

6. И такъ сіи гражданскіе законы, въ разсужденіи сугубыя законодателевой должности, раздѣляются на двѣ части: на *распредѣлителную* и *мстительную*, или наказательную. Перьвая раздаетъ должныя каждому гражданину права, то есть: предписываетъ о всѣхъ вещахъ правила, изъ коихъ бы могли узнать, что намъ и что другимъ собственно принадлежитъ; также чтобъ

сею собственностїю как мы другим, так и они нам спокойно пользоваться не возпрепятствовали; а при том, что кому дѣлать запрещено и что дозволено. Послѣдняя же преступникам наказанія назначает.

7. Закон *разпредѣлительный*, и *мстительный* не составляют два разные закона образа: но того ж закона двѣ части. Ежели бы на примѣр закон гласил так: *все твоею сѣтью из моря вытянутое, собственно тебѣ принадлежит*; в таком случаѣ сїе изреченїе пребудет тщетным, тѣм наипаче, что хотя посторонній и отнимет полученную на морѣ добычу, однако ж не возпрепятствует вытянувшему назвать ея своею. Понеже в естественном состояніи, по причинѣ свойственнаго каждому человѣку на всѣ вещи и дѣйствія права, собственное и чужое между собою не разнятся, и все законом *тебѣ* опредѣленное, и прежде еще тебѣ принадлежало, да и послѣ сего опредѣленія знаая принадлежность, хотя и другим употребляемая, не престает *твоею* именоваться. И так закон должен подѣйствовать в том, чтоб всѣ люди принадлежащим нам правом спокойно пользоваться ни когда не возпрепятствовали; ибо для утвержденія собственности в имѣніях не то потребно, чтоб нѣкто оными пользовался, но то, чтоб пользовался один, чего без обузданія прочих в дѣйство произвѣсть не возможно; а при том не наведя посредством наказаний ужаса, каким образом верьховная власть оных обуздает? И так недѣйствительны будут тѣ законы, в коих не содержатся обѣ части, возпрещающая наносить обиды, и обидящих наказующая. Первьвая, то есть: разпредѣлительная, называется *возпретительною*

тительною, и гласитъ ко всѣмъ: втораяже, иначе мстительная, имянуется *указательною*, и говоритъ токмо къ государственнымъ служителямъ.

8. Изъ чего выразумѣть можно, что со всякимъ гражданскимъ закономъ соединено наказаніе или *извѣстное*, или *не извѣстное*. Положимъ, что его на письмѣ не означено, положимъ, что не было еще ни единаго преступника, истязанію подлежащаго: но; все сіе невозпрепятствуетъ намъ назвать его произвольнымъ, то есть: отъ воли законодавца, или верьховнаго правителя зависящимъ. Въ противномъ же случаѣ пребудутъ недѣйствителными всѣ тѣ законы, кои безъ понесенія наказаній нарушать можно.

9. И понеже какъ опредѣленіе каждому гражданину собственнаго права, такъ и удержаніе оныхъ отъ взаимныхъ нападеній, произошло отъ законовъ гражданскихъ: слѣдовательно сіи завѣщанія: *воздай родителямъ почтеніе, законами опредѣленное; не отъемли жизни у такого человѣка, коего умертвить законы воспрещаютъ; убѣгай ложа, законами не дозволеннаго; безъ дозволенія господина чужія вещи не похищай; въ судѣ не лжесвидѣтельствуй*, суть правила, законами гражданскими имянуемыя. Естественные законы повелѣваютъ тоже самое, однако жъ безъ всякаго изтолкованія. Они завѣщаютъ не нарушать договоровъ, а слѣдственно воздавать почтеніе тѣмъ, коихъ почитать мы обѣщались; не нападать на стяжаніе ближняго тогда, когда собственное и чужое гражданскими законами отредѣлено будетъ. Граждане же повелѣніямъ, отъ верьховныя власти изходящимъ, то есть, законамъ гражданскимъ

при

при самомъ установленіи общества, а слѣдственно прежде, нежели могутъ оныя нарушить, повиноваться обязуются. Понеже естественный законъ стѣсняетъ насъ въ состояніи естественномъ, въ коемъ ни что чужимъ не именуется, а слѣдственно и похищать чужаго не возможно; въ коемъ все почиталось общимъ, а слѣдственно и сонтія позволены; въ коемъ господствовала брань, а слѣдственно не возбранены и убивства; въ коемъ собственнымъ каждаго человѣка разсужденіемъ всѣ движенія были опредѣляемы, а по сему и должныя родителямъ почтенія; и въ коемъ на конецъ ни какихъ общественныхъ судопроизводствъ, а слѣдственно и ни какихъ свидѣтельствъ въ употребленіи не было.

10. И какъ данное на соблюденіе гражданскихъ законовъ обязательство воспослѣдовало прежде постановленія оныхъ законовъ, то есть, при самомъ еще учрежденіи общества, гдѣ естественный законъ, возпрещающій нарушать договоры, повелѣваетъ хранить всѣ гражданскія учрежденія; понеже обязуясь повиновеніемъ, не вѣдая точности повелѣній, вообще и во всемъ должны повиноваться: слѣдовательно нѣтъ ни единаго гражданскаго учрежденія, которое бы естественному закону противорѣчило. Ибо, хотя естественный законъ и не позволяетъ намъ дѣлать грабительства: но ежели гражданскій повелитъ на что либо напасть, въ такомъ случаѣ сіе нападеніе не будетъ уже грабительствомъ именоваться. Лакедемонянамъ надлежало токмо въ законѣ дозволить юношамъ похищать чужія стяжанія, и похищенныя именовать собственными: а сіе дозволеніе и содѣлало, что реченныя похищенія не были въ воровство вмѣняемы.

11. Къ существу закона потребно вѣдать *лице, или правительство, верьховною властію*, то есть, *правомъ законодательнымъ* уполномоченное, и *разумъ самаго* закона. Ибо каждый человѣкъ невѣдая обязующаго лица, и повелѣнія его неразумѣя, повиноваться не можетъ, а посему и самое обязательство останется тщетнымъ. Утверждая сіе положеніе, я говорю, чтобъ законодательное лице и разумъ закона не безпрестанно были извѣстны, но единожды. А хотя послѣ и позабудетъ гражданинъ или право законодавца, верьховною властію уполномоченнаго, или самый законъ; но сіе забвеніе не умаляетъ даннаго имъ въ разсужденіи повиновенія обязательства; а особливо когда онъ слѣдуя естественному закону, въ состояніи припомнить всѣ сіи столь потребныя для себя свѣденія, ежели бы собственная его воля повиноваться ему невозпрещала

12. Чтобъ узнать законодавца, сіе зависитъ собственно отъ каждаго гражданина; понеже безъ взаимныхъ между смертными договоровъ, утвержденныхъ, или подразумѣваемыхъ, законодательнымъ правомъ ни кого уполномочить не возможно. Перьвый родъ договоровъ открывается тогда, когда они при самомъ соединеніи образъ правленія между собою опредѣляютъ, или избранной покоряются власти: послѣдній же, когда пользуются они благодѣтельною властію и законами нѣкоего лица, о защищеніи и охраненіи ихъ отъ сопротивниковъ пекущагося. Ибо ежели мы требуемъ отъ нашихъ сограждан повиновенія извѣстной власти для собственнаго нашего благоденствія, въ такомъ случаѣ единымъ симъ требованіемъ оную власть признаемъ законною. Слѣдовательно невѣденіемъ законодательныя власти никто оправдаться не можетъ, тѣмъ наипаче, что всякому человѣку собственныя его дѣйствія бываютъ извѣстны.

13. Познаніе законовъ зависитъ отъ законодателя, который неотмѣнно обнародовать ихъ долженъ: а иначе не будутъ они въ своей силѣ; понеже законъ есть законодателево повелѣніе, чрезъ которое воля его извѣстною бываетъ. Слѣдовательно безъ изъявленія законодателевой воли, законы существовать не могутъ. И такъ законы должно обнародавать. При обнародованіи открываются два предмѣта: перьвое, чтобъ обнародующіе или сами право законодательства имѣли, или употребляли его по довѣренности верьховныя власти. Второе, чтобъ разумъ закона былъ ясенъ. Что законы произходятъ отъ верьховныя власти, сего точно и судя Философически узнать не возможно. Государь обьявляетъ ихъ извѣстнымъ особамъ, которымъ прочіе должны вѣрить но сія вѣроятность основана на такихъ причинахъ, коимъ возпротивиться ни какъ не возможно. И по истиннѣ, когда въ народоначальномъ правленіи, въ которомъ во время постановленія законовъ каждому гражданину мнѣніе свое подавать позволено, отсутствующіе присутствующимъ вѣрить обязаны: то кольми паче въ единоначальномъ обществѣ, гдѣ извѣстнымъ токмо особамъ при Государѣ быть, и его повелѣнія слышать уступлено, оныхъ извѣстныхъ особъ неминуемо должно уполномочить обнародованіемъ Государевой воли. А по сему за изустныя повелѣнія и указы приемлемъ мы всѣ тѣ постановленія, которыя письменно, или словесно вышеписанныя особы предаютъ намъ дѣйствительно таковыми. И ежели имѣемъ мы основательныя къ вѣроятности причины, какъ то: запримѣтили, что Государь для обнародованія своей воли употреблялъ всегда извѣстныхъ людей, особливыя печати, и сему подобные знаки, что у

оныхъ не отнималъ ни когда своея важности, и что тѣ, которые неповѣря сему обнародованію, законъ преступили, были наказаны: въ такомъ случаѣ и повинующихся вышеписаннымъ *изустнымъ повелѣніямъ* и *указамъ* вездѣ одобряютъ, и отметающихъ оныя наказываютъ повсемѣстно. Ибо допустить, чтобъ теченіе вышеписанныхъ дѣлъ безпрестанно одинъ и тотъ же самый образъ имѣло, есть ощутительное доказательство благоволенія Царева: лишъ бы только не содержалось въ законѣ такое постановленіе, которое верьховной власти нѣкоторый ущербъ содѣлать можетъ. Поне же нѣтъ ни единаго въ свѣтѣ Государя, который бы, удерживая при себѣ право правительства, дозволилъ своимъ намѣстникамъ и подданнымъ повелѣвать со уменьшеніемъ собственныя своея власти. Естьли же разумъ закона подлежитъ сомнѣнію, въ такомъ случаѣ яснаго оному истолкованія требовать должно отъ тѣхъ особъ, коимъ познаніе причинъ, или судопроизводство поручено отъ верьховныя власти; тѣмъ наипаче, что судопроизводство есть сообразованіе законовъ со всякими случаями. А узнавать членовъ, для истолкованія законовъ опредѣленныхъ, такимъ же образомъ можно, какъ и обнародующихъ Государственные законы.

14. Гражданскій законъ, по сугубому обнародованія образу, еще бываетъ двоякій: *писанный и неписанный.* Писаннымъ называю я тотъ, которому недостаетъ законадателева гласа, или инаго произволенія его знака, чтобъ быть закономъ. Ибо всѣ законы и по естеству своему, и по времяни въ древности человѣческому роду не уступаютъ; а посему воспослѣдовали они прежде еще изобрѣтенія буквъ и письменъ. Слѣдовательно

не писаніе, но гласъ для письменнаго закона потребенъ: сей служитъ къ существу его, оное же къ припамятованію. Понеже до изобрѣтенія буквъ въ подкрепленіе памяти, превращаемы были законы въ стихи, и превращенные въ пѣнія употреблялись. Не писаннымъ же именуется тотъ, для обнародованія коего потребенъ токмо гласъ природы, то есть, естественный разумъ: каковы суть всѣ естественные законы. Ибо, хотя по завѣщанію своему человѣческой волѣ, отъ гражданскихъ они и разнятся: однакожъ въ разсужденіи нашихъ дѣйствій единый и тотъ же законъ съ оными составляютъ, И какъ не возможно предписать такихъ правилъ, по которымъ бы всѣ да еще и бесчисленныя наши ссоры превращены были: слѣдственно при всякомъ случаѣ, писанными законами не опредѣленномъ, сноситься должно съ закономъ естественнаго равенства, повелѣвающимъ равнымъ воздавать разная. Наблюдать же сіе сношеніе надлежитъ въ силу гражданскихъ законовъ, которые безъ наказанія не оставляютъ ни единаго гражданина, по вѣденію и своевольно естественный законъ дѣйствительно нарушившаго.

15. Изъ вышеписаннаго истолкованія явствуетъ, что законовъ естественныхъ, хотя и въ философскихъ книгахъ содержащихся, писанными законами назвать не можно, что писанія упражняющихся въ расмотрѣніи правъ, и отвѣты мудрецовъ, то есть судей, по недостатку верьховныя важности, законовъ такъ же не составляютъ. Правда, что судейскіе приговоры причисляются къ писаннымъ законамъ: но токмо тогда, когда верьховная власть соизволитъ ихъ ввести во обыкновеніе. Они восприимутъ на себя важность

законовъ,

законовъ, не по обыкновенію, (которое само собою закона не составляютъ) но по соизволенію верьховныя власти; ибо допустить, чтобъ извѣстное нѣкое мнѣніе вошло въ обычай, есть нѣчто иное, какъ его одобрить.

16. *Преступленіе*, въ пространномъ означеніи, заключаетъ въ себѣ всякое *дѣйствіе*, *изрѣченіе* и *желаніе*, благоразумію противное. Извѣстно, что каждый человѣкъ избираетъ себѣ нѣкую цѣль, а къ достиженію оныя изыскиваетъ средства помощію соразсужденія. Разсуждая правильно, обрящетъ онъ прямый путь къ своей цѣли: иначе же заблудитъ, то есть, *сдѣлаетъ*, *скажетъ*, или *предприиметъ* нѣчто, собственному своему умоначертанію противное. Въ таковыхъ обстоятельствахъ находящагося человѣка, судя по разсужденію, слабоумнымъ, судя же по дѣйствію и произволенію, преступникомъ называютъ; понеже преступленіе слѣдуетъ погрѣшности такъ же, какъ и воля разумѣнію. И сіе то есть общее слова употребленіе, въ которомъ всякое заключается не благоразумное дѣйствіе, какъ противное законамъ, на пр. *разрушить ближняго домъ*; такъ съ оными согласное, какъ то: *соорудить для себя на пескѣ храмину*.

17. При разсужденіи же о законахъ, преступленіе въ тѣсномъ приемлется знаменованіи. Оно означаетъ уже не всякое безразсудное дѣйствіе: но то, въ коемъ человѣкъ бываетъ обвиняемъ. А притомъ не всякое обвиненіе: но токмо основательное преступленіемъ именуется. И такъ слѣдуетъ теперь вопросить, которое обвиненіе справедливымъ, котороеже неправильнымъ почесть должно? Всѣ люди естественную имѣютъ склонность

и хвалитЪ желаемое, и охуждать, производящее вЪ нихЪ отвращеніе. И такЪ отЪ различія страстей происходитЪ, что не токмо двое обЪ одномЪ судятЪ разнообразно; но одинЪ человѣкЪ туже самую вещь иногда одобряетЪ, иногдаже порочитЪ. ВЪ сіе же противорѣчіе впадаетЪ онЪ болѣе по тому, что о *благѣ* и *злѣ* судимЪ мы по собственному увеселенію и прискорбію. И какЪ всѣ удачныя дѣйствія неприятелей, (непремѣнно честь ихЪ, стяжанія и могущество усугубляющія) и сверстниковЪ, (безпрестанно о чести между собою преніе имѣющихЪ) весьма многимЪ наносятЪ прискорбіе, а при томЪ едва не всѣ и обыкли охуждать, то есть, обвинять все то, отЪ чего нѣкое зло претерпѣть имЪ случилось: слѣдовательно не возможно допустить того, чтобЪ наши дѣйствія оцѣнены были согласіемЪ такихЪ твореній, которыя обЪ одной и той же вещи мыслятЪ разнообразно. Правда, что главнѣйшія нѣкоторыя пороки, какЪ то: *воровство*, *прелюбодѣяніе* и проч. согласятся они назвать *преступленіями*: но какаяжЪ изЪ сего названія воспослѣдуетЪ польза, когда не будемЪ мы знать, какое дѣйствіе воровствомЪ именовать должно? И такЪ, ежели на толикое множество разнообразныхЪ умовЪ, а особливо по равенству человѣческаго естества, ни какого одинЪ предЪ другимЪ предпочтенія не заслуживающихЪ, вЪ рѣшеніи вышеписаннаго вопроса положиться не можно, а при томЪ разсмотрѣть и здѣлать ему точное опредѣленіе, кромѣ частнаго человѣка и общества нѣкому: слѣдовательно всѣ дѣйствія, справедливому обвиненію подлежащія, общество опредѣлить долженствуетЪ. А посему преступленіемЪ именуется *всякое дѣйствіе*,

дѣйствіе, изрѣченіе и желаніе, общественному благополучію, то есть, *законамъ противное.*

18. Между безчисленнымъ народа множествомъ, нѣкоторые стараясь безпрестанно сохранить законы, хотя и нарушаютъ ихъ по человѣческой слабости: однакожъ нарушеніе сіе, какъ противное законамъ, справедливому подлежитъ обвиненію, и прямо преступленіемъ именуется. Нѣкоторые же при всякомъ случаѣ, прибытокъ и послабленіе имъ обѣщающемъ, презрить законы не усумнятся, такъ, что ни святость договоровъ и вѣрности, ниже самая совѣсть отвратить ихъ отъ того не можетъ. Таковою страстію зараженный человѣкъ, и духомъ и дѣйствіемъ закону противоборствуетъ. И такъ перьвые, при самомъ нарушеніи законовъ, добрыми людьми остаются: послѣдніе же и во время соблюденія оныхъ бываютъ злыми. А хотя человѣкъ и дѣйствіемъ и духомъ возстаетъ противу закона: однакожъ сіе противоположеніе разными отличается означеніями, какъ то: *нарушающее законы дѣйствіе*, называется *дѣйствіемъ несправедливымъ*: противный же закону *духъ*, *духомъ неправеднымъ* и *злобнымъ* именуется. Перьвое отъ слабости возмущеннаго, послѣднее же отъ спокойствія искаженнаго *ума* произходитъ.

19. Ежели преступленіе есть дѣйствіе, противное какому либо закону, а законъ не иное что, какъ повелѣніе верьховнаго правителя, верьховнымъ же въ обществѣ правителемъ бываетъ то лице, которое мы по общему согласію верьховною властію уполномочили: къ какомужъ роду преступниковъ причислить должно того, который будетъ отрицать бытіе Божіе, или иное противу его

избѣгаютъ

изблюетъ зловоніе. Ибо таковый скажетъ: *что нетокмо никогда не покарялъ воли своея, волѣ Божіей, но немыслилъ и томъ, что онъ существуетъ. А хотя мнѣніе сіе погрѣшность, а слѣдственно и преступленіе въ себѣ заключаетъ: однакожъ должно его отвести ко преступленіямъ неразумія, или невѣденія, за которыя по праву наказывать не можно.* Сію рѣчь до того кажется допустить должно, что сіе хотя наивеличайшее и беззаконнѣйшее преступленіе, ко преступленіемъ однакожъ неразумія *, или невѣденія отнести должно: но чтобъ безуміе послужить могло ко извиненію преступника, сего допустить со всемъ не возможно. Безбожникъ долженъ быть наказанъ или непосредственно всемогущею рукою, или отъ земныхъ владыкъ, его промысломъ на престолъ возведенныхъ. Да и наказывается онъ отъ послѣднихъ не какъ подданный, государственное установленіе нарушающій: но какъ неприятель, отмѣтающій общественные законы, по праву брани.

20. Понеже данное о соблюденіи гражданскихъ законовъ обязательство твердость свою получило отъ тѣхъ договоровъ, которые для изъявленія верьховной власти безпредѣльнаго и совершеннаго послушанія взаимно между собою утвердить граждане согласились, допустивъ при томъ, чтобъ въ вышеписанномъ договорѣ всѣ законы безъ изъятія заключались: слѣдуетъ изъ того, что гражданинъ нарушая общій оный и главнѣйшій договоръ, становится преступникомъ всѣхъ вообще законовъ единожды. Сіе злодѣяніе есть самое напопаснѣйшее и безподобное. Каждый проступокъ превышаетъ оно такъ же, какъ и безпрестанное законовъ нарушеніе, единую погрѣшность: а по сему и наименовали его *преступленіемъ во оскорбленіи величества.*

И

И такъ преступленіе во оскорбленіи величества есть *дѣйствіе, или изрѣченіе, посредствомъ коего гражданинъ, или подданный объявляетъ, что не желаетъ онъ повиноваться извѣстному лицу, или собранію, верьховною властію уполномоченному.* Изъ вышеписаннаго опредѣленія явствуетъ, что дѣйствіемъ величество оскорбляютъ всѣ тѣ, кои противу верьховнаго лица, или его намѣстниковъ дерзаютъ усилиться, каковы суть: измѣнники, цареубійцы, возстающіе на общественное спокойствіе и переметчики. Изрѣченіемъ же наносятъ ему оскорбленіе тѣ, кои осмѣливаются говорить, что верьховной власти совершенно и во всемъ повиноваться не должно, что ей не предоставлено права по своей волѣ объявлять брань, заключать миръ, набирать воиновъ, налагать подати, назначать правительства и властей, издавать законы, рѣшить распри и опредѣлять наказанія. Словомъ сказать: всякое изрѣченіе, верьховной власти предѣлы предписующее, есть преступленіе въ оскорбленіи величества. Сіе и симъ подобныя дѣйствія и изрѣченія, вышеписанными преступленіями именуются (не по гражданскому, но) по естественному закону. Много есть и такихъ дѣйствій, которыя по установленіи гражданскихъ законовъ оскорбленіемъ величества наименованы. На примѣръ: ежели укажетъ Государь почитать оскорбителями величества дѣлающихъ подложныя государственныя печати и деньги: то изобличенные въ семъ дѣлѣ граждане подъ именемъ оскорбителей величества и судимы будутъ. Но при всемъ томъ преступленіе ихъ не столько важно, какъ вышеписанныя; тѣмъ наипаче, что оно не всѣ вообще, но единъ токмо законъ нарушаетъ. Да

и самый законъ, именующїй преступленїемъ во оскорбленїи величества такое дѣйствїе, которое по естеству своему сего означенїя не заслуживаетъ, содѣлаетъ токмо ненавистнѣйшимъ единое имя, и большимъ наказанїемъ оскорбитъ преступника, самаго же преступленїя увеличить ни какъ не можетъ.

21. Всякое преступленїе естественнымъ закономъ оскорбленїемъ величества наименованное, не *гражданскїй*, но *естественный* законъ нарушаетъ. Ибо когда данное о гражданскомъ повиновенїи обязательство, посредствомъ коего всѣ гражданскїе законы въ своей силѣ пребываютъ, воспослѣдовало еще до постановленїя гражданскихъ законовъ, преступленїе же оскорбляющее величество, есть нечто инное, какъ вышеписаннаго обязательства нарушенїе: слѣдовательно преступленїемъ симъ бываетъ пренебрегаемъ законъ, состоявшїйся еще до постановленїя гражданскихъ законовъ, то есть, естественный, который договоры и данную вѣрность хранить повелѣваетъ. А хотя Государь въ законѣ напишетъ такъ: *не дерзай бунтовать противу отечества*: однакожъ сїе завѣщанїе ни какого плода принести не можетъ; понеже при самомъ еще учрежденїи общества повиноваться, а слѣдовательно и небунтовать гражданѣ обязались. И такъ всякое повторительное обязательство, кромѣ безполезныя излишности, ни чего не составляетъ.

22. Изъ сего слѣдуетъ, что измѣнниковъ, бунтовщиковъ и прочихъ оскорбителей величества не *гражданское*, *но естественное право* къ понесенїю наказанїя осуждаетъ. А по сему наказываютъ ихъ не*какъ злыхъ гражданъ*; но какъ общественныхъ

непріятелей, и *не по праву властительства, то есть, господствованія, но по праву брани.*

23. Многіе отваживаются мечтать, что всякое гражданскимъ законамъ противное дѣйствіе загладить можно тогда, когда опредѣленному закономъ наказанію преступникъ охотно подвергнется, и что по самопроизвольномъ онаго претерпѣніи каждый предъ Богомъ оправдается во грѣхѣ, противу естественнаго закона содѣянномъ. [хотя нарушеніемъ гражданскихъ законовъ нарушаемъ мы и естественные] Разсуждая такимъ образомъ, думаютъ они, что законъ непрепятствуетъ намъ въ твореніи злодѣяній, и что присоединенное къ нему наказаніе означаетъ токмо цѣну, за которую свободное теченіе дѣлъ, законами воспрещенныхъ, продается. Послѣдуя столь не основательному положенію, прибавить еще можно и то, что ни какое нарушеніе закона преступленія не составляетъ: но каждый гражданинъ правильно присвояетъ себѣ ту вольность, которую съ понесеніемъ собственнаго вреда достать осмѣлился. Вѣдать же должно, что разумъ закона злодѣйствовать возпрещаетъ намъ иногда совершенно, какъ то: *не твори*, угрожая при томъ, что *всѣ творящіи недозволенное, наказанія не избѣгнутъ.* Иногда же съ условіемъ, на примѣръ: *нетвори заповѣданнаго, ежели наказанію подвергнуться не желаешъ.* Въ перьвомъ случаѣ преступникъ оскорбляетъ законъ недозволеннымъ дѣйствіемъ, а слѣдовательно и погрѣшаетъ: въ последнемъ же подвергающійся охотно опредѣленному наказанію, ни малѣйшаго прегрѣшенія не дѣлаетъ; понеже въ перьвомъ случаѣ возпрещаетъ законъ всѣмъ, въ послѣднемъ же не желающимъ токмо понести наказанія. Въ перьвомъ случаѣ мстительная

закона

закона часть не преступника подвергнуться вѣязанію, но правительство наказывать преступниковъ понуждаетъ: въ послѣднемъ же заслуживающій токмо наказаніе, понести оное обязуется. Каковое обязательство всякой неусумнится нарушить тогда, когда смерть, или иную мучительную казнь претерпѣть ему доведется. Въ какомъ же смыслѣ законъ понимать должно, сіе зависитъ отъ воли верьховнаго правителя. Но ежели разумъ закона будетъ сомнителенъ, въ такомъ случаѣ должно припомнить, что воздержаться отъ не извѣстнаго дѣйствія есть самое лучшее средство, и что всякое предприятіе, учиненное на удачу, непростительно, какъ бы законъ послѣ изтолкованъ не былъ. Предположивъ сіе умствованіе, слѣдуетъ теперь заключить, что вышеписанное раздѣленіе повиновенія на *дѣйствительное* и *страдательное* со всемъ не основательно. Да и возможноль почесть его основательнымъ, когда допускаетъ оно утверждать, что отъ опредѣленныхъ смертными наказаній можно очиститься, и что не грѣшатъ всѣ тѣ, кои свою погрѣшность собственною замѣнили скорбію? Сія мысль естественному, а слѣдственно и Божію закону противна.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

стра.	стро.	напечатано.	читай.
4.	4.	разумнѢйшими	разумнѢйшими,
		почитающїеся	прочихъ почитающїеся
4.	16.	опредѢленіи	опредѢленій
	17.	дефиницїи	дефиницїй
5.	11	они, слѢдуетъ	они посредствомъ господствованія; слѢдуетъ
12.	13.	малыя,	малый
13.	3.	поступкомъ	поступкамъ
	6.	противный	противны
16.	7.	онаго	права
17.	26.	благотворящїя	благотворящїй
	27.	означающїя	означающїй
18.	1.	такъ	какъ
21.	32.	и даръ въ силу	и даръ, то есть, въ силу
	33.	права къ тому	права на того
22.	16.	приобрѢтающемуже	приобрѢтающему
23.	34.	а по исполненїи	а по неисполненїи
25.	6.	будутъ	небудутъ
26.	19.	обязательствахъ	обстоятельствахъ
29.	18.	въ обращенїи,	въ обществѢ
31.		то есть, сту	то есть, ежели сту
32.	7.	согласна	согласная
	11.	и съ дозволенїя	но съ дозволенїя
35.	18.	благо	благо.

стра.	стро.	напечатано.	читай.
	19.	жестокосердїе	жестокосердїемЪ
	31.	безчестнаго человѢка	и безчестнаго человѢка
37.	17.	людскостїю наименовано;	людскостїю, нарушенїеже грубостїю наименовано.
38.	5.	соотвѢтствовать ;] желанїю каждаго естьлиже	соотвѢтствовать;] естьлиже
39.	5.	воставить	возставить
45.	23.	бываетЪ, для	бываютЪ. Для
48.	5.	произходящаго	производящаго
50.	6.	сїю	сїя
52.	12.	и притчетникЪ глаголетЪ	и притч. глав. 6. ст. 16. 19.
	4.	она.	она и проч.
53.	8.	устѢхЪ	устѢхЪ
56.	8.	по обстоятельствамЪ.	по тогдашнимЪ обстоятельствамЪ
60.	14.	разсужденїи	разсужденїй
65.	17.	раждается	раждаются
81.	34.	уничтожить	уничтожится
90.	12.	вельможеначалїемЪ	вельможеначалїе
93.	32.	по себѢ	себѢ
94.	7.	ежелиже	ежели
	11.	и неиначе	или иначе
	13.	приведшїй	приведши
	29.	споспѢшествующихЪ можетЪ	споспѢшествующихЪ, можетЪ
96.	8..	сїе время	вЪ сїе время.

9.

страниц.	строк.	напечатано.	читай.
	9	удерживаетъ	удерживается
100.	4.	победитель	победителю
	5.	находиться	состоитъ
	7.	победитель	победителю
	26.	служитель	рабъ
108.	16.	правамъ	правомъ
111.	18.	разлучаются	различаются
112.	2.	разсуждеїе	разсужденїе
117.	24.	гражданина	гражданину
121.	26.	ученїе	учиненїе
	27.	знаменитыхъ	знаменитыя
122.	5.	участи	участїя
	32.	калигули	калигулы
125.	2.	о нисканїя	о снисканїя
126.	2.	затрудительныхъ	затрудни-тельныхъ
127.	2.	потребно,	потребно.
128.	10.	по томъ	потому
129.	33.	несосвойственный	не свойствен-ный
130.	3.	воз-	воз-
	4.	ратясь	вратясь.
131.	5.	онъ	самъ
14	11.	за хочетъ	захочетъ
144.	20.	находяться	находятся
149.	21.	правильство	правитель-ство
154.	31.	делаютъ	делаетъ
557.	37.	выподныхъ	выгодныхъ
162.	30.	соеденение	соединенїе
168.	2.	сїе	сїе
	10.	возвратишься	возвратится
	12.	наб-	на-
		людать	блюдать

стра.	стро.	напечатано.	читай
	16.	чрезвычайныйхъ	чрезвычай-ныхъ
170.	18.	А съ верхъ	А сверхъ
172.	5.	Божїи	Божїй
173.	16.	священные свѣтскїе	свѣщенные и свѣтскїе
182.	33.	обществѡ	общество
186.	9.	величеста	величества.

)o(

